

12

PSRS AUGSTĀKĀS IZGLĪTĪBAS MINISTRIJA
LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ZINĀTNISKIE RAKSTI УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

XII SEJUMS * ТОМ XII

JURIDISKĀS ZINĀTNES, I
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ, I

RĪGĀ, 1957 RĪGA

PSRS AUGSTĀKĀS IZGLĪTĪBAS MINISTRIJA
LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ZINĀTNISKIE RAKSTI УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

XII SEJUMS * TOM XII

JURIDISKĀS ZINĀTNES
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

PIRMAIS IZLAIDUMS * ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

RĪGĀ 1957 РИГА

44/5759

1

Redakcijas koleģija:

*Docents O. Grinbergs,
Docents G. Kļava,
Docents A. Liede.*

Редакционная коллегия:

*Доцент О. Гринберг,
Доцент Г. Клява,
Доцент А. Лиеде.*

I

VALSTS UN TIESĪBU TEORIJA
UN VĒSTURE

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Доцент Э. М. Удрис

П. И. СТУЧКА — РЕВОЛЮЦИОНЕР, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ

В текущем году исполняются 92 года со дня рождения и 25 лет со дня смерти верного сына латышского народа, пламенного борца за освобождение трудящихся от ига самодержавия и капитализма, активного участника трех революций, выдающегося деятеля латвийского и международного рабочего движения, основателя и руководителя Коммунистической партии Латвии, выдающегося марксистско-ленинского теоретика права и государства — Петра Ивановича Стучка.

П. И. Стучка родился 27 июля 1865 года в семье крестьянина Кокнесской волости Рижского уезда, умер 25 января 1932 года в Москве. Его останки замурованы на Красной площади в Кремлевской стене.

Семьдесят лет назад Петр Иванович Стучка начал свою славную революционную борьбу с царизмом, организацию пролетариата Прибалтики в монолитную марксистскую рабочую партию большевиков, борьбу за создание нового коммунистического общества.

Окончив гимназию в г. Риге, П. И. Стучка в 1884 году поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1888 году с ученой степенью кандидата юридических наук. Еще будучи студентом он изучал марксизм, принимал деятельное участие в революционном движении и, в частности, поддерживал связь со старшим братом В. И. Ленина — Александром Ильичем Ульяновым.

По окончании университета П. И. Стучка работал присяжным поверенным в Риге. Одновременно он стал сотрудничать в ежедневной газете «Диенас Лапа», которая в начале 90-х годов стала идейным центром движения латышской демократической интеллигенции — так называемого «нового течения» («Яуна страва»). Левое крыло «новотеченцов» во главе с

П. И. Стучка использовало страницы «Диенас Лапа» для пропаганды идей марксизма.

Большое влияние на революционную деятельность приверженцев левого крыла «новотеченцев» — П. Стучка, Я. Райниса, Фр. Розиня, П. Дауге и др. — оказала работа петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», созданного В. И. Лениным в 1895 году. П. И. Стучка был одним из первых латышских марксистов, понявших историческое значение ленинского «Союза борьбы» и идейно примкнувших к нему. П. И. Стучка являлся членом большевистской партии с 1895 года, т. е. со времени создания ленинского «Союза борьбы».

Левое крыло «новотеченцев» во главе с П. И. Стучка направило свои усилия на установление связи с возникшими в 90-х годах первыми нелегальными марксистскими кружками Риги и Лиепайи и начало работу по организационному объединению разрозненных марксистских кружков.

Впрочем, «новотеченцы» пробуждали и латышских женщин к самостоятельности. Одной из первых пионерок женского движения в Латвии была Дора Христофоровна Плекшан, сестра Я. Райниса, а впоследствии жена П. И. Стучка. Она являлась первой латышской женщиной, получившей высшее образование за границей, перевела на латышский язык многочисленные труды марксистской литературы и весьма активно помогала П. И. Стучка в его большой и многогранной общественной работе.

Квартира П. И. Стучка служила явочным пунктом для лучшей части латышской прогрессивно настроенной молодежи. Именно здесь молодежь всегда могла достать интересующую ее марксистскую литературу и услышать увлекательные рассказы П. И. Стучка о новых идеях, возникших в русских университетах или за границей. Именно здесь, на квартире П. И. Стучка, была проявлена попытка создать первую партийную организацию Латвии, в основу которой была положена Эрфуртская программа германской социал-демократической партии.

В результате работы левого крыла «новотеченцев» и в Риге и в Лиепае в 1895 и 1896 годах происходили первые забастовки рабочих и первомайские демонстрации. Мещанское болото латышской и немецкой буржуазии взбудоражилось. Начались провокационные «разоблачения» деятелей «нового течения», а затем и обыски и аресты. П. И. Стучка призывал «новотеченцев» к конспирации. 24 июня 1897 года газета «Диенас Лапа» была закрыта, а через 13 дней — арестована редакционная коллегия газеты во главе с П. И. Стучка. Общее число арестованных деятелей «нового течения» составляло 138 человек.

Первыми массовыми политическими арестами завершилась деятельность левого крыла «нового течения» («Яуна страва»). П. И. Стучка был сослан на 5 лет в Вятскую губернию. Но искра марксизма была брошена среди латышского рабочего класса и трудового крестьянства. Вскоре в Латвии возникло мощное подпольное рабочее движение. Рабочие Риги в 1899 году во время грандиозной для того времени политической забастовки выдержали первую открытую вооруженную битву с полицией и войсками.

Редактируемая П. И. Стучка «Диенас Лапа» сыграла огромную организующую роль в начальный этап революционного движения пролетариата Прибалтики. Его партийное руководство и многочисленные статьи в нелегальной латышской партийной прессе как в Латвии, так и за границей произвели сильное впечатление на трудящиеся массы, организовали их, вселили в них уверенность в недалекой победе революции.

Арест П. И. Стучка и ссылка его в 1898 году в Вятскую губернию на пять лет несколько не ослабили его энергии в революционной борьбе. После ссылки он в 1903 году переехал на жительство в Витебск, так как ему было запрещено проживание в Латвии и в университетских городах. Проживая в Витебске, П. И. Стучка поддерживал партийные связи с Ригой, направлял усилия к объединению разрозненных социал-демократических организаций Латвии в единую марксистскую партию пролетариата. Связь он поддерживал также с товарищами, находившимися в эмиграции. В Берне (Швейцария) и Бостоне (США) стали выходить на латышском языке «Социал-демократ» и «Аусеклис»; П. И. Стучка сотрудничал в журнале «Социал-демократ», выходившем под редакцией старого большевика Ф. Розин-Азиса.

Под руководством П. И. Стучка в июне 1904 года в Риге нелегально был проведен 1-й съезд социал-демократических организаций Латвии. На съезде была образована Латышская социал-демократическая рабочая партия (ЛСДРП), сыгравшая огромную роль в руководстве революционным движением в Латвии; в этот период была создана и первая подпольная типография газеты «Циня».

В период 1905—1907 годов преследуемый полицией П. И. Стучка проживал в Риге, в Финляндии и Петербурге и, являясь членом Центрального Комитета партии, принимал активнейшее участие в партийной работе, участвовал как на 2-м, так и на 3-м, объединительном, съезде партии, на котором ЛСДРП влилась в РСДРП под названием «Социал-демократия Латышского края» (СДЛК). Съездом руководил П. И. Стучка,

и под его руководством Социал-демократия Латышского края организационно стала составной частью РСДРП.

П. И. Стучка много поработал для объединения партии и революционизирования пролетариата и беднейшего крестьянства. В период революции 1905 года латышский пролетариат и революционное крестьянство восстали, объявив беспощадную войну царю и прибалтийским баронам, и создали у себя первые распорядительные комитеты — прообраз Советской власти — и народную милицию, которая при помощи рабочих боевых дружин с боем заняла ряд городов и населенных пунктов: Тукумс, Талси, Лиелварде, Скривери, Цесвайне, Руиена: Тукумс был с боем занят трехтысячным отрядом народной милиции и крестьян и т. д., и т. п.

Царская власть жестоко подавила вставшие народные массы Прибалтики, объявив часть Латвии на положении усиленной охраны, а часть на военном положении и прислав в Латвию воинские части, состоявшие из драгунских полков, пехотных частей и артиллерии под командованием кровавого Орлова. Восстание было подавлено. Сотни передовых революционных бойцов были казнены, тысячи рабочих, батраков и безземельных крестьян искалечены; одних учителей пострадало около 700: из них 5 было повешено, 25 расстреляно, 72 подвергнуто телесным наказаниям. Однако П. И. Стучка с еще большей силой большевика-стратега неутомимо продолжал дело партии, подготавливая латышский пролетариат и трудовое крестьянство к решительной борьбе с царизмом, к грядущей пролетарской революции.

Оценку революционной борьбы латышской социал-демократии дал гениальный руководитель революции В. И. Ленин. В июле 1910 года в статье к юбилейному номеру газеты «Циня» В. И. Ленин пишет, что «...осталось впечатление об особенно «нормальном», безболезненном развитии латышской социал-демократии в переживаемое нами тяжелое время. Это впечатление было создано тем, что социал-демократия Латышского края, будучи по своему составу наиболее пролетарской и руководимая преимущественно самими рабочими, уже совершила требуемый объективными обстоятельствами переход к выработке особой тактики и разрешению организационных задач затнувшегося периода контрреволюции. Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя. ... официальная статистика стачек за 1905 год... показывает, что Лифляндская губерния стоит на первом месте по настойчивости пролетарской

стачечной борьбы. ...Из этого видно, насколько сознательнее, единодушнее и революционнее выступал латышский пролетариат. Но известно также, что его руководящая роль авангарда в наступлении на абсолютизм не ограничивалась забастовочной борьбой: он шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на наивысшую ступень, то есть на ступень восстания. Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство.

Будучи одним из передовых отрядов российской социал-демократии во время революции, латышская рабочая партия оказалась впереди и в тяжелый период контрреволюции. ...нам стало известно, что у латышской социал-демократии не народилось особого течения ни от увлечения революционной фразой (вроде наших «отзовистов»), ни от увлечения легальными возможностями (вроде наших ликвидаторов, которые отрицают нелегальную партию, махают рукой на задачи восстановления и укрепления РСДРП). Латышские социал-демократические рабочие сумели поставить работу по использованию всяческих легальных возможностей: легальных союзов, различных рабочих обществ, думской трибуны и т. д.; причем, они ничуть не «ликвидировали» нелегальную, революционную социал-демократическую партию, а, наоборот, сохранили везде партийные нелегальные рабочие ячейки, которые будут защищать и развивать традиции великой революционной борьбы, настойчиво и неуклонно подготавливая все более и более широкие и сознательные массы борцов из молодых поколений рабочего класса» (В. И. Ленин, Соч., Т. 16, стр. 235—236).

В годы столыпинской реакции П. И. Стучка, проживая в Петербурге, непрерывно продолжал работать в латышской нелегальной прессе, а также помещал свои статьи в русских партийных изданиях под псевдонимом «Ветеран», «Параграф». Наряду с этим П. И. Стучка вдвоем с Козловским защищал в высшем судебном органе — сенате в Петербурге осужденных царскими судами участников революции 1905 года, всемерно используя старый закон для их защиты.

Следует отметить, что в начале 1906 года П. И. Стучка познакомился с вернувшимся в Россию В. И. Лениным, и между ними установились тесные товарищеские связи. П. И. Стучка стал активным пропагандистом ленинских идей и до конца жизни остался верным учеником Ленина.

С 1907 и до середины 1918 года П. И. Стучка жил в Петербурге, принимал активное участие в деятельности петербург-

ской организации большевиков. Но одновременно он был тесно связан с латышским народом и принимал деятельное участие в работе СДЛК.

Следует отметить, что в конце периода реакции латышским меньшевикам и примиренцам удалось на время овладеть руководящими центрами СДЛК. Они пытались оторвать СДЛК от российских большевиков. П. И. Стучка, под руководством В. И. Ленина, вел непримиримую борьбу с меньшевиками и примиренцами, и в январе 1914 года на IV съезде СДЛК, на котором участвовал также В. И. Ленин, меньшевики были изгнаны из руководящих органов СДЛК. Кроме того, по поручению В. И. Ленина, П. И. Стучка выехал в Берлин и провел там совещание с находившимися за границей латышскими большевиками по вопросу объединения СДЛК с большевистской партией; объединение это состоялось в период первой мировой войны.

В разгаре первой мировой войны царским правительством при поддержке латышской буржуазии (Я. Гольдмана и Я. Залита из IV Государственной думы), были организованы латышские стрелковые части. Царское правительство и латышская буржуазия старались отравить сознание латышских трудящихся шовинистическими лозунгами защиты отечества. Но это им не удалось. Большевистская партия решительно выступила против империалистической войны, призвав социалистов всех империалистических стран к борьбе за поражение в войне своих правительств, за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Пораженческие идеи вскоре проникли в стрелковые части. Под руководством большевиков и при ближайшем участии П. И. Стучка во всех латышских стрелковых частях были созданы нелегальные партийные организации и солдатские комитеты, которые широко развернули работу среди солдат за отказ от наступления, за братание с немецкими солдатами, за немедленный демократический мир, за превращение несправедливой империалистической войны в войну гражданскую, в войну против капиталистов, за мировую революцию.

В результате этой работы еще в 1916 году на северо-западном фронте латышские стрелки начали братание с немецкими солдатами, отказывались от наступления и требовали заключения демократического мира.

6-й латышский тукумский полк первый отказался от наступления. За ним последовали и другие стрелковые части. В стрелковые партийные организации неоднократно приезжал из Петрограда и П. И. Стучка, который со свойственной ему боль-

шевистской решимостью заявил стрелкам: Да объединят колоссальные человеческие жертвы рижского фронта (обеих сторон) весь мировой пролетариат в борьбе против своих капиталистов, в борьбе за международную пролетарскую революцию! За демократический мир! Долой все то, что преграждает этот революционный путь. Берегитесь быть охваченными шовинистическими настроениями!

В конце декабря 1916 года в боях у Пулеметной горки пало много стрелков как из латышских, так и сибирских полков. Это вызвало резкий протест и массовый отказ стрелков от наступления, неповиновение командованию. Заработали военно-полевые суды, и 1 января 1917 года 63 солдата из 17-го и 55-го Сибирских полков были расстреляны перед строем; 6-й Латышский стрелковый полк пытались расформировать, но не посмели, боясь сплоченности латышских стрелковых частей, и, не имея для расформирования реальной силы, сняли полк с позиций. Весьма характерно, что после Февральской революции латышские стрелки перенесли останки своих братьев — 63 расстрелянных сибиряков — в г. Ригу на братское кладбище. Это — яркий пример пролетарской солидарности и братства рабочих и крестьян многонациональной России, сложившихся на фронте.

П. И. Стучка присутствовал также на собрании объединенных латышских стрелковых полков 17 мая 1917 года, на котором латышские стрелки приняли историческую резолюцию, состоявшую из 12 пунктов, в которой они выразили недоверие временному правительству, заявили о своем переходе на сторону рабочего класса и потребовали передачу власти Советам. Когда, вернувшись в Петроград, П. И. Стучка доложил об этом В. И. Ленину, последний, одобрительно восприняв сообщение, предложил П. И. Стучка написать «Письмо из Риги». Такое письмо было П. И. Стучка написано; оно опубликовано в газете «Правда» от 4/17 июня 1917 года.

Уже тогда П. И. Стучка назвал латышских стрелков «красными, революционными стрелками». И он не ошибся. Латышские стрелки пошли по пути, указанному В. И. Лениным. Они вышли из повиновения царской власти, вместе со своими братьями — русскими революционными солдатами восстали против временного правительства и превратились под руководством большевиков в стойких защитников молодой Советской власти, в организованную вооруженную силу власти Советов. В этом немалая заслуга П. И. Стучка.

В исторические дни Великой Октябрьской социалистической революции латышские стрелки, руководимые большевиками,

активно выступили в поддержку Советской власти. Сразу после Октябрьской революции, по почину В. И. Ленина, через П. И. Стучка была вызвана в Петроград специальная рота латышских стрелков для охраны Смольного. Скоро после этого (в ноябре 1917 года) опять таки через П. И. Стучка был вызван для охраны г. Петрограда 6-й Латышский тукумский, а для охраны Кремля — 5-й Латышский стрелковые полки. В январе 1918 года, когда решался вопрос о разгоне Учредительного собрания, которое отказалось признать завоевания Советской власти, в частности, принятые ею на II Съезде Советов декреты о мире, о земле, о рабочем контроле, В. И. Ленин через П. И. Стучка распорядился поручить провести эту операцию 6-му Латышскому стрелковому полку. В. И. Ленин тогда сказал: «Неизвестно, что будет, может случиться, что у эсеров найдется мужество сопротивляться нам. Нам нужен мощный пролетарский кулак.»

Директивы чисто стратегического порядка по этому вопросу давали латышским стрелкам Антонов-Овсеенко и Дыбенко, а партийный наказ — П. И. Стучка. Он тогда говорил, что передача власти Учредительному собранию есть то же самое соглашательство со злокачественной буржуазией, которая фальсифицировала выборы, что Советы ставят интересы трудящихся масс гораздо выше предательского соглашательства, переодетого в новый костюм. Под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию» скрывается другой, настоящий лозунг учредилки: долой Советскую власть.

Стрелки 2-го батальона 6-го Латышского тукумского стрелкового полка вместе со своими русскими товарищами с честью выполнили боевой приказ большевистской партии.

В дальнейшем, в период гражданской войны, войны с Колчаком, Деникиным, Юденичем, Врангелем и другими мятежниками против Советской власти П. И. Стучка по-прежнему держал тесные связи с латышскими стрелками. При его посредстве в первые годы революции латышским стрелкам давали те или иные ответственные поручения. Так было, когда в начале июля 1918 года в Москве надо было ликвидировать эсеровское восстание; так было и в самый трудный для молодой Советской власти период, когда Деникин наступал на Орел-Тулу, намереваясь захватить Москву.

Заверая В. И. Ленина в верности латышских стрелков революции, П. И. Стучка не ошибся: латышские стрелки все поручения Советской власти выполняли героически и с присущей большевикам дисциплиной и настойчивостью. Их попробовали подкупить социал-демократы Циеленс в Казани, Салнайс в Си-

бири, английский дипломат Локарт в Москве, но ничего из этого не вышло: латышские стрелки, верные революции, передали английского дипломата вместе с его фунтами стерлингов революционной власти. Локарт и его сообщники поклялись тогда отомстить латышским стрелкам¹. Но для этого у них руки оказались коротки. Латышские стрелки с честью пронесли красное знамя через всю гражданскую войну.

«Латышские войсковые части и, в частности, латышские стрелки — писалось в газете «Известия ВЦИК» 18 января 1920 года № 12(859), — и до организации нынешней рабоче-крестьянской армии и в самой доблестной Красной Армии своим героизмом и подвигами заслужили право на признательность русского рабочего класса и мирового пролетариата. Это — храбрые среди храбрых, преданные среди преданных, brave среди brave».

Характеризуя мужество и преданность латышских стрелков пролетарской революции, Я. М. Свердлов еще в 1918 году на Вселатвийском Съезде Советов сказал, что ни с кем мы так тесно не связаны, как с латышскими стрелками. И в том, что латышские стрелки стали верными сынами революции — большая заслуга П. И. Стучка.

Проживая в Петрограде, П. И. Стучка после Февральской революции продолжал руководить Социал-демократией Латышского края. В частности, он руководил работой XII конференции СДЛК, состоявшейся в апреле 1917 года в Москве, работой V съезда СДЛК, созванного в июле 1917 года в Риге, был делегатом от Рижской организации СДЛК на VI съезде РСДРП(б), проходившем в Петрограде с 26 июля по 3 августа 1917 года и нацелившем партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию. Кроме того, П. И. Стучка являлся членом Петроградского Комитета РСДРП(б), был делегатом на Апрельскую всероссийскую конференцию РСДРП(б), состоял в большевистской фракции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, был делегатом II Всероссийского съезда Советов, провозгласившего свержение Временного буржуазного правительства и установление в России Советской власти.

¹ В архиве был найден секретный документ, составленный лифляндским ландмаршалом и адресованный кандидату Латвийского или, правильнее, Балтийского престола Германии, в котором, в частности, цитируется беседа с Локартом в Стокгольме, во время которой последний поклялся отомстить латышским стрелкам во главе с тов. Берзиным за нанесенную ему обиду. Этот документ П. И. Стучка опубликовал в нашей печати в 1919 году. Неудивительно — англичане способны и умеют хорошо отомстить, и средства для этого у них всегда найдутся.

В дни Октябрьской революции П. И. Стучка был назначен членом следственной комиссии и первым Народным комиссаром юстиции РСФСР (1917—1918 г.г.), членом коллегии Народного Комиссариата иностранных дел; в 1919 году он — глава Советского правительства Латвии и член ЦК РКП(б); с 1920 года — заместитель народного комиссара юстиции РСФСР; с 1923 года по день смерти в 1932 году — председатель Верховного суда РСФСР; он являлся также профессором Московского университета и первым директором Московского института советского права, был видным деятелем Коминтерна, делегатом всех его конгрессов, членом ИККИ, председателем Контрольной комиссии ИККИ.

При непосредственном участии П. И. Стучка, как первого Народного комиссара юстиции, разрушались старое право, старые суды и создавались основы нового, советского права, новые советские суды. Это были задачи огромной трудности, которые разрешала Советская власть. П. И. Стучка активно помогал решать эти задачи. Он обладал глубокими знаниями марксизма, революционной смелостью, широким кругозором и неизменной верностью партийной линии. Ряд проектов революционных декретов был составлен П. И. Стучка под непосредственным руководством В. И. Ленина. В частности, пером П. И. Стучка написаны проекты декретов «О народном суде», «Об уничтожении сословий и гражданских чинов».

События того времени привели к тому, что на время Народным комиссаром юстиции РСФСР был назначен левый эсер Штейнберг. Однако, когда П. И. Стучка вернулся к практической работе в Наркомюст, ему пришлось не только продолжать начатое дело, но и исправлять то, что за это время было сделано эсером Штейнбергом. В июле 1918 года П. И. Стучка помог разработать «Положение о революционном трибунале РСФСР». В «Руководящих началах уголовного права РСФСР» 1919 года он дал марксистское определение существа репрессии в переходный период диктатуры пролетариата. Этот период формирования работы органов советской юстиции был весьма трудным: тогда работники молодой советской юстиции не обладали в полной мере оружием марксистской теоретической мысли и в практической работе нащупывали основные установки. Большую помощь оказал им П. И. Стучка: он мыслил диалектически, революционно и по-партийному подходил к созданию советской юстиции.

Недаром буржуазная печать иностранных государств, с бешеной злобой встречавшая октябрьские декреты Советской власти, так ненавидела П. И. Стучка. Керенский не один раз

злбно писал в своих статьях, что «Россией правят Стучкины». Это лишний раз подчеркивает заслуги П. И. Стучка перед революцией.

В жизни и деятельности П. И. Стучка весьма примечательным является период Советской власти в Латвии в 1919 году.

В середине декабря 1918 года в Латвии было образовано Временное Советское правительство Латвии, которое возглавлял П. И. Стучка. Временное правительство Латвии руководило борьбой за изгнание оккупантов с территории Латвии. В середине января 1919 года почти вся территория Латвии была освобождена от немецких оккупантов. В январе 1919 года в г. Риге состоялся первый Вселатвийский съезд Советов рабочих, солдат и безземельных крестьян. Съезд единодушно принял декларацию об образовании Латвийской Советской Социалистической Республики и утвердил Советское правительство Латвии во главе с П. И. Стучка. Съездом была принята Конституция ССРЛ, в разработке которой принял участие П. И. Стучка. Он же выступил основным докладчиком по проекту Конституции на съезде.

Советское правительство Латвии под непосредственным руководством П. И. Стучка провело ряд важнейших мероприятий в области экономики и культуры молодой Советской республики. П. И. Стучка в своей деятельности творчески применял опыт строительства Советов РСФСР, учитывая условия Латвии. Правительство, руководимое П. И. Стучка, всеми силами укрепляло связи и дружбу с РСФСР и другими советскими республиками, исходя из того, что сама природа Советской власти является интернациональной и сближающей народы.

Под натиском сил интервентов Советская республика в Латвии пала. Но П. И. Стучка и в дальнейшем настойчиво боролся за свободу и независимость латышского народа.

П. И. Стучка все свои силы отдает укреплению Советской власти в России. После ликвидации иностранных интервентов и окончания гражданской войны X съезд партии принял решение о переходе от продразверстки к продналогу, о переходе к новой экономической политике (НЭП). Теперь по-иному был поставлен вопрос о законности: возникла необходимость в издании кодексов, и они были созданы; возникла также необходимость в создании новой организационной формы советских судов, и она была учреждена. В этот период мы видим заместителем Народного комиссара юстиции РСФСР, а затем председателем Верховного суда РСФСР П. И. Стучка, который умел сочетать практическое руководство и практический опыт с

марксистско-ленинской теорией, умел из практического опыта выводить правильные теоретические положения.

Десять лет работы Верховного суда РСФСР связаны с именем П. И. Стучка. Верховный суд РСФСР сделался руководящим органом всей судебной периферии, и П. И. Стучка, руководя Верховным судом, давал очень много ценнейших установок по всем вопросам судебной деятельности. Многие из этих установок не утратили своего значения до сих пор. Если мы взглянем в наши учебники, в монографии, мы найдем немало ссылок на директивы, постановления Пленума Верховного суда РСФСР и определения кассационных коллегий последнего. Многие из этих документов были составлены или лично П. И. Стучка или под его непосредственным руководством; ни одно определение кассационных коллегий Верховного суда РСФСР не было опубликовано без его одобрения. При этом П. И. Стучка поощрял творческую инициативу членов Верховного суда, установив гонорар за каждое принципиальное опеределение, пригодное для печати. По его же инициативе был создан фонд отчисления от литературных заработков для оказания помощи товарищам, в частности, техническим работникам, при затруднительных случаях.

В данной работе, конечно, невозможно в систематизированном виде охарактеризовать все стороны деятельности П. И. Стучка или обобщить все впечатления, которые у меня сохранились в памяти от совместной с ним работы и личных бесед. П. И. Стучка был настоящим представителем старой большевистской гвардии, верным сыном своего народа: он целиком посвятил себя борьбе за освобождение рабочего класса, действуя упорно, неуклонно среди пролетарских масс, организуя их, помогая развитию их сознания, их революционной самостоятельности. И когда наступило время, он стал во главе вооруженной массовой борьбы трудящихся Латвии против самодержавия, немецких баронов и капиталистов. Он был достойным соратником В. И. Ленина, примером для нашей молодежи, идущей на смену старым бойцам. Он хорошо понимал существо учения Маркса-Энгельса-Ленина и умело претворял его в практической работе, организовывая органы советской юстиции, руководя ими, разрабатывая марксистско-ленинскую теорию советского права и государства.

Долгие годы революционной борьбы и напряженной работы не ослабили энергии П. И. Стучка до конца его славной жизни. Он обладал исключительной работоспособностью и дисциплинированностью, умел правильно распределять свой рабочий день, который обычно у него длился с раннего утра до 2—3 часов

ночи, включая и дни отдыха. Он жил в Кремле в двух комнатах, предоставленных ему до конца его жизни В. И. Лениным. Он не имел дачи; на работу приходил и уходил пешком, в такой прогулке состоял его отдых. Я вспоминаю случаем, когда однажды летом около 4 часов дня П. И. Стучка вышел из здания Верховного суда РСФСР на Гоголевском бульваре № 6 и ушел в сторону Арбатской площади. Я немного задержался на работе в Верховном суде и примерно через полчаса на трамвае «А» поехал домой. Доехав до Сретенских ворот, выхожу из трамвая и впереди вижу П. И. Стучка. Догоняю его и спрашиваю по старому рижскому обычаю: «Что Вы здесь делаете?». На мой вопрос он отвечает вопросом: «А Вы как сюда попали?». Я говорю, что я здесь живу, но Вы то живете не в нашем районе. Тогда П. И. Стучка говорит, что он всегда из Верховного суда (что на Гоголевском бульваре № 6) бульварами идет до Сретенских ворот, потом на Дзержинской в булочной покупает кисломолочный хлеб и направляется в Кремль, пообедаёт и вновь пешком идет на работу. В этом, говорил он, состоит лучший отдых и тренировка сердечной системы.

П. И. Стучка высоко ценил коллективность в работе и чутко прислушивался к мнению коллектива, который он учил и который его горячо любил. Не было случая, чтобы П. И. Стучка не приходил на общее собрание сотрудников, не участвовал бы в демонстрации вместе с коллективом работников. Не было случая в Верховном суде РСФСР, чтобы П. И. Стучка кому-либо объявил выговор: он умел учить, не подавляя инициативы, и коллектив выполнял работу не за страх, а за совесть.

Помню, однажды я по неопытности совершил проступок тем, что, будучи редактором судебно-арбитражного бюллетеня, без разрешения П. И. Стучка опубликовал несколько определений кассационной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР. Он не вызвал меня в кабинет для «накачки», а на очередном заседании Президиума Верховного суда, не называя моей фамилии и даже не взглянув в мою сторону, сказал, что некоторые редакторы публикуют судебные определения Верховного суда, не считая нужным согласовать об этом вопрос с руководством суда. На меня этот «выговор» так подействовал, что в будущем мне уже не приходилось выслушивать замечаний.

О том, что П. И. Стучка был исключительно скромным человеком, свидетельствует такой, весьма характерный, случай. Кажется, в 1929 году ему предоставляли полуторамесячный отпуск. Перед его отъездом в санаторий в Кисловодск финансовая часть не успела выписать ему зарплату, а когда после возвращения П. И. Стучка из отпуска кассир принес ему деньги,

он заявил: «Зачем мне деньги, я уже прожил это время в санатории» и отказался принять выписанную зарплату.

Несмотря на перегруженность практической судебной и партийной работой, П. И. Стучка очень много внимания уделял литературной и научной деятельности. Им написан целый ряд трудов по истории революционного движения Латвии и Коммунистической партии Латвии, по аграрному, национальному и другим вопросам, по Советской конституции, советской судебной политике, революционной законности, марксистско-ленинской теории права и государства. Перу П. И. Стучка принадлежит ряд политически острых статей, разоблачающих фальшивую демократию в период буржуазной диктатуры в Латвии.

В этой статье нет возможности перечислить все работы П. И. Стучка и тем более проанализировать их содержание. П. И. Стучка с марксистских позиций разработал многие важные вопросы теории государства и права. Помимо целого ряда статей, помещенных в различных журналах, в одной только Энциклопедии государства и права Коммунистической академии, вышедшей в 1925—26 годах в четырех выпусках под редакцией П. И. Стучка, мы находим 58 объемистых его работ по различным вопросам права, государства, марксизма-ленинизма, причем Энциклопедия эта является первой капитальной работой по вопросам права и государства, вышедшей при Советской власти.

Кроме того П. И. Стучка написал работу «Революционная роль права», книгу «13 лет борьбы за революционную марксистскую теорию права», «Курс гражданского права» в трех томах, а также перевел 1-й том «Капитала» К. Маркса на латышский язык. П. И. Стучка разработал различные весьма важные вопросы марксистско-ленинской теории государства и права. Везде и всюду он подчеркивал революционную творческую роль советского социалистического права и выдвинул ряд теоретических положений, не утративших своего значения для практических работников и в настоящее время.

В частности, он восставал против протаскивания элементов юридического догматического мировоззрения в судебную практику, против формального подхода к букве закона. «Прошло 12 лет революции, — пишет П. И. Стучка. — Мы начали ее самым решительным образом: разрушили старое государство и старое право. Мы возвели новое государство и новое право. И все же через 12 лет нам приходится снова говорить о революции государства и права, даже о научной постановке ее. Что это означает? Это означает, что перед нами последняя крепость буржуазного мира». — Эту последнюю крепость буржуазного

мира надо взять во что бы то ни стало, — говорил П. И. Стучка на пленумах Верховного суда, очищая наши головы от старого юридически-догматического мышления, заслоняющего путь революционному применению права.

В первой главной фазе развития нашего общества некоторые утверждали, что право по своей природе консервативно и не является рычагом движения вперед. Однако П. И. Стучка настойчиво доказывал, что право способно задерживать общественное развитие только в буржуазном обществе и, наоборот, право является рычагом движения вперед, когда оно оказывается в руках социалистического государства.

Крупное теоретическое дарование П. И. Стучка мы обнаруживаем в его труде «Революционная роль права и государства». Касаясь гражданско-правовых отношений, он пишет: «Кто понял, что собственность, наследство, купля-продажа и т. д. не что иное, как правовые отношения, а стало быть и формы общественных отношений людей, тому откроются глаза и на те общественные отношения, которые кроются за всякой действительно правовой статьёй закона». Этими воззрениями проникнут весь трехтомный «Курс советского гражданского права», в котором П. И. Стучка, отвергая старые цивилистические устои, по-новому ставит и разрешает основные вопросы советского гражданского права. П. И. Стучка разрешил положительно также вопрос о приоритете государственной собственности при разрешении гражданских споров в советском суде.

Вклад П. И. Стучка в развитие советской правовой науки является значительным, особенно, если оценивать его не с позиций нынешнего уровня развития нашей правовой науки, а с позиций той роли, которую сыграли труды П. И. Стучка в развитии советской правовой науки в тот период, когда эти труды появились на свет. Это был начальный период развития советской правовой науки, период ее становления и утверждения. Это был период ломки старых, буржуазных правовых институтов и рождения новых, советских правовых институтов, период «переоценки ценностей». Нужно было бороться как против нигилистического отношения к праву, недооценки роли права в деле осуществления диктатуры пролетариата, так и против отрицания революции в праве, произведенной диктатурой пролетариата. П. И. Стучка подчеркивал революционную роль советского, пролетарского права, решительно боролся против недооценки этой роли нашего права.

Всю свою теоретическую работу П. И. Стучка увязывал с задачами социалистического строительства. Он решительно вы-

ступал против отрыва теории от практики, доказывал, что теория должна служить практике.

П. И. Стучка в подлинном смысле слова был новатором в правовой науке. Он подмечал все новое в жизни и стремился это новое теоретически осмыслить, обосновать. Он не боялся, что может допустить ошибку, а если допускал ошибки, то он умел в практической работе сам их исправить. Он всегда говорил, что в случае допущения ошибки партия, товарищи его поправят.

Правда, у П. И. Стучки были отдельные ошибки, и кое-кто пытался их раздуть, забывая ленинское указание, что умен не тот, кто не делает ошибок, таких людей нет и не может быть. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет легко и быстро исправить их.

При этом не ошибки П. И. Стучка есть главное в его взглядах. Главное — борьба за утверждение марксизма-ленинизма в правовой науке. Враги марксизма-ленинизма цепляются за ошибки и промахи П. И. Стучка, раздувают их вовсе не для того, чтобы исправить их, а для того, чтобы нанести удар по марксизму-ленинизму.

Характерно, что небезызвестный Г. Кельзен в своей недавней работе «Коммунистическая теория права» избрал своей мишенью также теорию права П. И. Стучка, посвятив ей целую главу. Кельзен главные усилия направляет на отыскивание противоречий во взглядах П. И. Стучка, чтобы посеять сомнения в их научной ценности. Но Кельзена больше всего раздражают политические тенденции в теории права П. И. Стучка. Кельзену не нравится, что теория права П. И. Стучка «стучит в дверь буржуазии», т. е. что она используется как орудие классовой борьбы.¹

П. И. Стучка был истинным большевиком в правовой науке. Интересы партии, рабочего класса, народа он ставил превыше всего. За это ненавидели его и ненавидят наши враги.

П. И. Стучка считал, что лучший судья — это народный судья, потому что он ближе других судей стоит к трудящимся, лучше знает их нужды и гибко, по-партийному разрешает большинство судебных дел. Касаясь суда вообще, П. И. Стучка учил, что суд является органом пролетарской диктатуры — орудием государственной власти для достижения основных целей, поставленных революцией, и что для суда являются обязательными также директивы партии — руководящего авангарда рабочего класса. Однако он видел в советском суде,

¹ Н. Kelsen. *The Communist Theory of Law*. London, 1955, p. 76.

как органе диктатуры пролетариата, школе воспитания трудящихся, еще и такой научно-исследовательский орган, который, опираясь на марксистско-ленинскую теорию, обобщает приобретенный практический опыт.

П. И. Стучка был также профессором Московского государственного университета, членом Коммунистической академии и первым директором Московского института советского права. И это не случайно. Несмотря на свою занятость в Верховном суде РСФСР, он уделял особое внимание подготовке советских юристов и много работал в области выращивания научных кадров. В этой области им были высказаны оригинальные мысли, которые до сих пор являются весьма актуальными.

Так, например, он предлагал готовить не «книжного» юриста, оторванного от практических дел, а советского, образованного трудящегося, правовека-лениниста, теоретика и практика, верного генеральной линии партии коммуниста, умеющего гибко разбираться в сложнейших вопросах правовой жизни.

Для достижения этой цели он предлагал теснейшим образом сочетать теорию с практикой как в учебной работе студентов, так и в деятельности преподавателей. Не должно быть ни одного студента, — говорил он, — который ограничивался бы прохождением одного лишь теоретического курса, не участвуя одновременно или попеременно и в практической работе.

Но одновременно не должно быть впредь и ни одного преподавателя, который в своей работе не связывал бы теорию с практикой. Тот, кто не выполняет это требование, должен немедленно это исправить.

При очередном наборе в Институт он предлагал посылать вербовщиков на фабрики, заводы и на периферию с тем, чтобы в Институт попало больше рабочих-производственников, рабочей молодежи, практических работников. Он лично ежедневно интересовался, как идет набор, как подготовлены общежития студентов, и в первый день нового учебного года сам читал вновь принятым студентам первую вводную лекцию по советскому праву.

Вся деятельность П. И. Стучка характеризует его как марксиста-ленинца, всю жизнь борющегося за идеалы Коммунистической партии, глубокого мыслителя и теоретика права и государства и исключительно хорошего, скромного и отзывчивого товарища.

П. И. Стучка не дождался восстановления Советской власти в Латвии и образования Латвийской Советской Социалистической Республики. Однако до конца своей жизни он глубоко был убежден в победе революции в Латвии. В его лице трудящиеся

Советской Латвии потеряли своего любимого руководителя в борьбе за освобождение от царского самодержавия, немецких баронов и иностранной зависимости, верного соратника В. И. Ленина, неутомимого строителя новой счастливой жизни. Его жизнь — образец для всех нас. Его произведения необходимо собрать и издать. Наша задача — суметь усвоить то богатое теоретическое и практическое наследство, которое оставил нам Петр Иванович Стучка.

Канд. юрид. наук В. О. Миллер

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ ЛАТВИИ

Первая Советская Конституция Латвии — Конституция Социалистической Советской республики Латвии 1919 года — является первой Советской Конституцией, принятой на основе Конституции РСФСР 1918 года. Однако, если о Конституции РСФСР 1918 года и первых конституциях других советских республик в советской юридической литературе имеются монографии, статьи и т. п., то о Конституции ССРЛ 1919 года нет ни одного исследования.

Сам текст Конституции Социалистической Советской Республики Латвии 1919 года в настоящее время является библиографической редкостью. Он был опубликован только в 1919 году. Не вошел, к сожалению, текст Конституции ССРЛ 1919 года и в сборник документов «Первая Конституция СССР», изданный в 1948 году под редакцией А. Я. Вышинского, в котором были опубликованы первые конституции всех других советских республик.

Поэтому не удивительно, что некоторые историки советского государства и права или вообще не упоминают о существовании Советской Конституции Латвии 1919 года, а если упоминают, то часто дают неточное освещение.

Так, в работе Д. А. Чугаева «Коммунистическая партия — организатор Советского многонационального государства (1917—1924)», утверждается, что в Конституции Латвийской ССР, принятой на состоявшемся в январе 1919 года 1 съезде Советов Латвии, было записано, что Социалистическая Советская Республика Латвии принимает без изменения основной закон РСФСР¹. В действительности же в Конституции ССРЛ было записано (в статье 2), что ССРЛ принимает без изменения Общие положения Конституции РСФСР (статьи 9—23 Конституции РСФСР), а остальные статьи Конституции ССРЛ были

¹ Д. А. Чугаев. «Коммунистическая партия — организатор Советского многонационального государства (1917—1924)». Госполитиздат, 1954 г., стр. 38.

разработаны самостоятельно конституционной комиссией, избранной этим съездом.

Аналогичную ошибку допускает и Д. А. Златопольский в монографии «Образование и развитие СССР как союзного государства», утверждающий, что «Латвия в 1919 году приняла целиком без изменения Основной закон РСФСР»².

Все это говорит о том, что Конституция ССРЛ 1919 года почти забыта советскими историками государства и права.

Вместе с тем, изучение Конституции ССРЛ 1919 года — одной из первых советских конституций — представляет большой научный интерес.

Первая Советская Конституция Латвии — яркая страница в истории революционной борьбы трудящихся Латвии за свержение буржуазно-помещичьего строя, за власть Советов.

Родившись в огне революционной борьбы латышских трудящихся, Советская Конституция Латвии законодательно закрепила результаты этой борьбы: установление диктатуры пролетариата, переход власти в руки Советов, образование Социалистической Советской Республики Латвии, укрепление нерушимой дружбы с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, реальные права и политические свободы для трудящихся, структуру органов Советской власти.

Очень много общего, сходного есть у Конституции ССРЛ 1919 г. с Конституцией Украинской ССР 1919 г., с Конституцией ССР Белоруссии 1919 г. и с другими первыми конституциями советских республик.

Общие черты конституций советских республик вытекали из совместной революционной борьбы народов России, увенчавшейся победоносной Великой Октябрьской социалистической революцией; из совместной борьбы в период гражданской войны, в результате чего на территории России образовались советские национальные республики с одинаковым общественным и государственным строем.

Такая общность конституций объясняется также тем, что все советские республики, в том числе и Латвия, строили свои конституции по образцу Конституции РСФСР 1918 года, в полном соответствии с ее принципами.

Вместе с тем, Конституция ССРЛ 1919 г. имела ряд особенностей, которые определялись конкретной исторической обстановкой в Латвии.

В феврале 1918 года войска германского империализма, оккупировав всю территорию Латвии, задушили власть Советов

² Д. А. Златопольский. «Образование и развитие СССР как союзного государства», М., 1954 г., Госполитиздат, стр. 109.

в той части Латвии, где она победила в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Но немецким оккупантам не удалось сломить волю латышского народа в борьбе за Советскую власть, за братский союз с Советской Россией.

Организатором и вдохновителем этой борьбы являлась партия большевиков.

Особенно благоприятные условия для развития революционного движения в Латвии сложились в конце 1918 года, после поражения Германии в первой мировой войне.

Учитывая эту обстановку, XVII конференция большевиков Латвии, нелегально состоявшаяся 18—19 ноября 1918 г. в оккупированной Риге, нацелила трудящихся Латвии на вооруженное восстание и выработала конкретные пути его проведения³. Поднявшись на вооруженную борьбу против немецких оккупантов и их латышских буржуазно-националистических прихвостней, латышские трудящиеся при поддержке Красной Армии к январю 1919 года почти на всей территории Латвии установили власть Советов.

17 декабря 1918 года, в гор. Валке было провозглашено создание Временного Советского Правительства Латвии, во главе которого встал выдающийся сын латышского народа, основатель Коммунистической партии Латвии Петр Иванович Стучка. В своем манифесте правительство объявило об установлении Советской власти в Латвии, о создании Социалистической Советской республики Латвии.

22 декабря 1918 года правительство РСФСР, декретом, подписанным Владимиром Ильичом Лениным, признало независимость Социалистической Советской Республики Латвии и обязалось оказать помощь латышским трудящимся в их борьбе за освобождение от ига буржуазии⁴.

Создание Социалистической Советской республики Латвии законодательно закрепил I съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов объединенной Латвии, происходивший 13—16 января 1919 года в Риге.

В работе съезда принимало участие 705 делегатов, избранных на основе прямых, равных, демократических выборов рабочими, безземельными и стрелками латышских полков.

Следует отметить, что на съезде присутствовали делегаты от всех частей Латвии — от Курземе, Видземе, Латгалии, от всех городов, от всех местечек, от всех волостей Латвии.

³ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 2165, опись 1, дело 32.

⁴ «Образование СССР», сборник документов 1917—1924 гг., стр. 102—103.

Таким образом, I съезд Советов объединенной Латвии был действительно представительным органом латышского народа, имевшим полное право выступать от лица всего латышского народа, выражать его суверенную волю.

На этом съезде была принята и первая Конституция Советской Латвии.

Для подготовки проекта Конституции в первый же день работы съезда была избрана конституционная комиссия во главе с председателем Советского Правительства Латвии П. И. Стучкой.

В работе конституционной комиссии принимал участие председатель ВЦИК'а Яков Михайлович Свердлов, который возглавлял делегацию РСФСР на I съезде Советов Латвии.

В настоящее время трудно восстановить полную картину работы конституционной комиссии. Ни протоколов, ни других документов, характеризующих работу конституционной комиссии, не сохранилось.

Можно даже предположить, что подробных протоколов на заседаниях комиссии не велось, т. к. вся разработка проекта Конституции была завершена в очень короткий срок — в два дня. Проект Конституции ССРЛ создавался непосредственно под руководством ЦК социал-демократии Латвии, т. е. большевиков, на основе проекта конституции, разработанного на XVII конференции социал-демократии Латвии, в котором был выражен взгляд большевиков Латвии на важнейшие вопросы государственного устройства Латвии⁵.

При разработке проекта конституции конституционная комиссия руководствовалась Конституцией РСФСР 1918 года, как образцом Советской Конституции, а также наказами и резолюциями волостных собраний безземельных, уездных Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов, выразивших требования и пожелания широких трудящихся масс Латвии⁶. Конституционная комиссия учла требования и пожелания широких масс трудящихся Латвии и отразила их в проекте Конституции ССРЛ. Этот проект был единодушно одобрен делегатами съезда Советов и 15 января 1919 года стал основным законом республики.

Конституция ССРЛ 1919 года состояла из семи глав.

⁵ Партархив ЦК КП Латвии, фонд 2165, опись 1, дело 32, листы 6—8.

⁶ Например, в резолюции, принятой Валмиерским Советом рабочих, безземельных и стрелковых депутатов говорилось: «Советской Латвии в своей дальнейшей деятельности необходимо более тесно связаться с Российской Советской Республикой. Поэтому в основу ее конституции должны быть положены законы Российской Советской республики». (Valmieras bijetens. 1919. g., №1)

I глава — «Общие положения» — включала 2 статьи: в первой закреплялось создание Социалистической Советской республики Латвии, во второй — устанавливалось, что Социалистическая Советская республика Латвии включает без изменения в свою Конституцию «Основные положения» Конституции РСФСР (ст. ст. 9—23). Однако «Общие положения» Конституции РСФСР в Конституции ССРЛ не были воспроизведены.

II глава (статьи 3—10) посвящалась организации центральной власти, а III глава (статьи 11—17) — организации местной власти.

IV глава (статьи 18—23) устанавливала нормы выборов. V глава (статьи 24—25) посвящалась избирательному праву и порядку производства выборов в Советы.

VI глава (статьи 26—29) закрепляла порядок образования республиканского и местных бюджетов.

VII глава (статьи 30—31) устанавливала герб и флаг Социалистической Советской республики Латвии.

На съезде были приняты «Схема организации Советского Правительства Латвии», в которой детализировалась структура правительства, и «Резолюция об отношениях с РСФСР», в которой съезд высказался за необходимость добровольного союза Советской Латвии с Советской Россией.

«Схема организации Советского Правительства Латвии» и «Резолюция об отношениях с РСФСР» являлись составными частями Конституции Социалистической Советской Республики Латвии⁷.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В первой статье Конституции ССРЛ 1919 г. законодательно закреплялось создание Социалистической Советской республики Латвии.

«Объединенная Латвия объявляется Социалистической Советской республикой и объединяет Лифляндию, Курляндию и Латгалию...» — провозглашала эта статья.

До Октябрьской революции Латвия искусственно делилась на три части: Лифляндскую и Курляндскую губернии, а третья

⁷ Текст «Резолюции об отношениях с РСФСР» был опубликован в газете «Сйра» № 11, 1919 г., в дальнейшем все выдержки из нее приводятся по этому тексту.

ее часть — Латгалия, населенная в основном (67^{0/0}) латгальцами-латышами, входила в состав Витебской губернии⁸.

После Октябрьской революции на съезде Советов Латгалии, состоявшемся под руководством латгальских большевиков. 3—4 декабря 1917 года в г. Резекне, была принята резолюция «О праве самоопределения Латгалии». Эта резолюция, выражая волю населения Латгалии, требовала отделения Латгалии от Витебской губернии и воссоединения ее с Советской частью Латвии (с правом самоуправления).

После восстановления Советской власти в Латгалии в конце 1918 г. население Латгалии вновь заявило о своем желании воссоединиться с Советской Латвией.

Вопрос о самоуправлении Латгалии в составе Латвии в это время уже не поднимался.

Правительство Советской России, идя навстречу желанию латгальцев-латышей и в ответ на просьбу Советского правительства Латвии, согласилось на включение Латгалии в состав Советской Латвии.

Конституция ССРЛ 1919 г. законодательно закрепила объединение Латвии в единую Советскую Социалистическую республику, где трудящимся всех национальностей предоставлялись равные права.

В последующих декретах Советское правительство Латвии неоднократно подчеркивало установление действительного равенства всех национальностей, населяющих Советскую Латвию.

Примером может служить Декрет о языке, употребляемом в делопроизводстве. В этом декрете говорилось: «На основании Конституции Латвийской Социалистической Советской республики, и еще раз подчеркивая равноправие всех местных языков в Латвии, Советское правительство постановляет:

1) Языком внутреннего делопроизводства, как в центральных, так и в местных учреждениях, является один из местных языков большинства населения в данное время: латышский, латгальский и русский»⁹.

Было ликвидировано деление Латвии на губернии. Социалистическая Советская республика Латвии делилась на уезды, а уезды делились на волости.

Конституция ССРЛ 1919 г. закрепила тот знаменательный факт, что латышский народ впервые обрел свою национальную

⁸ Двинский, Режицкий и Лудзенский уезды.

⁹ «Известия Социалистического Советского правительства Латвии» № 21, 17 марта 1919 г.

государственность, впервые действительно сам стал решать свою судьбу и править своей страной.

Латвийская республика являлась социалистическим государством, потому что государственная власть находилась в руках пролетариата, который поставил перед собой ясную цель — построить социалистическое общество, и приступил к осуществлению этой цели.

Решающим условием, обеспечивающим строительство социализма в Социалистической Советской республике Латвии, являлось установление диктатуры пролетариата. Установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в Латвии законодательно закреплялось через ст. 2 Конституции ССРЛ ст. 9 «Общих положений» Конституции РСФСР¹⁰.

Установление диктатуры пролетариата в Латвии означало, что рабочий класс стал осуществлять государственное руководство обществом, опираясь на союз с безземельным и малоземельным крестьянством, союз, который вырос и окреп в ходе революционных боев трудящихся Латвии против капиталистических порядков, против эксплуатации.

Диктатура пролетариата, являясь продолжением классовой борьбы ставшего у власти пролетариата против свергнутых эксплуататорских классов, призвана была насильственно подавить отчаянное сопротивление помещиков, немецких баронов, буржуазии и кулаков.

Конечные цели пролетарской диктатуры согласно ст. 9 «Общих положений» Конституции РСФСР: полное подавление буржуазии; уничтожение эксплуатации человека человеком и установление социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

Сущностью Социалистической Советской республики Латвии являлась диктатура пролетариата, а ее политической формой — Советы.

После победы пролетарской революции, в декабре 1918 г. и январе 1919 г., Латвия покрылась густой сетью Советов. В городах, волостях, местечках всюду они стали действительными органами власти, решающими все политические, хозяйственные и культурные вопросы жизни республики.

Из всего хода революционной борьбы трудящихся Латвии вытекало, что только Советы рабочих, безземельных и стрелковых депутатов, должны были стать и действительно стали поли-

¹⁰ Как отмечалось, «Общие положения» Конституции РСФСР со своей нумерацией статей вошли без изменения в Конституцию ССРЛ.

тической основой Социалистической Советской республики Латвии.

Конституция ССРЛ законодательно закрепила именно Советы в качестве государственной формы диктатуры пролетариата в Латвии, в качестве политической основы республики (ст. ст. 9, 10, 12 Конституции РСФСР).

Конституция ССРЛ 1919 г. предоставляла полную возможность трудящимся активно участвовать в политической жизни республики (статьи 13—23 Конституции РСФСР).

Конституция Социалистической Советской республики Латвии обеспечивала трудящимся подлинную свободу совести, отделив церковь от государства и школу от церкви, освободив латышских трудящихся от гнета церкви (ст. 13 Конституции РСФСР).

На основании Конституции был издан Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Впервые латышским трудящимся была предоставлена настоящая свобода печати, собраний, митингов, шествий, действительная свобода для трудящихся объединяться в союзы (ст. ст. 14, 15, 16 Конституции РСФСР).

Социалистическая Советская республика Латвии ставила своей задачей предоставление рабочим и беднейшим крестьянам полного и всестороннего бесплатного образования (ст. 17 Конституции РСФСР).

Конституция закрепила установление равноправия трудящихся, независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляла противоречащим основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании (ст. 22 Конституции РСФСР).

Декретом Советского правительства Латвии «Об уничтожении дворянства, прочих сословий, чинов и орденов в Латвии» упразднились все права и привилегии сословий, чины и т. д. и устанавливалось для всего населения Латвии единое наименование — гражданин республики.

Исходя из конкретной исторической обстановки, из необходимости решительного подавления свергнутых эксплуататорских классов, выступавших с оружием в руках против Советской власти, Конституция ССРЛ законодательно закрепила лишение политических прав свергнутых эксплуататоров.

Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Социалистическая Советская республика Латвии лишала отдельных лиц и группы лиц прав, которыми те пользовались в ущерб интересам социалистической революции (ст. 23 Конституции РСФСР).

На основе Конституции был издан Декрет Советского правительства Латвии от 25 апреля 1919 г. «О лицах, принадлежащих к родам прибалтийского дворянства в Латвии», который положил конец вековому господству остзейских баронов¹¹.

«Так как прибалтийское дворянство, — говорилось в декрете, — является самым реакционным сословием во всем мире и целыми столетиями вело бесчеловечную борьбу с рабочим народом, члены дворянских родов со своими семьями обязаны навсегда оставить пределы Латвии».

Конституция ССРЛ закрепляла принцип единства прав и обязанностей граждан; устанавливала всеобщую обязанность трудиться, провозгласив лозунг: «Не трудящийся да не ест» (ст. 18 Конституции РСФСР); признавала обязанностью всех граждан республики защиту социалистического отечества и устанавливала всеобщую воинскую повинность.

«Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей» (ст. 19 Конституции РСФСР).

Все закрепленные Конституцией ССРЛ права и свободы, даже в тех условиях, когда в республике происходила ожесточенная гражданская война, и сложилось исключительно тяжелое экономическое положение, не только провозглашались, но и обеспечивались материальными гарантиями.

Предоставляя свободу печати трудящимся, Советская власть передала в руки рабочего класса и крестьянской бедноты Латвии все технические и материальные средства для издания газет, журналов, книг, обеспечив их свободное распространение. Предоставляя право собраний, митингов, шествий, Советская власть в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты передавала все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, отоплением и т. д.

Конституция ССРЛ предоставляла право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления. Иностранцам, проживающим на территории республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к непользующемуся чужим трудом крестьянству, предоставлялись политические права граждан республики, а местные Советы имели право предоставлять им права гражданства республики.

¹¹ «Известия Социалистического Советского правительства Латвии» № 59, 2 мая 1919 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В качестве высшего органа власти Социалистической Советской республики Латвии Конституция 1919 г. закрепила съезд Советов рабочих депутатов объединенной Латвии (ст. 3).

Съезд Советов должен был разрешать основные вопросы политической, хозяйственной и культурной жизни Латвии, осуществлять контроль за деятельностью ЦИК и правительства ССРЛ, ему принадлежала и законодательная власть. Только съезду Советов принадлежало право изменять Конституцию — основной закон Социалистической Советской республики Латвии (ст. 2).

В период между съездами Советов вся полнота власти, по Конституции, принадлежала ЦИК Латвии, избираемому на съезде Советов в составе 60 человек (ст. 5).

Во всей своей деятельности ЦИК был всецело ответственен перед съездом Советов Латвии (ст. 10).

60 членов и 20 кандидатов в члены ЦИК Латвии были избраны на 1-м съезде Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов Латвии.

«Съезд Социалистической Советской республики Латвии, — говорилось в статье 4-й Конституции, — вверяет диктатуру пролетариата Латвии Советскому правительству Латвии, состоящему из 11 человек, которых избирает из своей среды ЦИК Латвии».

Советское правительство Латвии¹² обладало широкими полномочиями. Оно было высшим исполнительным, распорядительным и, наряду со съездом Советов и ЦИК'ом, законодательным органом. Конституция законодательно закрепляла, что Советское правительство Латвии является также Президиумом ЦИК Латвии (ст. 9).

То, что Советское правительство Латвии вместе со съездом Советов и ЦИК'ом Латвии являлось законодательным органом, вытекало из условий первой фазы развития социалистического государства, когда необходимо было быстро законодательно оформить ломку старых общественных отношений и создание новых, когда острота классово-борьбы с врагами трудящихся — свергнутыми эксплуататорскими классами и их агентурой, помогавшими иностранным интервентам, требовала быстрого принятия решений и их законодательного оформления.

Предоставление законодательных функций как съезду Сове-

¹² В Конституции ССРЛ 1919 г. и в других законодательных актах говорилось о Советском правительстве Латвии, а не о Совете Народных Комиссаров, как в Конституции РСФСР 1918 г. и конституциях других республик.

тов и ЦИК'у, так и Советскому правительству Латвии оправдывалось существовавшей обстановкой и было характерно для всех конституций Советских республик в 1-й фазе их развития.

Советское правительство Латвии с самого начала своего существования издавало декреты, обладающие силой закона, и продолжало осуществлять законодательные функции после принятия Конституции ССРЛ.

Право издания декретов Советским правительством Латвии прямо предусматривало «Постановление о порядке издания декретов» от 20 февраля 1919 года¹². Это не умаляло прав представительных учреждений, которые сохраняли всю полноту контроля и непосредственного руководства органами управления.

Так как съезд Советов был созван только один раз, а заседания ЦИК'а происходили редко, Советское правительство Латвии являлось фактически высшим органом государственной власти и управления в республике. Оно было центром, штабом, регулирующим и направляющим всю деятельность Советской власти в Латвии.

Советское правительство Латвии проделало большую работу в завоевании и укреплении диктатуры пролетариата, упрочении Советской власти, в укреплении обороны республики, в подавлении свергнутых классов, в создании социалистической экономики, в ликвидации разрухи, голода, безработицы, в создании социалистической культуры.

В том, что Советское правительство Латвии настойчиво боролось за проведение в жизнь принципов диктатуры пролетариата, большая заслуга принадлежала председателю Советского правительства Латвии Петру Ивановичу Стучке.

Структура построения органов правительства была закреплена в «Схеме организации Советского правительства Латвии», принятой вместе с Конституцией ССРЛ 1919 г.

Правительство делилось на три Совета:

- 1) Совет народного хозяйства;
- 2) Совет революционной борьбы;
- 3) Совет социального обеспечения и народного просвещения.

Каждый из Советов, в свою очередь, делился на отделы (комиссариаты)¹⁴.

Структура построения органов правительства обуславливалась необходимостью выполнения основной задачи 1-й фазы развития социалистического государства, к осуществлению которой приступила Советская Латвия с первых же дней своего

¹³ «Известия Социалистического Советского правительства Латвии» № 1, 20 февраля 1919 г.

¹⁴ П. Стучка, «Пять месяцев Социалистической Советской Латвии», ч. 2, стр. 14.

существования, задачи, состоявшей в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны, в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов.

Сообразно этой задаче государственные органы республики осуществляли три основные функции: подавления свергнутых классов внутри страны, обороны страны от нападения извне, хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы.

У Советской Латвии не было ни одного мирного дня. С первого и по последний день своего существования она героически оборонялась от объединенных сил международной контрреволюции, вдохновителями и организаторами которой были англо-американские империалисты.

В борьбе против Советской власти в Латвии империалисты опирались на свергнутых эксплуататоров внутри республики. Поэтому функция подавления свергнутых классов была органически связана с функцией обороны республики от нападения извне.

Важную роль в осуществлении этих основных функций играл Совет революционной борьбы, состоявший из 3 отделов (комиссариатов) — военного, юстиции и внутренних дел.

Совет революционной борьбы и Военный комиссариат, входивший в него, руководили обороной республики, мобилизацией в армию и т. д.

С образованием ССРЛ была создана армия Советской Латвии, ядро которой сложилось из латышских революционных стрелковых полков. Ее организационная структура была закреплена «Положением об организации армии Социалистической Советской республики Латвии», принятым Советским правительством Латвии 9 апреля 1919 г.

Положение закрепляло классовый характер Советской Армии Латвии, подчеркивая, что это революционная армия, призванная защищать социалистические завоевания трудящихся от внутренней и внешней контрреволюции, закрепляло руководящую роль коммунистической партии в армии, устанавливало институт политических комиссаров¹⁵, закрепляло принцип всеобщей воинской повинности, определяло систему и порядок управления армией.

Армия Советской Латвии была неразрывно связана с Красной Армией РСФСР: из Красной Армии она выделилась в конце 1918 г. и в нее она вновь влилась после заключения военно-

¹⁵ В Советской армии Латвии они назывались эмиссарами.

политического союза между советскими республиками в июне 1919 г.

Комиссариат юстиции республики осуществлял руководство организацией и деятельностью всех судебных учреждений Латвии. Его структуру определяло постановление о деятельности и внутреннем распорядке Комиссариата юстиции Советского правительства Латвии¹⁶.

Судебные учреждения Советской Латвии были орудием подавления сопротивления свергнутых эксплуататоров, орудием воспитания трудящихся масс.

На Комиссариат внутренних дел республики возлагалась задача охраны революционного порядка и административные функции.

Свою деятельность он осуществлял через административные отделы, уездных Исполкомов, в составе которых были созданы политические подотделы, заменявшие собой чрезвычайные комиссии и проделавшие большую работу по борьбе с контрреволюцией.

На основании постановления Комиссариата внутренних дел «О советской милиции» в республике была создана советская милиция¹⁷.

Вот те основные органы, которые боролись против внутренней и внешней контрреволюции. Но это не значит, что другие органы Советской власти не вели этой борьбы. Деятельность всех органов Советской власти Латвии, в том числе и хозяйственных органов, была подчинена основной задаче — задаче борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией.

В то же время органы Советской власти вели борьбу за создание и развитие нового социалистического хозяйства и перевоспитание людей в духе социализма, т. е. осуществляли хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу.

Обеспечить развитие этой работы должны были Совет народного хозяйства и Совет социального обеспечения и народное просвещение.

Структуру и задачи Совета народного хозяйства Латвии определял устав Совета народного хозяйства Латвии¹⁸.

¹⁶ «Известия Социалистического Советского правительства Латвии» № 22, 18 марта 1919 г.

¹⁷ «Известия Социалистического Советского правительства Латвии» № 11, 6 марта 1919 г.

¹⁸ «Известия Социалистического Советского правительства Латвии» № 16, 12 марта 1919 г.

«Совет организует и руководит всем производством и распределением производства Латвии, — говорилось в уставе, — заведует и руководит... учреждениями производства и распределения всей соц. сов. Республики Латвии» и т. д.

Совет социального обеспечения и народного просвещения проводил работу по социальному обеспечению трудящихся, по организации народного образования на новых советских началах, по культурному строительству в республике.

Большое внимание было уделено школьному образованию — несмотря на разруху, голод и гражданскую войну, школы Советской Латвии продолжали работать. Для школьников были введены ежедневные горячие завтраки, нуждающимся выдавалась одежда и обувь¹⁹.

Открывались новые школы, был образован Латвийский Государственный университет, открыт Театр оперы и балета.

Создавалась новая культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ

Конституция ССРЛ 1919 г. подытожила и закрепила практику организации местных Советов Латвии.

В статье 12 Конституции ССРЛ говорилось: «Местной властью является волостной Совет, который избирается всеми рабочими волости и находящимися в границах волости местечек и городов».

В качестве высшей власти уезда Конституция ССРЛ закрепляла уездный Совет рабочих депутатов, куда посылали депутатов и сельские и городские рабочие.

Уездные и волостные Советы выбирали исполкомы: уездные — в составе 7—9 человек, а волостные — 3—7 человек.

Городских Советов Конституцией не было предусмотрено, но фактически они существовали. Компетенция местных Советов не была определена Конституцией ССРЛ, но местные Советы играли решающую роль в хозяйственном и культурном развитии уезда, волости, города.

Конституция ССРЛ внесла единство в построение местных органов власти, определила порядок выборов Советов, определила взаимоотношения Советов и их исполкомов с центральными органами и между собой, закрепила, таким образом, единую слаженную систему органов Советской власти.

¹⁹ Там же, № 5, 27 февраля 1919 г.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПО КОНСТИТУЦИИ ССРЛ

Избирательной системе были посвящены два важных раздела Конституции: «О норме выборов» и «Избирательное право и порядок производства выборов».

Избирательное право Конституция предоставляла всем трудящимся обоего пола, достигшим 18 лет. Специально указывалось о предоставлении избирательных прав стрелкам. На съезд Советов трудящихся Советской Латвии выбирали 1 делегата от 2000 избирателей, причем каждая волость и каждый уездный город посылали не менее одного делегата (ст. 18). В уездный Совет избирался 1 делегат от 1000 избирателей; объединялись волости, население которых состояло менее, чем из 1000 избирателей.

В Латвии не существовало различных норм представительства для рабочих и для крестьян. Это являлось особенностью избирательной системы Латвии в 1919 г. по сравнению с избирательными системами других советских республик, в том числе и РСФСР.

Избирательных прав лишались свергнутые эксплуататоры. Ст. 24 Конституции ССРЛ предусматривала лишение избирательного права: а) лиц, прибегающих к наемному труду с целью эксплуатации; б) лиц, живущих на проценты с капитала, на прибыль с предприятий, на доходы от имущества, торговли и спекуляции и других плодов чужого труда, а равно священники и проповедники сект и их помощники, бывшие агенты полиции жандармы и дворянство; в) лиц, душевнобольных и находящихся под опекой; г) лиц, которые на основании приговора суда или другого учреждения революционной борьбы лишены избирательного права.

Лишение избирательных прав эксплуататоров являлось временной мерой, вызванной тем, что эксплуататоры сами своей контрреволюционной борьбой против Советской власти вынудили Советское государство применить к ним такую меру.

Такова избирательная система по Конституции ССРЛ. На этой основе ЦИК Латвии должен был выработать конкретный порядок выборов в Советы (ст. 25).

В последних двух разделах Конституция ССРЛ 1919 г. был закреплен порядок образования бюджета, герб и флаг Социалистической Советской республики Латвии.

Составной частью Конституции ССРЛ являлась «Резолюция об отношениях с РСФСР». В ней нашла свое законодательное закрепление ясная и определенная воля латышского народа к братскому союзу ССРЛ с РСФСР. «Трудящиеся Латвии, — говорилось в резолюции, — своей героической борьбой за Советскую Латвию проложили путь к свободному и добровольному

союзу Латвии с братским пролетариатом России и созданной им Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой... 1-й съезд рабочих, безземельных и стрелков Латвии... поручает Советскому правительству Латвии выработать основные положения о взаимоотношениях между Российской Социалистической Советской республикой и Латвией, исходя из единодушного желания трудящихся Латвии, что Латвии с Советской Россией нужно жить в самом тесном братском союзе и завоевать в общей борьбе против вмешательства иностранных империалистов всеобщую победу власти трудящихся²⁰.

В Резолюции еще не были точно определены формы этого союза, но успешное развитие Российской Федерации подтверждало на практике, что федерация является наилучшей формой для пролетарского многонационального государства.

Начало федеративному объединению ССРЛ с другими советскими республиками было положено заключением 1 июня 1919 года военно-политического союза Советских социалистических республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии.

Заключение этого союза явилось переходом к новому, добровольному братскому объединению освобожденных народов России.

В Конституции ССРЛ 1919 г. не было статей, непосредственно закреплявших экономическую основу республики.

Экономическую основу Советской Латвии закрепляли декреты, изданные на основе Конституции ССРЛ 1919 года.

Создавая экономическую основу ССРЛ, латышский пролетариат шел по пути, проложенному Великой Октябрьской социалистической революцией, и использовал опыт, накопленный Советской Россией.

В своем манифесте от 17 декабря 1918 г. Советское правительство Латвии объявило об отмене права частной собственности на землю и на инвентарь имений, о постепенном уничтожении права частной собственности на остальные средства производства — торговые предприятия, средства сообщения, банки и т. д., которые немедленно подчинялись строгому рабочему контролю.

В манифесте говорилось: «Мы вполне сознаем, что переход к социализму не дело одного дня, но мы решительно вступаем на путь к социализму. На развалинах разоренной империализмом Латвии мы немедленно начнем строить новый социалистический дворец труда»²¹.

Для того, чтобы развернуть социалистическое строитель-

²⁰ «Сіпа», № 11/319, 21 января 1919 г.

²¹ «Образование СССР», сборник документов 1917—24 гг., стр. 101—102.

ство «создать социалистический дворец труда», латышскому пролетариату необходимо было взять в свои руки управление народным хозяйством, национализировать крупную промышленность, банки, транспорт, внешнюю торговлю и т. д.

Национализация торговых, промышленных и других хозяйственных предприятий производилась на основании «Декрета о порядке отчуждения торговых, промышленных, земледельческих и других хозяйственных предприятий» от 8 марта 1919 г.

По этому декрету имущество, общая ценность которого превышала 10.000 рублей, переходило в распоряжение Советов без всякого вознаграждения бывшим его владельцам²².

Декретом об устройстве Комиссариата промышленности от 27 февраля 1919 г. управление предприятиями поручалось специальным правлениям национализированных предприятий.

Общее руководство всем производством и распределением продуктов производства возлагалось на Совет Народного Хозяйства (СНХ), являвшийся составной частью Советского правительства Латвии.

Большое значение в создании основ социалистической экономики Латвии имела национализация банковского дела и создание Народного банка ССРЛ на основании декрета № 3 о национализации банковского дела и декрета № 6 об учреждении Народного банка республики Латвии²³.

Обобществление средств производства имело решающее значение для успешного проведения Советским правительством Латвии — несмотря на хозяйственную разруху и непрерывную борьбу против интервентов на фронте — большой работы по восстановлению народного хозяйства, по созданию социалистических форм хозяйства.

За недолгие месяцы существования Советской власти в республике была проведена большая работа по восстановлению народного хозяйства Латвии и в первую очередь промышленности.

К маю 1919 г. количество рабочих, занятых в промышленности, достигло 25.000 человек, в то время как к концу 1918 г. их насчитывалось не более 4.000 человек.

К маю 1919 г. трудящимися Латвии было восстановлено и начало работать более 100 фабрик и заводов и несколько сот мастерских²⁴.

²² «Известия Социалистического Советского правительства Латвии», № 23, 19 марта 1919 г.

²³ «Известия Социалистического Советского правительства Латвии» № 13, 8 марта 1919 г.

²⁴ Данные взяты из книги А. Лейта «Агрессия империалистических держав в Латвии 1917—1920 гг.», Рига, 1952, стр. 29.

В конце января 1919 г. начала давать электроэнергию Рижская тепловая электростанция; планировалось строительство мощной гидроэлектростанции на реке Даугаве.

В условиях, когда молодой Советской Социалистической республике приходилось вести непрерывно вооруженную борьбу против интервентов, эти успехи в хозяйственном строительстве Латвии являлись крупным достижением. Они стали возможными не только благодаря героическим усилиям латышских трудящихся, но и благодаря тому, что Социалистическая Советская республика Латвии получала с первых дней своего существования политическую, военную и экономическую помощь и поддержку от Советской России.

Несмотря на то, что сама Советская Россия переживала голод и разруху, рабочие Москвы и Петрограда получали по восьмушке хлеба, заводы не работали или почти не работали, т. к. не хватало сырья и топлива, — Советская Россия по-прежнему делилась с Советской Латвией продовольствием, промышленными товарами, сырьем для промышленности.

30 декабря 1918 года СНК РСФСР принял решение о предоставлении Советскому правительству Латвии займа в размере 20 миллионов рублей, а 21 мая 1919 года ВЦИК РСФСР постановил предоставить Советскому правительству Латвии еще один заем.

Так как большая часть промышленных предприятий во время империалистической войны была эвакуирована вглубь России, ВСНХ РСФСР разработал мероприятия по реэвакуации фабрик и заводов, пуск в ход которых в Латвии являлся целесообразным и не нарушал производства в Советской России.

В Латвии, где несмотря на развитие промышленности, значительная масса населения занималась сельским хозяйством, важной задачей Советской власти являлось разрешение аграрного вопроса.

Руководствуясь Декретом о земле, принятым II Всероссийским съездом Советов, и другими законодательными актами РСФСР по вопросу о земле, Советское правительство Латвии в марте 1919 г. издало Декрет «О национализации земли, пользовании и управлении ею».

В первом параграфе этого декрета говорилось: «Вся земля Латвии (пашня, луга, пастбища, леса, воды, недра земли) национализируется и переходит во владение рабочего народа и в распоряжение его Социалистического Советского правительства без всякого вознаграждения бывшим владельцам земли.

Вместе с земельными владениями конфискуется и национализируется живой и мертвый инвентарь, принадлежавший

бежавшим контрреволюционерам или владельцам крупных хозяйств (имений — мыз), буде то частные лица или сословные общества и корпорации»²⁶.

Все национализированные имения, площадь пахотных земель которых превышала 300 пурных мест (300 пурных мест = 100 га), преобразовывались в совхозы²⁷.

В декрете ничего не говорилось о разделе национализированной земли между безземельными и малоземельными крестьянами.

Таким образом, безземельные и малоземельные крестьяне не получали никаких дополнительных земельных наделов. За крестьянами лишь закреплялись те земельные участки, которыми они владели до издания Декрета о земле.

Такое разрешение аграрного вопроса в Латвии: отказ от наделения крестьян землей и организация в массовом масштабе совхозов, объяснялось тем, что руководство Коммунистической партии Латвии, также как и руководство Компартий Эстонии, Литвы, Венгрии, в то время считали раздел земли крупных имений между безземельными и малоземельными крестьянами отступлением от марксизма, от социализма.

Сама жизнь показала ошибочность такого разрешения аграрного вопроса в этих Советских республиках.

Обстановка того периода в этих республиках, в том числе и в Латвии, безусловно, требовала немедленного улучшения положения безземельных и малоземельных крестьян за счет национализированной помещичьей земли.

Наделение крестьян землей дало бы возможность обеспечить более прочный союз с массами не только беднейшего, но и среднего крестьянства, значительно послужило бы интересам укрепления государственной власти пролетариата в этих республиках.

Национализация земли, национализация промышленных, торговых и других хозяйственных предприятий, банков, переход этих средств производства в общенародное достояние явился началом создания социалистической экономической основы ССРЛ в 1919 году.

Утверждение общественной собственности на средства производства позволило Советскому правительству Латвии начать плановое руководство народным хозяйством республики.

Зачатки планирования можно усмотреть в составлении бюд-

²⁶ «Известия Социалистического Советского правительства Латвии» № 23, 19 марта 1919 г.

²⁷ «Известия Социалистического Советского правительства Латвии» № 23, 19 марта 1919 г.

жетов различных учреждений, в планомерном распределении рабочей силы и т. д.

В Советской Латвии у трудящихся воспитывалось новое социалистическое отношение к труду.

Так, в Манифесте Советского правительства Латвии от 17 декабря 1918 г. говорилось: «Мы знаем, что только труд составляет гордость Латвии, ибо у нее нет других, ни явных, ни скрытых в недрах земли богатств»²⁸.

Новое отношение к труду законодательно закрепила Конституция ССРЛ принятием ст. 18 «Общих положений» Конституции РСФСР, в которой говорилось, что труд является обязанностью всех граждан республики — «не трудящийся да не ест».

На основании этой статьи Конституции был издан Декрет о привлечении буржуазии к общественным работам.

Большая работа, как уже указывалось ранее, была проведена по ликвидации безработицы, и в результате этого к маю 1919 года безработица в основном была ликвидирована.

Так в Латвии в 1919 году начала складываться социалистическая система хозяйства.

Конституция ССРЛ в недолгие месяцы существования Советской власти в Латвии в 1919 году являлась активной творческой силой, которая помогала трудящимся Латвии строить социализм в республике.

Однако обстановка в 1919 году сложилась крайне неблагоприятно для Советской Латвии. Контрреволюционная национальная буржуазия, при активной поддержке империалистов США, Англии, Франции и Германии, задушила Советскую власть в Латвии, потопила в крови завоевания революции, на 20 лет оторвала латышских рабочих и крестьян от братской семьи народов Советского Союза.

Но ни зверства контрреволюционной буржуазии, ни насаждавшийся ею националистический угар не смогли сломить латышских трудящихся: они верили, что рано или поздно вновь возродится Советская Латвия, верили и боролись за нее.

И когда в 1940 году Латвия вновь стала Советской, трудящиеся законодательно закрепили свою победу в Конституции Латвийской ССР — славной предшественницей которой была Конституция Социалистической Советской республики Латвии 1919 года.

²⁸ «Образование СССР», сборник документов 1917—24 гг., стр. 102.

Канд. юрид. наук Э. Я. Стумбина

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО СУДА В ЛАТВИИ
В 1917—1919 ГОДАХ**

1

Создание советской судебной системы в Латвии началось сразу же после победы Октябрьской революции в неоккупированных войсками германских империалистов уездах Латвии¹ и установления в этих уездах власти Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов.

В течение ноября-декабря 1917 г. в этих уездах были ликвидированы все буржуазные волостные и мировые суды и началось создание пролетарского суда. Правда, суд этот на первых порах не имел определенной, регламентированной законом формы, и судебные функции обычно осуществляли волостные собрания безземельных. При решении дел они руководствовались декретами советской власти и, главным образом, своим революционным правосознанием.

Волостные собрания рассматривали в основном дела одной категории — о контрреволюционных преступлениях, по которым, как правило, выносили решения о высылке того или иного контрреволюционера из пределов волости и даже Латвии².

Но интересы революции требовали усиления борьбы против ее врагов; требовали создания таких органов правосудия советского государства, которые могли бы решительно и оперативно бороться как с классовыми противниками пролетариата, так и с прочими нарушителями советских порядков.

И творчество народных масс выдвинуло новую форму пролетарского суда, пришедшую на смену осуществлявшим судебные функции собраниям безземельных, **о б щ е с т в е н н о - р е - в о л ю ц и о н н ы й с у д**.

¹ Валкский, Валмиерский, Цесисский и часть Рижского уезда.

² «Proletariata diktatura Latvijā», 1919, М., стр. 99.

Такой суд был создан в г. Валмиере. Он состоял из председателя и двух заседателей. Председателя суда избирал Валмиерский уездный Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов, а заседателей — волостные Советы.

Основными принципами организации и деятельности Валмиерского общественно-революционного суда являлись:

- 1) участие в работе суда заседателей;
- 2) выборность судей и заседателей трудящимися и из трудящихся;
- 3) гласность судебного процесса;
- 4) ведение судопроизводства на латышском языке.

16 декабря 1917 г. в газете «Ziņotājs» был напечатан отчет о первом заседании Валмиерского общественно-революционного суда³.

Рассматривалось дело о спекуляции керосином в Валмиерском уезде. Виновные были приговорены к денежному штрафу, который в случае неуплаты мог быть заменен арестом.

Но общественно-революционный суд был создан и успешно начал действовать только в Валмиерском уезде. В Валкском и Цесисском уездах таких судов создано не было. Поэтому можно сказать, что в этих уездах создание постоянно действующего советского суда началось только после издания Декрета СНК РСФСР о суде № 1 (24 ноября (7 декабря) 1917 г.).

Поскольку же Латвия в 1917 г. являлась, по существу, автономной советской республикой, здесь создание судебной системы, предусмотренной Декретом о суде № 1, происходило несколько иначе, чем в других частях Советской России.

Декрет о суде был обсужден на специальном совещании представителей советов неоккупированной Латвии. Совещание представило свое решение Исколату⁴ и Искосолю XII⁵, и они, в свою очередь, приняли целый ряд постановлений, послуживших практическим началом создания советского суда в неоккупированных уездах Латвии.

Указанное совещание было созвано по инициативе социал-демократии (большевиков) Латвии и Исколата 4 (17) декабря 1917 года. На совещании присутствовали представители Исколата, Искосола XII, Исколастрела⁶, Валмиерского уезд-

³ «Ziņotājs», 1917 г., № 3.

⁴ Исколат — Исполнительный комитет Совета депутатов Латвии.

⁵ Искосола XII — Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов XII армии.

⁶ Исколастрел — Исполнительный комитет Совета депутатов латышских стрелковых полков.

ного Земского совета, Валмиерского и Валкского Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов и Видземского Земского Совета.

Совещание одобрило основные положения Декрета о суде № 1 об упразднении ранее существовавших судебных установлений и замене их судами, образуемыми на основе демократических выборов. Совещание признало также необходимым сохранить существовавший до революции окружной суд⁷. Необходимость сохранения окружного суда мотивировалась тем, что в этом суде имелось много нерассмотренных или незаконченных дел, которые передавать в новые советские суды было нерационально, т. к. рассмотрение их отняло бы много времени, породило волокиту, чрезвычайное удлинение сроков рассмотрения дел, вновь поступающих в суд.

Окружной суд должен был стать вспомогательным судебным звеном, предназначенным оградить новые советские суды от рассмотрения старых дел, дать им возможность сосредоточить все свое внимание, всю свою деятельность на делах, возникающих вновь и требующих немедленного разрешения.

После рассмотрения скопившихся старых дел окружной суд подлежал ликвидации.

Пока он действовал, для постоянного революционного контроля за его работой туда должны были назначаться советские комиссары.

Совещание представителей Советов обсудило также вопрос о революционных трибуналах, создание которых предусматривал тот же Декрет, и пришло к единодушному выводу, что революционные трибуналы, как органы борьбы против контрреволюции, в Латвии совершенно необходимы. В каждом из трех советских уездов Латвии должен быть создан революционный трибунал, в составе председателя и 6 заседателей.

Председателей революционных трибуналов должен был утверждать Искосол XII совместно с Исколатом из коммунистов, преданных делу революции, могущих правильно и последовательно практически осуществлять политику Коммунистической партии и советского государства.

Заседателей должны были утверждать уездные Советы рабочих, солдатских и безземельных депутатов по 3 человека от армии и от гражданского населения.

Для расследования дел, подсудных революционным трибуналам, при каждом революционном трибунале было решено создавать следственную комиссию из 3-х членов, один из которых,

⁷ Конкретно речь шла о Рижском окружном суде, эвакуированном на территорию Эстонии.

по возможности, должен иметь юридическое образование. Предусматривалось также создание кассационной инстанции для революционных трибуналов (3 представителя Исколата и столько же — Искосола)⁸.

В январе—феврале 1918 г. Исколатом был издан целый ряд постановлений и инструкций, учитывавших решения совещания представителей Советов, уточнявших, конкретизировавших положения Декрета о суде № 1, применительно к местным условиям.

Такой конкретизирующий характер носило, например, постановление юридического отдела Исколата, опубликованное в газете «Ziņotājs» 30 января (12 февраля) 1918 года⁹.

Особенный интерес представляют те статьи постановления, в которых сформулированы основные принципы избрания судей и заседателей.

Постановление открыто заявило, что новый суд будет иметь строго классовый, пролетарский характер.

В пункте 1-м этого постановления устанавливалось, что в каждой волости избираются заседатели только из среды безземельных и рабочих, а список избранных заседателей составляется волостным Советом безземельных¹⁰.

Это постановление юридического отдела Исколата, претворяя в жизнь ленинское положение о поголовном привлечении трудящихся к участию в государственном управлении, не только устанавливало необходимость избрания заседателей из рабочих и безземельных, но рассматривало выполнение обязанностей заседателей, как ответственную государственную работу. Оно предусматривало платность исполнения обязанностей заседателя Советским государством, в виде дневного вознаграждения.

За заседателями сохранялась зарплата по месту основной работы: если по месту основной работы заседатель получал зарплату в размере 10 или более рублей в день, то за исполнение обязанностей в суде оплаты он не получал; если же основная работа его оплачивалась ниже 10 рублей, то за время исполнения обязанностей в суде заседатель получал разницу, дополняющую его ежедневную основную зарплату до 10 рублей.

Судьи местных судов должны были, как и заседатели, избираться трудящимися. Но к ним постановление предъявляло дополнительные требования. При выборах председателей су-

⁸) «Ziņotājs», 1917 г., 14 декабря.

⁹) «Ziņotājs», 1918 г., № 20 (27).

¹⁰) Каждая волость должна была избирать по 40 народных заседателей, из которых на каждую сессию суда судья вызывал 2-х заседателей.

дов, — гласила ст. 1 Постановления, — необходимо придерживаться следующих принципов:

а) желательны юристы;

б) если не будет возможности найти юристов, кандидатами должны выставляться лица, которое работали в прежних судебных учреждениях и знакомы с юридической деятельностью (секретари прежних судов, их помощники и т. д.)¹¹.

Исколат, выдвигая это условие для председателей местных судов, вероятно, исходил из того, что люди, знакомые с судопроизводством, смогут лучше организовать работу суда в смысле производства судебного следствия, оформления дел и т. д.

Следовательно, создавая пролетарский суд, Советы неоккупированной части Латвии допускали к участию в них и старых юристов. Но от них требовалось, во-первых, чтобы они шли вместе с революционным народом, во-вторых, чтобы вся их деятельность происходила под контролем заседателей — рабочих и безземельных, под контролем Коммунистической партии.

Таким образом, общими силами заседатели и председатель суда должны были рассматривать уголовные и гражданские дела, поступавшие в местные суды, по содержанию — строго в интересах пролетарской революции и народа, по форме — быстро, четко, без волокиты.

Рассматриваемое постановление Исколата регламентировало не только основные вопросы организации советского суда, но и некоторые вопросы судопроизводства.

В нем был определен как порядок взимания судебных налогов (ст. 2), так и порядок исполнения решений по гражданским делам (ст. 4).

Судебные решения исполнялись органами милиции. Суд передавал судебные решения начальнику городской или уездной милиции, который и должен был заботиться об осуществлении решения суда, о взыскании указанных в нем сумм и т. п.

Далее постановление устанавливало, что приговоры и решения местных судов и приговоры революционных трибуналов могли быть обжалованы в кассационном порядке (ст. 5).

Для судов кассационной инстанцией устанавливался съезд местных судей (*vietējo tiesnešu saeima*), для трибуналов — кассационный суд Исколата (*Iskolata kasācijas tiesa*).

Приговоры и решения народных судов могли быть обжалованы в течение 1 месяца, а приговоры революционных трибуналов — в течение 7 дней со дня вынесения приговора.

Если срок подачи кассационной жалобы был пропущен по

¹¹) «Ziņotājs», 1918 г., № 20 (27).

вине самого заинтересованного лица, жалоба не подлежала рассмотрению.

Постановление устанавливало также порядок исполнения выдаваемых судами исполнительных листов (ст. 6) и порядок образования ликвидационных комиссий для ликвидации дел старых судебных учреждений (волостных и мировых судов) и указывало примерный состав этих комиссий (ст. 7)¹².

Это постановление Исколата имело чрезвычайно важное значение для успешного создания советского суда в Латвии, т. к. именно на его основании, во-первых, были упразднены старые волостные и мировые суды; во-вторых, было закреплено создание новых, советских судов и революционных трибуналов; в-третьих, регламентирован порядок их деятельности. Это постановление Исколата пошло дальше Декрета о суде, разрешив целый ряд вопросов судостроительства.

После принятия постановлений Исколата успешно развернулось создание судов и ревтрибуналов. 23 января (5 февраля) 1918 года газета «Ziņotājs» сообщила о состоявшемся заседании Валкского уездного Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов, на котором было принято решение о делении Валкского уезда на 9 судебных участков и создании в каждом из них местного суда. Та же газета сообщила 14 (1) февраля 1918 года о создании 8-ми участков местного суда Цесисского уезда и 2-х участков в неоккупированной части Рижского уезда, а 19 (6) февраля 1918 года — о создании местного суда в Руенской волости. В феврале же были созданы и уездные революционные трибуналы.

В январе—феврале 1918 г. на территории советских уездов Латвии судебная система складывалась из местных судов и уездных съездов местных судей (вопрос об окружном суде окончательно решен не был), а система революционных трибуналов — из уездных революционных трибуналов и кассационного суда Исколата. Теперь уже только эти органы могли осуществлять правосудие в Советской Латвии. Никакие другие органы, в том числе и волостные собрания безземельных, с этого времени не были правомочны выполнять функции суда. 11 января 1918 г. юридический отдел Исколата специально разъяснил, что бороться против внутренней контрреволюции следует не путем высылки контрреволюционеров по решениям волостных собраний, а путем предания их суду революционного трибунала.

Созданием судебной системы, как и всем социалистическим строительством в советских уездах Латвии, руководила Комму-

¹² В комиссию должны были входить 3 представителя от местного Совета.

нистическая партия Латвии — СДЛК — испытанный и закаленный в классовой борьбе вождь латышских трудящихся.

Созданный в Латвии в 1917—1918 г.г. советский суд решал дела, руководствуясь советскими декретами, своим революционным правосознанием и революционной совестью, не ограничивая себя ни царскими законами, ни законами Временного правительства, руководствуясь этими законами лишь постольку, поскольку они не были отменены революцией и не противоречили революционному правосознанию трудящихся (практически это означало, что из старых законов частично применялись процессуальные законы).

Созданный в течение ноября 1917 года — января 1918 года суд Советской Латвии развернул кипучую деятельность по подавлению сопротивления врагов революции, по воспитанию трудящихся в духе социализма.

Главный его удар был направлен против контрреволюционных преступлений (их рассматривали революционные трибуналы).

Наряду с контрреволюционными преступлениями, совершенными в период Октябрьской революции, революционные трибуналы рассматривали дела о контрреволюционных преступлениях, совершенных в период революции 1905—1907 гг.

Например, Цесисский уездный революционный трибунал рассмотрел дело священника Х. Брауншвейга, активно поддерживавшего реакционные силы в период революции 1905—1907 гг. и содействовавшего карательной экспедиции в подавлении восставших.

Аналогично и рассмотренное дело директора бумажной фабрики в Лигатне В. Шилинга, который также активно сотрудничал в 1905—1907 гг. с карателями, арестовывал революционеров¹³.

Суды Советской Латвии активно содействовали осуществлению продовольственной политики Советского государства, проведение которой имело чрезвычайно важное значение. В Латвии в течение четырех лет империалистической войны происходили военные действия, на ее территории была сконцентрирована большая армия и в результате этого хозяйство оказалось совершенно разоренным, продуктов нехватало, население голодало.

27 декабря 1917 года Валмиерский общественно-революционный суд на своей 4-й сессии рассмотрел ряд уголовных дел о сокрытии зерна от реквизиции и приговорил виновных к раз-

¹³ «Ziņotājs», 1918 г., № 14 (21).

личным суммам денежного штрафа, который мог быть заменен тюремным заключением¹⁴.

Аналогичные дела были рассмотрены этим судом и в судебном заседании 16 января 1918 года¹⁵, а также 2-й сессией Цесисского уездного революционного трибунала¹⁶.

10 января 1918 года Валкский военно-революционный трибунал на своей 3-й сессии рассмотрел 4 уголовных дела и в том числе: 1 — о спекуляции продуктами питания, 2 — об изготовлении и продаже спирта¹⁷; 2-я сессия Цесисского уездного революционного трибунала рассмотрела ряд дел о незаконном изготовлении пива и т. д.

В первый период после революции нередко дезертиры и некоторые солдаты расквартированных полков в поисках продовольствия грабили жителей, производили незаконные обыски и реквизиции, нарушая порядок и т. д.

Поэтому Исполком Совета депутатов латышских стрелковых полков вынужден был принять срочные меры. Он опубликовал сообщение, что впредь все обыски у местного населения могут производиться лишь на основании ордеров, выданных Советами или милицией¹⁸.

Виновные в нарушении установленного порядка подлежали преданию суду революционного трибунала как грабители.

23 января (5 февраля) 1918 года газета «Ziņotājs» сообщила, что Цесисский уездный революционный трибунал осудил 4-х стрелков 1-го Даугавпилсского полка за производство незаконного обиска¹⁹.

Кроме дел о контрреволюционных преступлениях, незаконных реквизициях, обысках, суды и революционные трибуналы рассматривали также дела о разбазаривании общественного имущества, о невыполнении постановлений земельных органов, о продаже безземельным зерна по спекулятивным ценам и т. д.

Бросается в глаза мягкость приговоров народных судов и революционных трибуналов по всем категориям дел, включая и контрреволюционные.

Так, контрреволюционер Брауншвейг был приговорен к денежному штрафу в размере 750 рублей и 3-м месяцам об-

¹⁴ «Ziņotājs», 1918 г., № 4 (11).

¹⁵ «Ziņotājs», 1918 г., № 15 (22).

¹⁶ «Ziņotājs», 1918 г., № 14 (21).

¹⁷ «Ziņotājs», 1918 г., № 1.

¹⁸ «Ziņotājs», 1918 г., № 1.

¹⁹ «Ziņotājs», 1918 г., № 14 (21).

ественных работ, Шилинг — к штрафу в размере 1000 рублей и 1-му месяцу общественных работ²⁰.

Очень мягкими были приговоры и по другим видам преступлений: высшее наказание по делам о сокрытии зерна при его реквизиции — 2000 рублей штрафа, или 3 месяца тюремного заключения или общественных работ; по делам о спекуляции — 1500 рублей штрафа, или 3 месяца тюремного заключения или общественных работ; по делам о незаконных обысках — 6 месяцев тюремного заключения или общественных работ и т. д.²¹.

Конечно, подобная мягкость к врагам революции, к врагам советской власти — недостаточно способствовала борьбе с контрреволюцией. Чем мягче, нерешительней те или иные органы советского государства относились к своим врагам, тем наглее враги становились.

И все-таки, несмотря на мягкость и некоторую нерешительность в деле применения насилия к классовым врагам, советский суд неоккупированной Латвии являлся одним из самых острых, действенных орудий пролетарской диктатуры в подавлении сопротивления свергнутых эксплуататорских классов.

Начавшееся в феврале 1918 года наступление германской армии прервало деятельность советской власти, а следовательно и деятельность советской судебной системы в Латвии.

II

В конце декабря 1918 — начале января 1919 гг. в результате революционного выступления латышских рабочих и безземельных, слившегося с наступлением Красной Армии, почти вся территория Латвии была освобождена от оккупантов.

Началось восстановление советского суда в Цесисском, Валмиерском, Валкском и части Рижского уезда и создание советского суда на остальной территории Латвии.

17 декабря 1918 г. в освобожденном от оккупантов г. Валке было создано Временное советское правительство Латвии, объявившее о низложении всех буржуазных правительств Латвии и создании независимой советской республики.

22 декабря 1918 г. СНК РСФСР признал независимость социалистической Советской республики Латвии.

10 января 1919 г. на основании декрета Временного советского правительства Латвии на территории республики были введены в действие декреты правительства РСФСР, изданные до 25 декабря 1918 г.

²⁰ «Ziņotājs», 1918 г., № 14 (21).

²¹ Из отчетов трибуналов в «Ziņotājs», и архивных материалов.

15 января 1919 г. 1-й съезд рабочих, стрелковых и безземельных депутатов объединенной Латвии принял Конституцию ССРЛ, но в ней принципы организации и деятельности суда не были закреплены.

Это значило, что суд ССРЛ строился в соответствии с декретами и другими законодательными актами, регламентировавшими организацию и деятельность суда в РСФСР.

В январе 1919 года на всей территории ССРЛ, исключая г. Лиепая и его окрестности, одновременно с ликвидацией судебных учреждений периода немецкой оккупации, создавалась советская судебная система.

Дела, неоконченные²² в упраздненных судах, передавались в советские судебные органы через специальные ликвидационные комиссии.

Порядок рассмотрения этих дел был установлен постановлением Комиссариата юстиции ССРЛ, опубликованным 24 февраля 1919 года²³. В этом постановлении было сказано:

производство по гражданским делам и уголовным делам частного обвинения, которые поступали в народный суд через Ликвидационные комиссии, продолжается только в том случае, если заинтересованные лица в течение определенного срока обратятся в народный суд с просьбой о продолжении производства по делу;

производство по остальным незаконченным²² уголовным делам продолжается в общем порядке;

дела гражданские и уголовные частного обвинения считаются законченными, если заинтересованные лица в течение определенного срока не вошли в народный суд с ходатайством о продолжении производства по этим делам;

дела, законченные в упраздненных судебных учреждениях, могут быть по ходатайству заинтересованных лиц вновь пересмотрены в народном суде, если решения или приговоры по ним вынесены после 25 октября 1917 года.

Местные народные суды

создавались в составе одного народного судьи и двух очередных народных заседателей, избранных местными Советами. Уездные Советы народных судей,

являвшиеся кассационной инстанцией для народных судов, избирались в порядке очередности из народных судей уезда.

Так, в феврале 1919 г. был организован Валмиерский местный народный суд. Народный судья был избран Валмиерским

²² Терминология источника.

²³ «Известия Социалистического советского правительства Латвии», 1919 г., № 2 (в дальнейшем для краткости просто — «Известия»).

уездным Советом рабочих и безземельных, народные заседатели — волостными Советами безземельных уезда, а затем утверждены Исполкомом Валмиерского уездного Совета рабочих и безземельных²⁴.

Первоначально на весь Валмиерский уезд был создан лишь один народный суд, в который передавались дела со всего уезда.

Это объяснялось, главным образом, острой нехваткой кадров судебных работников, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что народный судья Валмиерского уездного суда в течение длительного времени являлся одновременно и председателем революционного трибунала уезда²⁵.

Народный суд о своей работе отчитывался перед Исполкомом уездного Совета²⁶.

Из отчетов народного судьи виден примерный объем работы суда.

Валмиерским народным судом с 18 по 28 февраля 1919 года было решено: гражданских дел — 9, уголовных дел — 9, дел о расторжении брака — 2; с 1 по 31 марта 1919 года: гражданских дел — 24, уголовных дел — 23, дел о расторжении брака — 3 и т. д.

Одновременно с народными судами началось восстановление и создание революционных трибуналов.

Основной задачей революционных трибуналов, как и в 1917—1918 гг., являлась защита завоеваний пролетарской революции от посягательств контрреволюционных сил.

Структуру революционных трибуналов Социалистической советской республики Латвии регламентировали Временные правила Комиссариата юстиции²⁸, изданные в соответствии с декретами РСФСР.

В каждом уезде создавались уездные революционные трибуналы.

Они состояли из трех человек (председатель и 2 члена), избравшихся Исполкомами Советов. При уездных трибуналах организовывались

следственные комиссии,

которые состояли не менее, чем из 3-х членов, назначавшихся Исполкомами Советов.

²⁴ Центральный Государственный архив МВД Латв. ССР, фонд Р-47, опись 1, дело 17.

²⁵ Центральный Государственный архив МВД Латв. ССР, фонд Р-47.

²⁶ Там же, стр. 12.

²⁷ Там же, стр. 15, 34.

²⁸ «Сіпа», 1919 г., 28 января.

Приговоры ревтрибуналов обжалованию не подлежали. Кассационной инстанции для них не имелось.

Таким образом, в Социалистической Советской республике Латвии сложилась система единых народных судов и система специальных судов — революционных трибуналов.

В Валмиерском уезде революционный трибунал начал действовать в феврале 1919 года, одновременно с народным судом.

С 16 по 28 февраля 1919 года Валмиерский уездный трибунал рассмотрел 1 политическое и 3 уголовных дела других категорий²⁹.

В марте следственная комиссия расследовала и передала на рассмотрение революционного трибунала: контрреволюционных дел — 134, дел о спекуляции — 10, дел о взяточничестве — 1, дел о шпионаже — 4, о должностных преступлениях — 8 и т. д.³⁰

Для более оперативной и эффективной борьбы с контрреволюцией и саботажем в РСФСР при СНК еще в декабре 1917 года была создана Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) под председательством Ф. Э. Дзержинского. В марте 1918 года ВЧК было принято постановление, которым всем местным Советам предлагалось немедленно создать местные ЧК.

Однако, на территории Социалистической Советской республики Латвии чрезвычайные комиссии, как таковые, не создавались. Их функции выполняли политические подотделы административных отделов уездных Советов. Основное отличие политических подотделов от ЧК состояло в том, что они создавались при Советах, им подчинялись, ими контролировались и никакой автономией не пользовались³¹.

Политические подотделы создавались в соответствии с инструкцией Совета революционной борьбы Латвии³². Основной их задачей являлась борьба с контрреволюцией, должностными преступлениями и неисполнением распоряжений Советского правительства.

Политический подотдел должен был собирать материалы о лицах и организациях, ведущих контрреволюционную деятельность, антисоветскую агитацию и т. д., арестовывать ви-

²⁹ Центральный Государственный архив МВД Латв. ССР, Фонд Р-47, опись 1, дело 13, стр. 11.

³⁰ Центральный Государственный архив МВД Латв. ССР, фонд Р-47, опись 1, дело 13, стр. 20.

³¹ «Сіпа», 1919 г., № 22.

³² ЦГА МВД Латв. ССР, фонд Р-47, опись 1, дело 56.

новых и передавать дела следственной комиссии революционного трибунала.

• Следственная комиссия ревтрибунала, рассмотрев материалы, представленные ей политическим подотделом, передавала их революционному трибуналу, который и судил преступников.

Первоначально политический подотдел судебными функциями не обладал³³.

Однако, несколько позже, Совет революционной борьбы издал другое постановление — о концентрационных лагерях. В этом постановлении, опубликованном 24 февраля 1919 г.³⁴, указывалось, что в концлагери помещаются «контрреволюционеры, гражданские пленные и прочие вредные революционному движению элементы с целью их изоляции». Этим постановлением устанавливались основания, по которым перечисленные выше лица могли быть заключены в концлагерь; такими основаниями являлись:

1. Мотивированные постановления революционных трибуналов и их следственных комиссий.

2. Мотивированные постановления... уездных политических отделов³⁵, причем последние подлежали утверждению соответствующих административных отделов.

Таким образом, согласно постановлению от 24 февраля 1919 г. политические подотделы могли не только расследовать, но и разрешать одну категорию дел, — дела о контрреволюционных преступлениях; остальные дела, например, о должностных преступлениях, политический подотдел разрешать не мог.

По мере обострения положения на фронте, по мере активизации внешней и внутренней контрреволюции, государство диктатуры пролетариата Латвии вынуждено было применять все более жесткие меры, все беспощадней подавлять своих классовых противников.

Поэтому полномочия политических подотделов расширились.

Практически политические подотделы передавали в следственные комиссии трибуналов, главным образом, такие дела, которые требовали более длительного и тщательного расследования — дела сложные, запутанные. Остальные дела о контрреволюционных преступлениях решали сами, вынося приговоры и приводя их в исполнение. Ограничения в выборе меры

³³ ЦГА МВД Латв. ССР, фонд Р-47, опись 1, дело 56.

³⁴ «Известия» 1919 г., № 2. «

³⁵ Имеются в виду политические подотделы.

наказания для них не существовало³⁶, но основной мерой наказания являлось заключение в концлагерь на различные сроки.

Весной 1919 года политические подотделы развернули активную деятельность.

Политическим подотделом Валмиерского уездного Совета в феврале 1919 г., например, было арестовано 20 контрреволюционеров, 8 белогвардейцев и т. д.³⁷; расследованы дела о контрреволюционной агитации³⁸, о выдаче оккупантам советских работников и красногвардейцев³⁹, об организации белогвардейских банд⁴⁰ и т. д. Часть этих дел была разрешена политическим подотделом, другая часть — передана революционному трибуналу.

В это же время при уездных Советах были созданы и начали действовать Коллегии правозаступников. Интересно постановление Комиссариата юстиции о вознаграждении защитников, опубликованное 25 февраля 1919 г.⁴¹

В этом постановлении указывалось, что «между тяжущимся и членом коллегии защитников свободное соглашение по судебным делам не допускается... Члены Коллегии числятся на советской службе и получают определенное содержание, вознаграждение же за участие защитников в производстве дела причисляется к доходам республики».

Далее, устанавливались размеры вознаграждения за выступления защитников по гражданским и уголовным делам (ст.ст. 3 и 4), но со следующей оговоркой: «как по гражданским, так и по уголовным делам суд может, в случаях несостоятельности сторон, освободить их от вознаграждения защитников или, по делам гражданским, уменьшить сумму вознаграждения» (ст. 5). Допускались защитники к участию в делах, рассматриваемых как народными судами, так и ревтрибуналами. 27 февраля 1919 г. в «Известиях» было помещено следующее сообщение Революционного трибунала Рижского уезда: «Принимая во внимание, что в последнее время Трибуналу гор. Риги и уезда часто подаются прошения о допущении защитников по рассматриваемым делам, Революционный Трибунал сам доводит до сведения, что дела, назначенные к слушанию при открытых дверях, будут своевременно опубли-

³⁶ «Сіпа», 1919 г., № 22.

³⁷ Центральный Государственный архив МВД Латв. ССР, фонд Р-47, опись 1, дело 13.

³⁸ Там же, опись 1, дело 209.

³⁹ Там же, дело 216.

⁴⁰ Там же, дело 196.

⁴¹ «Известия», 1919 г., № 3.

кованы в газетах. Только после опубликования обвиняемые могут заявить о своих правозащитниках (исключительно из среды Коллегии Правозащитников...) и последние могут ознакомиться с обвинительным актом и другими материалами...⁴² Такой же порядок существовал и в революционных трибуналах других уездов. Коллегии правозащитников⁴³ в Латвии действовали как коллегии защитников, а не как коллегии защитников и обвинителей.

Комиссариат юстиции даже специально разъяснял, что «неправильно учреждать какие бы то ни было коллегии обвинителей специально для составления обвинительного акта»⁴⁴, и хотя в данном разъяснении речь шла конкретно о революционных трибуналах и следственных комиссиях, подобное же положение существовало и в отношении народных судов.

Комиссариат юстиции (его отдел судостроительства) систематически контролировал деятельность и состав Коллегии правозащитников. С этой целью он требовал подробной и регулярной отчетности от всех уездных юридических отделов Советов о деятельности Коллегии.

Для исполнения судебных решений при каждом суде имелся штат судебных исполнителей.

Судебные исполнители утверждались Исполкомом уездного Совета по предложению народных судей или юридического отдела Исполкома. Контроль за деятельностью судебных исполнителей осуществляли Советы народных судей⁴⁵.

Деятельность судебных исполнителей, размеры вознаграждения регламентировались специальными постановлениями Комиссариата юстиции и юридических отделов Советов.

Организацией и деятельностью всех судебных учреждений Латвии — народных судов, революционных трибуналов, следственных комиссий и коллегий правозащитников — руководил Комиссариат юстиции республики. Народным комиссаром юстиции являлся Ф. Линде. На местах, в уездах, организацией и деятельностью судебных учреждений руководили юридические отделы Исполкомов Советов депутатов.

Комиссариат юстиции для более конкретного руководства местными органами юстиции созывал совещания работников юстиции, где народные судьи, следователи и т. д. обменивались опытом работы и получали необходимые руководящие указания.

⁴² «Известия», 1919 г., № 3.

⁴³ В русском тексте употребляется двойное название — коллегии правозащитников и коллегии защитников.

⁴⁴ Там же, № 17.

⁴⁵ Там же, № 3, стр. 2.

14 марта 1919 года Коммиссариат юстиции ССРЛ созвал конференцию заведующих юридическими отделами уездных Советов.

Повестка дня конференции была следующая:

1) доклады с мест; 2) организация юридических отделов; 3) Революционный трибунал и Следственная комиссия; 4) взаимоотношения между Революционным трибуналом, Следственной комиссией и Политическим подотделом; 5) народный суд и предварительное следствие; 6) вопрос о нотариате; 7) организация карательной системы (места заключения, сельскохозяйственные колонии, общественные работы и т. д.); 8) разные вопросы и предложения⁴⁶.

В 1919 году, в период становления и укрепления суда ССРЛ, происходило не только разграничение подсудности между народными судами и ревтрибуналами, но и освобождение народных судов от рассмотрения незначительных дел⁴⁷ путем разрешения этих дел в административном порядке.

Показательно в этом отношении распоряжение № 2 Совета революционной борьбы об административных наказаниях⁴⁸.

В параграфе 1-м этого распоряжения указывалось: «За различные проступки и преступления, которые целесообразнее и даже необходимо закончить в административном порядке, как, например, за неисполнение различных приказов, распоряжений и др., за нарушение общественной тишины, пьянство, мелкую спекуляцию и т. п., заведующие уездными административными отделами вправе, по личному усмотрению, или по предложению и возбуждению дела со стороны политических отделов, милиции и др. тому подобных учреждений, подвергнуть виновного денежному наказанию (штрафу) до 1000 рублей, или аресту и общественным работам до 3-х месяцев.

Дела, по которым виновные подлежат большему наказанию, чем предусмотрено в этой статье, заведующие административными отделами немедленно передают для разрешения революционному трибуналу, или соответствующему народному суду»⁴⁹.

Заведующим административными отделами вменялось в обязанность, не реже одного раза в неделю, представлять в

⁴⁶ «Известия», 1919 г., № 10, стр. 8. Протоколов этой чрезвычайно интересной для историка суда Советской Латвии конференции обнаружить не удалось.

⁴⁷ О пьянстве, мелкой спекуляции, неисполнении приказов и распоряжений Советов и т. п.

⁴⁸ «Известия», 1919 г., № 2.

⁴⁹ «Известия», 1919 г., № , стр. 7.

народный суд или ревтрибунал списки лиц, наказанных в административном порядке.

Народные суды и ревтрибуналы могли в порядке надзора, или в случае обжалования со стороны лиц, подвергнутых штрафу на сумму, свыше 500 рублей, или аресту и общественным работам на срок, свыше 7 дней, отменять постановления заведующих административными отделами Советов, рассматривать дела вновь и выносить соответствующие приговоры.

Деятельность советских судебных органов была направлена в этот период, главным образом, на борьбу против контрреволюции, саботажа и других преступлений, подрывающих политическую, экономическую и военную мощь республики, нарушающих нормальное течение ее жизни, — другими словами, на борьбу против внутренних врагов советского государства.

Об этом свидетельствовали и публикуемые следственными комиссиями при ревтрибуналах списки рассмотренных ими дел.

Так, следственная комиссия при ревтрибунале г. Риги и уезда сообщила, что к началу марта 1919 года ею велось следствие о преступной деятельности 16 контрреволюционеров, в числе которых были: Зейберт Эдуард, бывш. пристав 9-го полицейского участка г. Риги, Лепинь Вольдемар, бывш. агент сысской полиции г. Риги, Шейнпflug Теодор, пастор и предатель и т. д.⁵⁰

Ревтрибуналы сурово наказывали врагов народа, контрреволюционеров всех мастей, действовавших внутри республики.

Революционные трибуналы, военные власти и органы военной юстиции вели также беспощадную борьбу с дезертирами, которые не только изменили своему воинскому долгу, но и хищничали государственное имущество, грабили мирное население, дискредитировали советскую власть.

Нужно сказать, что активность внутренних контрреволюционных сил повышалась в зависимости от успехов внешней контрреволюции, которая в начале 1919 года вела ожесточенную борьбу против Советской России и других Советских республик, стремясь утопить в крови революционные завоевания рабочих и крестьян.

Внешняя и внутренняя обстановка заставили правительство Социалистической Советской республики Латвии объявить республику на осадном положении⁵¹.

В этот период борьба с преступлениями, направленными на подрыв военной мощи республики, выдвинулась на первое место. Вражеские агенты стремились дезорганизовать фронт и

⁵⁰ «Известия», 1919 г., № 13, стр. 6.

⁵¹ Декрет от 5 февраля 1919 г.

тыл, нарушая связь, портя телефоны, телеграфы, расхищая провода и т. д.

В связи с этим, специальным циркуляром Подотдела Внешней охраны Комиссариата внутренних дел от 27 февраля 1917 года, предписывалось всем начальникам советской милиции бороться с подобными преступлениями, предавая виновных в их совершении суду революционного трибунала⁵².

Не менее опасными являлись преступления, направленные на подрыв экономической мощи ССРЛ (спекуляция, расхищение народного достояния и т. д.).

Революционные трибуналы вели решительную борьбу со спекулянтами, ворами, грабителями и т. д., которые пользовались тяжелым экономическим положением республики, чтобы наживаться за счет народа⁵³.

Революционному трибуналу, кроме уже перечисленных дел, были подсудны также дела о нарушении постановлений и распоряжений Советов, Комиссариата внутренних дел и политических подотделов, административных отделов Советов, Комиссариата юстиции и т. д., в которых об этом делалась специальная оговорка.

Нужно сказать, что в апреле-мае 1919 г. в ССРЛ происходило дальнейшее расширение подсудности революционных трибуналов.

Это диктовалось условиями осадного положения, необходимостью в новой обстановке решать дела, наказывать преступников не только справедливо, но и как можно быстрее, оперативнее.

Народному суду были подсудны менее важные уголовные дела различных категорий: дела о краже, мошенничестве, вымогательстве и т. д. и все дела гражданские, в том числе дела о расторжении брака и другие, предусмотренные вступившим в законную силу на основании Декрета от 10 января 1919 года Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве.

Таким образом, существовало довольно четкое разграничение подсудности революционного трибунала и народного суда.

Однако, чем больше местные Советы и другие органы власти и управления республики издавали распоряжений, сообщений и т. д., тем больше путаницы вносили они в этот вопрос.

⁵² «Известия», 1919 г., № 9, стр. 5.

⁵³ Весной 1919 года трудящиеся городов Латвии получали в день лишь полфунта хлеба, в месяц — полфунта соли, дети до 3-х лет — фунт мармелада или сахара, а курящие — 10 папирос.

Так, в апреле 1919 г. было опубликовано распоряжение Исполкома Рижского Совета рабочих депутатов, которое вменяло в обязанность домовладельцев и управляющих домами очистку от снега и грязи дворов и улиц; в случае неисполнения этого распоряжения виновные подлежали суду ревтрибунала⁵⁴. Были и другие аналогичные акты, предусматривающие предание суду революционного трибунала за такие преступления, которые вполне мог разрешать и народный суд. В результате издания таких актов лишь затруднялась деятельность трибуналов.

В этот период широкое распространение получила публикация в газетах объявлений о розыске скрывающихся преступников⁵⁵.

Интересы борьбы с контрреволюцией требовали не только осуждения, но и наказания преступников, соответственно тяжести совершенных ими преступлений.

Органы советской власти и правосудия ССРЛ последовательно осуществляли классовый подход к осужденным, различая, с одной стороны, закоренелых врагов революции и советской власти и, с другой, трудящихся, совершивших преступления из-за своей несознательности, тяжелого материального положения и т. п.

Показательным в этом отношении является распоряжение Комиссариата юстиции уездным юридическим отделам, опубликованное в связи с приближавшимся праздником трудящихся — 1 мая⁵⁶.

В распоряжении указывалось, что, поскольку в тюрьмах находится довольно много лиц «малосостоятельных», Комиссариат юстиции предлагает местным Исполкомам утвердить в каждом уезде специальную ревизионную комиссию мест заключения⁵⁷.

Параграф 2-й распоряжения устанавливал:

«...революционные трибуналы и народные суды обязаны рассматривать дела всех приговоренных к заключению и, смотря по обстоятельствам, особенно, принимая во внимание, является ли данное лицо опасным для Советского строя и в какой мере, смягчить наказание или же допустить досрочное освобождение».

И далее в § 3: «Следственные учреждения (следственные комиссии, политические отделы и т. д.) на основании изложен-

⁵⁴ «Известия», 1919 г., № 39.

⁵⁵ «Известия», 1919 г., № 28, стр. 4, № 2 стр. 4 и т. д.

⁵⁶ «Известия», 1919 г., № 57, стр. 3.

⁵⁷ В эту комиссию должны были войти представители уездного Комитета Коммунистической партии, юридического отдела и политического подотдела.

ного в параграфе 2-м должны принять меры, чтобы в случаях когда это возможно, без вреда для революции заменить заключения другой мерой пресечения (подписка о невыезде, отдача под надзор милиции и т. д.).

Таким образом, в этот период ожесточенной классовой борьбы советские судебные и карательные органы последовательно осуществляли классовый подход к подсудимым при вынесении приговора, и к осужденным — после вынесения приговора, при его исполнении.

Интересно в этом отношении также распоряжение № 9 юридического отдела Рижского Совета. С 1 марта 1919 года всем заключенным из буржуазной среды и контрреволюционерам, шпионам, белогвардейцам, крупным спекулянтам были разрешены передачи в тюрьму 2 раза в месяц, а всем остальным заключенным — 3 раза в неделю, и др.

Классовый пролетарский подход к осуществлению правосудия обеспечивался подбором судей и заседателей по классовому признаку — из трудящихся, главным образом, из рабочих и безземельных и повседневным, последовательным руководством Коммунистической партии.

В этот трудный период гражданской войны и иностранной интервенции Комиссариат юстиции ССРЛ строго следил за соблюдением революционной законности, решительно боролся против нарушений советских законов, против незаконных арестов, реквизиций и т. д.

В своих распоряжениях и постановлениях он требовал от всех судебных органов оперативности в работе, устранения волокиты, согласования деятельности, внимательного рассмотрения дел и наказания только виновных.

Специальным Декретом от 8 марта 1919 года, подписанным председателем Советского правительства Латвии П. Стучкой и комиссаром юстиции Ф. Линде, «О порядке судопроизводства над малолетними и несовершеннолетними»⁵⁸ все дела о малолетних и несовершеннолетних, обвиняемых в действиях антиобщественных, должны были до поступления в суд рассматриваться особыми комиссиями.

Эти комиссии⁵⁹ находились в непосредственном ведении Комиссариата просвещения и составлялись из представителей комиссариатов — социального обеспечения и просвещения.

Комиссия, рассмотрев дело, могла его прекратить — осво-

⁵⁸ «Известия», 1919 г., № 23, стр. 5.

⁵⁹ Центральная Комиссия по разбору дел малолетних и несовершеннолетних и уездные комиссии («Известия», 1919 г., № 63).

бодить обвиняемых, поместить в детский дом Комиссариата просвещения, или передать дело в одно из судебных учреждений (по подсудности).

Поступая в суд, дело разрешалось в обычном порядке, как и всякое другое уголовное дело.

Поэтому правильной говорить не о порядке судопроизводства, а о порядке осуждения малолетних и несовершеннолетних, преступников, тем более, что в латышском тексте декрета употребляется термин «*tiesāšana*», а не «*tiesāšanas kārtība*».

Но совершенно выбрасывать из области юрисдикции эту предварительную стадию в рассмотрении дел о несовершеннолетних преступниках, стадию, предшествующую судебному рассмотрению, не сливающуюся с ним, но имеющую, тем не менее, к нему непосредственное отношение, было бы неверно.

Ведь именно здесь, в Комиссии о малолетних и несовершеннолетних преступниках, решался вопрос предать того или иного несовершеннолетнего преступника суду, или не предавать (поместить в детский дом). Более того, § 5 Декрета устанавливал, что «все малолетние или несовершеннолетние, уже осужденные или находящиеся под следствием, немедленно передаются в распоряжение комиссии, которая вновь рассматривает их дела и потом выносит свое решение», в соответствии с которым и поступает суд.

Все это дает основание утверждать, что порядок предания суду, порядок осуждения, несовершеннолетних отличался от общего порядка. На первый план решительно выдвигалось воспитание, а не голое наказание. В подавляющем большинстве случаев Комиссии о малолетних и несовершеннолетних выносили решения о помещении их в детские дома.

Советское государство заботилось не только о воспитании детей и подростков. Оно заботилось о воспитании всего населения в духе социализма. Составной частью воспитательной работы советского государства Латвии являлось осуществление воспитательной функции его органами правосудия. Этой задаче служило и слушание дел в революционных трибуналах при открытых дверях, помещение в газетах сообщений о прошедших процессах, установление отчетности для судов и трибуналов перед комиссариатом юстиции и юридическими отделами исполкомов Советов. Эти мероприятия, кроме того, должны были способствовать укреплению революционной законности.

В газете «*Sīda*» от революционных трибуналов прямо требовалось чаще проводить открытые процессы, принимая во внимание, что такие процессы имеют большое общественно-поли-

тическое значение и одновременно повышают авторитет трибунала среди трудящихся⁶⁰.

Открытые заседания трибуналов происходили повсеместно.

Газета «Jelgavas komunisti» сообщала, например, что 20 февраля 1919 г. в Елгаве рассматривалось дело членов белогвардейской организации «Зелштютце». Заседание происходило при открытых дверях, и помещение трибунала не могло вместить всех желавших присутствовать⁶¹.

Подобных примеров можно привести очень много.

Определенное воспитательное значение имела и широкая публикация в печати юридическими отделами, комиссариатом юстиции и т. д. постановлений, распоряжений, сообщений, которые касались организации и деятельности суда и давали некоторый минимум юридических знаний тем, кто читал эти газеты — латышским трудящимся.

Укреплению революционной законности должно было служить и обобщение опыта суда.

С этой целью в апреле 1919 г. Комиссариат статистики разослал всем уездным статистическим бюро специальные анкеты для распределения их по участкам народных судов и советам народных судей.

Анкеты эти содержали целый ряд рубрик, касающихся рассмотрения судами уголовных и гражданских дел. Ответы судов и советов народных судей на вопросы анкет должны были дать богатый материал для анализа и обобщения их деятельности.

В целях укрепления революционной законности и обобщения опыта работы суда предполагалось также издание специального юридического журнала «Proletariats un Tiesibas» (Пролетариат и Право).

Однако, работа эта не была завершена, как не были до конца проведены в жизнь и многие другие постановления правительства ССРЛ и прочих органов государственной власти и управления. Это и понятно, т. к. в 1918—1919 г.г. и все советское государство в Латвии в целом и его судебные органы переживали стадию организации, стадию становления.

Дальнейшее укрепление и развитие советского суда, как и советской власти в целом, вновь было прервано наступлением объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции, напуганной укреплением советской власти в России и не оставлявшей попыток уничтожить советское государство.

Организаторами похода являлись империалисты США, его

⁶⁰ «Сина», 1919 г., № 22.

⁶¹ «Jelgavas komunisti», 1919 г., № 18.

активными участниками — Англия, Франция, Германия, польская Польша, белая Эстония, Швеция, Дания, русские белогвардейцы.

Красная Армия Советской Латвии, рабочие и крестьяне республики, руководимые Коммунистической партией Латвии, самоотверженно защищали свое пролетарское государство на фронтах и в тылу, но силы были слишком неравными, а РСФСР и другие советские республики, сами со всех сторон окруженные врагами, не смогли оказать ССРЛ эффективной помощи в борьбе против вооруженной первоклассным оружием, снабженной продовольствием армии интервентов и их вассалов — контрреволюционных «национальных» правительств.

Советская власть в Латвии пала.

Но латышский пролетариат продолжал борьбу за восстановление своей диктатуры, за восстановление власти Советов. Эта борьба увенчалась успехом в 1940 г., когда над Латвией вновь взвилось красное знамя свободы Латвийской Советской Социалистической республики.

Docents V. Kalniņš,
juridisko zinātņu kandidāts.

**AGRINO VALSTISKO VEIDOJUMU
UN SĀKOTNĒJO TIESIBU IZCELSNĀS
LATVIJAS TERITORIJĀ**
(aptuveni no XI gs. līdz XIII gs. sākumam)

**I. ŠĶIRU SABIEDRĪBAS IZCELSNĀS
LATVIJAS TERITORIJĀ**

Latvijas teritorijā jau kopš mūsu eras sākuma iezīmējās pirmatnējās kopienas iekārtas iršanas un šķiru sabiedrības rašanās process. Tas turpinājās lēni un nevienmērīgi dažādos Latvijas novados — kuršu, zemgaļu, latgaļu, libiešu un sēļu zemēs. Spilgtākas šķiru sabiedrības pazīmes vērojamas ap IX gadu simteni. Samērā attīstīta šķiru sabiedrība izveidojās no XI gs. līdz XIII gs. sākumam. Tas notika sakarā ar saimniecības straujāku attīstību; ievērojami attīstījās zemkopība (pārgāja no līdumu uz tīrumu zemkopību, beidzot ieviesa trīslauku sistemu); lopkopībā bija jau pazīstamas visas parastās mājlopu sugas; amatniecība daļēji atdalījās no zemkopības, tālāk attīstījās tranzīta un vietējā tirdzniecība; arī dravniecībai, zvejniecībai un medniecībai joprojām bija ievērojama loma. Šāda saimniecības attīstība ļauj secināt par mantiskās nevienlīdzības un samērā attīstītas šķiru sabiedrības izveidošanos. Līdzās sairusās kopienas sabiedriskā īpašuma paliekām bija izveidojies privatīpašums. Lielu lomu sabiedrībā sāka spēlēt no kopienas atdalījušies *patriarchalā ģimene (saime)*. Tur kopā ar brīvajiem saimes locekļiem strādāja arī vergi (*patriarchalā verdzība*). Turīgāko patriarchalo ģimeņu (*saimju*) īpašnieki sagraba vēl neaizņemtās zemes, tādējādi palielinot savus zemes īpašumus. Trūcīgie kopienās ļaudis pakāpeniski nonāca no tiem saimnieciskā atkarībā. Tādējādi līdzās patriarchalās verdzības ekspluatācijai attīstījās arī feodālās ekspluatācijas veids.

Apskatāmā perioda beigās jau pārsvarā bija feudālā ekonomika¹. Latvijas austrumu novados feudalisma attīstību veicināja feudālās Krievzemes paraugs.

Ap XIII gs. sākumu Latvijas teritorijā bija jau izveidojusies agrīna feudāla sabiedrība ar patriarchālās verdzības elementiem un pirmatnējās kopienas iekārtas paliekām. Tanī laikā sastopami vēl brīvie kopienas locekļi — ļaudis (люды, lude), kuri vēl nebija nospiesti ekspluatācijas jūgā. Sairstot kopienai, bagātie virsslāņi no ļaudīm pārvērtās par ekspluatatoriem (vecākie, labieši u. c.), bet trūcīgie ļaudis (iedzīvotāju pamatmasa) pārvērtās par ekspluatējamiem (smerdi, sērdieņi u. c.).

Arī latviešu tautas dziesmās ļaudis tēloti vēl kā tādi, kas ieņem labu sabiedrisku stāvokli: «Kas gulbīti baltu dara, kas bārīti ļaužu liek?» (LD 5006).

Aplūkojamā periodā ļaudis jāuzskata kā sairušās kopienas sabiedrības brīvo locekļu paliekas.

Ekspluatatoru šķira

1. Vecākie (Heinr. Chr. Liv. — *seniores*, Liv. Reimchr. — *eldeste*) — bagātākais sabiedrības virsslānis, lielu zemju, pat piļu īpašnieki, arī politiskās varas organizētāji. Viņu laukus apstrādāja blakus vergiem arī feudāli atkarīgie ļaudis. Vecākiem bija arī savi bruņoti vīri — *karadraudze*. Vecāko skaits Latvijas teritorijā XIII gs. sākumā bija diezgan liels. Indriķa hronika, aprakstot Mežotnes ieņemšanu, piemin vairāk nekā simtu — «... un sagraba tos pašus *vecākos*, kas bija nonākuši no pils, un nokāva *simtu un vairāk* no viņiem...» («et rapientes *seniores* eosdem, qui de castro descenderant, occidunt ex eis *centum et plures*», Heinrici Chr. Liv XXIII, 8). Daži no vecāko vidus ar savu bagātību un politisko svaru bija izvirzījušies par cilšu novadu valdniekiem — līdzīgi leišu kunīgiem (kunigas) vai krievu kņaziem. Iespējams, ka viņi saukušies par kungiem (kunigas nozīmē). Indriķa hronikā pieminēti daži izcili vecākie: «... *Viesturs*, citu

¹ Literatūra (plašāk par ekonomiskiem un vispārējiem vēstures jautājumiem):

- 1) *J. Zutis*, Latvijas aizvēstures problēmas. LVI, Rīgā, 1948. g.
- 2) *J. Zutis*, Agrie viduslaiki Latvijā, LVI, 1948. g.
- 3) *Latvijas PSR vēsture*, I sēj. No vissenākiem laikiem līdz 1860. gadam, Latv. PSR Zin. Akad., Rīgā, 1953. g., I—II nod.
- 4) *H. Moora*, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feudālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Red. E. Šnore. LVI, Rīgā, 1952. g.
- 5) *T. Zeids*, Feudālisms Livonijā, LVI, Rīgā, 1951. g., 38.—61. lpp.
- 6) *Latvijas PSR vēsture*. Saisināts kurss. Akad. K. *Strazdiņa* redakcijā. Latv. PSR Zin. Akad. izd. Rīgā, 1956. g., I un II nod.

zemaļu *vecākais* no kaimiņu novada, ko sauca par Tērveti.» («*Vesthardus senior* aliorum Semigallorum de vicina provincia», Heinrici Chr. Liv. XXIII, 4). Viņam piederēja Tērvetes pils. Savas pils un valdnieku pazīmes bija arī citu cilšu novadu vecākajiem: «... letgaļu *vecākie*, *Rūsiņš* no Sateklas pils, *Varidots* no Autinas, *Tālvāldis* no Beverinas.» («... *seniores* Leththorum, *Russinus* de castro Sotecele, *Waridote* de Autine, *Talibaldus* de Beverin», Heinrici Chr. Liv. XII, 6). Arī lībiešiem minēti tādi paši izcili vecākie ar pilīm: «Bet lībieši, kas bija *Dabreļa pili* otrpus Gaujas, redzēja dūmus un uguni paceļamies un *Kaupo pili* degam» («*Videntes autem Lyvones, qui erant ex alie parte Coiwe in castro Dabrelis, fumum et ignem ascendentem et castrum ardere Cauponis*», Heinrici Chr. Liv. X, 10). Par Kaupo mantisko turību, ko izposta karā, raksta chronists: «Viņi bija nopostījuši ar uguni *visu tā mantu, laukus novākuši, bišu kokus salauzuši*» («*bona eiusdem omnia incendio vastaverant, agros abstulerant, arbores apum confregerant*», Heinrici Chr. Liv. X, 13).

2. **L a b i e š i** (jeb bajāri — sevišķi austrumu novados) — bagāti, aristokrātiski ļaudis. Chronikas šo vārdu tulko — *meliores viri, gude lude, die besten lude*; krieviem — *люди добрые*. *Labs, labums* — nozīmēja mantu, bagātību (leišiem — labas, kriev. — благо, vāc. — das Gut). «Visu tavu *labumu* (mantu) pūķi bija saņēmuši» LP VI, 101; «redz, kur nu *mans labums* aprīts», LP IV, 7; J. Endzelīns vārdu «labība» ved sakarā ar «labums» (Mūlenbacha-Endzelina vārdn.). Nav šaubu, ka labība senatnē bija viens no galvenajiem labumiem (mantām). Labieši bija seno latviešu turīgā aristokrātija. «Labi bija labiešiem, lab' tecēja kumeliņš, grožus vien kustināja, kamanās sēdēdams» LD 29819; «Kā tam labi netecēs, auziņām nobarots» LD 29820, 2; sevišķi spilgti bagātība un greznums tēlots tautas dziesmās, runājot par *bajāriem* (šeit krievu vārds «бояр» lietots labieša nozīmē). «Bajārami treji vārti, visi treji sudraboti» (LD 31179); «pilna klēts miežu, rudzu» (LD 31246); «sirmi zirgi, kalti rati» (LD 15172); «mauj gotiņas, brēc aitiņas, zvaigā bērī kumeliņi» (LD 29383); «žēl bij mirti bajāram, paliek mantas pakaļā» (LD 27818). Nabagiem ļaudīm vairs neklājās ieprecēties turīgos, lieļigos bajāros: «kam precēju līgaviņu lielajos bajāros, nāks bajāru lielī radi, maz manā rociņā» (LD 22226). Indriķa chronikā teikts: «... nokāva ... trīs simti labiešu» («*occiderunt ... trescentos ex melioribus viris*», Heinrici Chr. Livon. XII, 6). Domājams, ka labieši ar saviem karadraudgiem sastādīja samērā lielas karadraudzes.

3. **S a i m n i e k i** — (termins avotos nav minēts) patriarhālo ģimeņu (saimju) galvas, kam piederēja sēta ar visu iedzīvi. (S a i m e — kr. семья, съминь, leišiem radniecīgi vārdi —

šaimyna, seimins. Indriķa chronikā — *familia*, vācu avotos — Gesinde.) Saime bija daļēji asinsradnieku un daļēji ģimenē iekļautu svešnieku saimnieciska vienība (lielģimene)². Tā bija no teritorialās (kaimiņu) kopienas atdalījusies atsevišķa saimniecība. Tur strādāja kopīgi brīvie saimes locekļi ar nebrīvajiem vergiem, kalpiem, bandiniekiem u. c. Atskaņu chronika raksta, kā zemgaļi zaudējuši saimes:

«Un lielo postu redzēja,
ka savas saimes zaudējuši».
(Atsk. chr. 11320—11321).

«Und in der schade wart bekant,
daz in gesinde was verloren».
(Liv. Reimchr. 11324—11325).

Indriķa chronikā teikts «*zemnieku saimes*» («*familia rustica*»); «*pamestas saimes*» («*familia deserta*»).

Patriarchalo saimju galvas (saimnieki) bija saglabājuši savu brīvību un baudīja arī politiskās tiesības (piedalījās tautas sapulcēs un karos kopā ar labieša karadraudzi). Chronika raksta, ka aizejot karā «*viņi atstāja savus arkļus*» («*relinquentes aratra sua...*», Heinrici Chr. Liv. XXIII, 5).

Latviešu tautas dziesmās saimniekam kā saimes galvai ir tēlots augstāks sabiedriskais stāvoklis. «Ne kalpam tur sēdēt, kur sēdēja *saiminieks*» (Latv. t. dz. I sēj., 259). Patriarchalam saimniekam piederēja visa saimes manta un disciplinārā vara par saimes locekļiem. «Kalpiņam grūta dzīve: auzu putra, pelavmaize, *saiminieka pātadziņa*» (Latv. t. dz., I sēj., 265).

Ekspluatējamā šķira

1. *Smerdi* (smirdi) — *bijušie kopienas ļaudis*, kas nonākuši feodalā atkarībā no bagātiem, turīgiem zemes īpašniekiem. Cik vērojams, smerdi bija vairāk sastopami Latvijas teritorijas austrumu novados. Viņu jēdziens sakrita ar krievu dzimcilvēku — смерд jēdzienu senā Krievzemē (бывшие свободные общинники). Smerdam varēja palikt sava maza sēta, sava druva, savs zirgs. Senos tekstos: «*smirde vyrs* — colonus» (Dict. Polono-Latino-Lotavicum. Wilno 1683, 34. lpp.) — kolons kā agrā feodalisma dzimcilvēks. Arī latviešu tautas dziesmās ir norādījums uz smirdiem (LD 21331).

2. *Kalpi* — senās Latvijas teritorijā sākumā *verģi*, bet attīstoties agrinam feodalismam, pārvērtās par *dzimtcilvēkiem*. (Attīstības analogija ar krievu «холод» jēdzienu Senā Krievzemē — sākumā vergs, bet vēlāk dzimtcilvēks.) Latviešu tautas dzies-

² F. Engelss, Ģimenes, privatīpašuma un valsts izcelšanās (K. Markss, F. Engelss, Darbu izlase II sēj., Rīgā, 1950.), 202. lpp.: «... Zināma skaita brīvu un nebrīvu personu organizēšana ģimenē, kas pakļautas ģimenes galvas — tēva varai... šās ģimenes formas pabeigtais tips ir romiešu ģimene.»

mās vēl saglabājušies izteicieni: «Kalpam verga dzīvošana» (LD 9223, 2); «Tēvu dēli kalpos gāja» (LD 31137); «I kalpiņš tēva dēls, tikai nava tēvu zemes» (LD 11767).

Biežie sirojumu kari deva kara gūstekņus. Tos vairs nenogalināja, bet veda līdzī, lai saimnieciski kalpinātu — «sagūstītus aizveda uz savu zemi» («captos ir terram suam deduxerunt», Heinrichs Chr. Liv. XIII, 4). Ņēma līdzī arī bērņus kā kara laupījumu — «vīrus, sievas, meitenes» (Atsk. chr. 7286); («man, wib und kindere», Liv. Reimchr. 7381). Sagūstītie bērņi izauga bez tēva un mātes. Tos neatzina par tēva dēliem un mātes meitām. Radās uzskati, ka nevar notikt precības starp kalpa puisī un mātes meitu. Palielinājās mantas un kārtas nevienlīdzība: «Kājām spēru kalpa puisī no tētiņa nama duru»; «Kauns manam tētiņam kalpa puisī znotu saukt» (LD 15140).

Feodalai ekspluatācijai attīstoties, kalpam maz atlika laika apstrādāt savu zemes gabaliņu — «Sēti mieži, necēti, kalpa puisī tīrumā» (LD 4935). Viņš saņēma par kalpošanu kā atlīdzību arī graudus — «Kas dos kalpam pūriņa tiesu: pušpūre, dvālektis, tā kalpa tiesa» (LD 25774, 3).

3. **B a n d i n i e k i** — no zemes īpašnieka (saimnieka) *feodalī atkarīgi ļaudis*, kas par savu darbu saņēma labību un iesēja saimnieka ierādītā zemē (*bandas zemē*). Leišiem — «banda», «bandininkas» — *служитель деревенский*, получающий жалование присевом («присевок»), baltkrieviem — «бонда», «выслуженная бонда»; Mūlenbacha-Endzelīna vārdnīcā pie vārda «banda» ir norādījums uz zemes lietošanu — «Zum Nutzen» un arī sakarību ar raglopiem, «Rindvieh». Iespējams, ka «bandas» filoloģiskā sakarība ar raglopu jēdzienu norāda arī uz saimnieka lopu nodošanu bandinieka lietošanā (it sevišķi raglopu). XII gs. Latvijas iedzīvotājiem bija plaši izplatīti liellopi (raglopi). Liekas, ka banda ir viens no pirmajiem *feodalās atkarības* institūtiem agrā feodalisma apstākļos, un tā saknes meklējamas tālu seno Latvijas iedzīvotāju vēsturē. Ar to daudzi brīvie kopienas ļaudis nonāca saimnieciskā atkarībā no turīgiem. Tautas dziesmas runā, ka bandinieks sēj saimnieka līdumā, tīrumā, lauciņā. «Trīs gadiņi līnus sēja savā *bandas zemītē*» (LD 7788); «Sēti līni, necēti *bandinieka līdumā*» (LD 16766); «Es dabūju gredzentiņu *bandinieka tīrumā*» (LD 6240). Sēklas daudzumu bandiniekam izsniedza ar mēru — «Es puisīem *bandu devu* ar siekiem mēridama» (LD 31108). Feodalās atkarības attiecībām tālāk attīstoties, bandiniekam bija arī savs zirgs. «Es mācētu daiļi braukt *bandinieka kumeliņu*» (LD 9637).

«Banda» kā feodalās atkarības forma saglabājusies pat līdz XIX gadsimtam.

4. Sērdieņi — smagā feodālā atkarībā nokļuvuši dzimcilvēki (aiz dažādiem cēloņiem). Viņus kalpināja kā dzīves pamestus bāreņus. Latvijas teritorijā sērdieņu jēdziens, liekas, aizgūts no krievu — сироты. Tas bija feudāli ekspluatēti zemnieku vispārējs apzīmējums, sevišķi Vladimīras kņazistē XII un XIII gs. Sērdieņus piemin arī latviešu tautas dziesmas: «dievs bij man novēlējis sērdienim vien dzīvot» (LD 3973).

5. Vārgi — *vergi*, par sodu izstumti no sabiedrības. Tie klīda apkārt un vārga, kamēr tos svešā novadā pieņēma kā vergus darbā. Šis institūts pazīstams skandinaviem. Vārds «vārgs» radniecīgs arī krievu — вояр, serbu — вряг (Mūlenbacha-Endzelīna vārdn.). Latviešu tautas dziesmās: «Projām iešu, nedzīvošu šinī vārgu zemītē» (LD 26335, 5); «Gāju kalpu, gāju vārgu» (LD 31075, 1) — šeit redzams, ka vārgs nostādīts blakus kalpam. Uz vārga dzīves veida raksturu norāda tautas dziesma: «Vārgot mun kā vārgam, ka nava labu ļaužu. Kad tos vārgus izvārgoju, tad panācu labus ļaudis» (LD 9277).

6. Dreļļi — vergi (verdzības avoti — kara gūsts, parāds, sods). Latvijas teritorijā minēti galvenokārt rietumu novados³ (Kursā u. c.). Vārds radniecīgs ar zviedru «träl», lejas vācu «drelle», tulkots latiniski — servus proprius (īsts vergs). Dreļļus uzskatīja kā lietas, tie nevarēja iegūt ne mantu, ne precēties. Livonijas 1323. g. miera līgumā ar Lietuvas karali Ģediminu teikts, ka aizbēgušie dreļļi jāizdod uz pirmo pieprasījumu.

Jāsecina, ka XIII gs. sākumā Latvijas teritorijā bija gan vēl sastopamas pirmatnējās kopienas sabiedrības paliekas (ļaudis), bet līdzās tām bija izveidojusies ekspluatatoru šķira: vecākie, labieši, saimnieki, kas raksturojami galvenokārt kā feudāli, un ekspluatējamā šķira: smerdi, kalpi, bandinieki, sērdieņi — kā feudāli atkarīgie, un vārgi, dreļļi — kā vergi.

II. AGRINO VALSTISKO VEIDOJUMU IZCELSANĀS LATVIJAS TERITORIJĀ

Latvijas teritorijā no XI līdz XIII gs. sākumam noformējās agrinā feodalisma sabiedrība ar patriarhalās verdzības elementiem un pirmatnējās kopienas iekārtas paliekām.

Rodoties un pieaugot nesamierināmām šķiru pretrunām, turīgie iedzīvotāju virsslāņi (vecākie, labieši u. c.) sāka radīt kaut ko līdzīgu valsts aparatam, lai nosargātu sakrātās bagātības un turētu paklausībā atkarīgās iedzīvotāju masas.

³ Sal. — Sāga par vikinga Skallagrimsone sirojumu Kursā (Senās Latvijas vēstures avoti I Nr. 10).

«Valsts rodas tur, tad un tiktāl, kur, kad un ciktāl šķiru pret-runas objektivi *nevar* tikt samierinātas». ⁴

Minētajā laika posmā vērojama sabiedrības virsslāņu grupēšanās ap izcilākiem vecākiem (karavadoņiem), kuriem bija lielākas karadraudzes. Tie sāka organizēt teritorialas padomes un sasaukt tautas sapulces. Sabiedrība, kas nonākusi *militārās demokrātijas stadijā* ⁵, sāka spert pirmos soļus uz valstisko organizāciju. *Visagrāk valstiskie veidojumi* parādījās Austrumu Latvijas teritorijā, it sevišķi pie latgaļiem (Senās Krievu valsts parauga ietekmē). Rietumu Latvijas novadi (kuršu, zemgaļu zemes) valsts attīstības ziņā vairāk atpalika.

Agrīnie valstiskie veidojumi Latvijas teritorijā nepaguva attīstīties par valstīm vārda pilnā nozīmē, nerunājot jau par to, ka tie nepaspēja arī savā starpā apvienoties vienā kopīgā valstī. Šo procesu pārtrauca vācu agresija Baltijā.

Krievu feodālās kņazistes kā meslu ievācējas Austrumu Latvijas novados

Latgaļu, lībju un sēļu zemes atradās tuvāk feodalajām krievu kņazistēm (Polockai, Novgorodai, Pleskavai). Tur jau sen pirms vācu ienākšanas Baltijā bija vērojama liela krievu ekonomiska un politiska ietekme. Gadu simteņus šie Austrumu Latvijas novadi maksāja *meslus* (дань) krievu kņazistēm. Šī meslu pakļautība reizēm izplatījās arī tālāk pārējos Latvijas novados. «А се суть инии языце, иже дань дают Руси: Чудь — — — Литъва, Зимъгола, Кърсь, Норома, Либъ». ⁶ Meslus ievāca Latvijas novados, tāpat kā krievu kņazistēs, īpašās pārvaldes vietās — *pagastos* (погост).

Pagastus nodibināja Ķījevas valstī kņaziene Olga — «устави по мьсть погости и дани» ⁷. Kamēr vēl nebija radīti pagasti, kņazs ar družinu arbraukāja ļaudis, ievācot meslus (полюдь — paļaude, ļaudis braukšana). Pagasti kļuva par finansu-administratīviem centriem. ⁸ Tur vietvaldnieki uzglabāja ievāktos meslus, «Погость — это усадьба, станъ, мьсто остановки князей во время объьзда земель» («Pagasts — mājas, pometne, kņazu

⁴ V. I. Ļeņins, Valsts un revolūcija, Raksti, 25. sēj., 354. lpp.

⁵ F. Engelss, Ģimenes, privātpašuma un valsts izcelšanās (K. Markss, F. Engelss, Darbu izlase, II sēj., Rīgā, 1950.), 293. lpp.: «Karavadonis, padome, tautas sapulce tagad veido militārās demokrātijas organus, kura attīstās no ģints iekārtas.»

⁶ Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 8.

⁷ Полное собрание русских летописей, т. I, вып. I, стр. 24.

⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. ч. I. Изд. Акад. Наук СССР, Москва, 1953 г., стр. 65.

apstāšanās vieta zemes apbraukāšanas laikā). Vārds «погост» atvasināts no vārda «гость» (viesis). Kņazu vai viņa vietnieku uzskatīja kā viesi, kad viņš ieradās pagastā (meslu ievākšanas vietā). Iekarotās zemēs kņazi ierīkoja vietējos centros pagastus un ievāca meslus. «И повоевавши много погостов и много добышь» («un iekaroja daudz pagastu un daudz mantu ieguvumu»). Meslu ievākšanas tiesība pagastos ar laiku pārvērtās par pakļauto zemju feodalām maksām un nodevām. Dažreiz kņazi ar īpašu rakstu atbrīvoja vasaļus no pagasta pienākumiem. «Даль есть имъ грамоту по старымъ грамотам: погоста имъ не платити ни черной боръ имъ не тянуги» («Esmu viņiem pēc vecām grāmatām devis šādu grāmatu: tiem nebūs maksāt ne pagastu, ne dot nodevu»). Par pagastu sāka saukt arī teritoriju, lauku iedzīvotāju pārvaldes iecirkni līdz ar ciemiem un zemniekiem. Izteiciens «Кто коупьць пойдеть въ свое сто, а смердь пойдеть въ свои погость» («tirgotājam jāiet uz savu simtu, bet smerdam jāiet uz savu pagastu»).

Pēc Kijevas valsts feodalā sairuma atsevišķās kņazistēs (XII gs. beigās un XIII gs. sākumā) Austrumu Latvijas novados meslu vākšanu turpināja Polockas, Novgorodas un Pleskavas kņazistes. Tirdzniecības ceļi pa Daugavu un tās pietekām nodrēja sakariem un izejai uz jūru. Tuvāko Latvijas novadu iedzīvotāji — latgaļi, libji un sēļi bija nokļuvuši meslu pakļautībā krievu zemēm, Indriķa chronika 1208. g. atzīmē: «... latgaļus un, protams, sēļus, kas bij kņaza meslinieki» («... Letigallos videlicet et Selones, qui regis erant tributarii» — Heinrici Chr. Liv. XII, 1). Ar šai vietā minēto kņazu (rex) chronists saprot Polockas kņazu Vladimiru. Tālavas novadā meslus vāca Pleskavas kņazi. Tā, 1216. gadā pēc Indriķa Chronikas vārdiem: «Krievi nāca arī parastā kārtā Tālavas latgaļu zemē ievākt *savus meslus*» («Venerunt etiam Rutheni solito more in terram Lettorum de Tholowa pro *censu suo* colligendo»; Heinrici Chr. Liv. XX, 5). Meslu ievākšana Tālavas novadā pieminēta vairākkārt — 1224., 1228., 1268. gadā. Meslu apzīmēšanai Indriķa chronika lieto vārdus: «tributum» (nodeva, mesli) un «census» (novērtēts nodoklis, mesli). Abi šie vārdi atbilst krievu «дань» jēdzienam. Latviešu vārds «mesli» atvasināts no «mest» — visi pagasta ļaudis sameta kopā nodevām paredzētās mantas.

XIII gs. krievi ievāca meslus Latvijas novados ne tikai graudā, bet arī naudā. Tā Indriķa chronika par libiešu novadu raksta: «Jo krievu kņazam bija *paraša* iekarot kādu cilti... pakļaut sev, lai iegūtu *meslus un naudā*» («Est enim *consuetudo* regum Ruthenorum, ut quamcunque gentem expugnaverint... ad solvendum sibi *tributum et pecuniam subiugare*», Heinrici

Chr. Liv. XVI, 2). Vēl vācu iebrukuma laikā krievu kņazistes cīņijās par mesliem Baltijā un negribēja zaudēt savu senseno tiesību. Pleskavas chronika raksta par notikumiem Alūksnē 1285. gadā: «6792. gada 2. janvarī vācieši nosita 40 Pleskavas meslotājus Alūksnē» («Въ льто 6792, генваря 2, избиша Нъмци Псковскыхъ данщиков, 40 мужь, у Вольсту»)⁹. Domājams, ka Alūksne bija sensenais vietējais centrs, kur krievi bija ierīkojuši pagastu.

Meslu vākšanai kādā novadā bija ne tikai ekonomiska nozīme, tā nozīmēja arī politisko zemes pakļautību — sava veida *vasalitati*. Kijevas valsts no IX līdz XI gs. raksturīga kā daudzu kņazistu komplekss, kuras saistīja ar Kijevas kņazisti tikai *meslu* pakļautība tai (уплата дань)¹⁰. Vēlāk (XI gs.) izveidojās *militarais pienākums* — sadarboties dražinām. Kijevas valstī meslu vākšanas centri — *pagasti* bija tanī pašā laikā arī pārvaldes centri, kur novietojās no kņaza galma sūtītie *vietvalži* (*волостелу*). Tie atalgojumu no kņaza galma nesaņēma, bet tos uzturēt bija uzdots vietējiem iedzīvotājiem, kurus tie pārvaldīja. Šo pārvaldes formu sauca par iztikas sistemu (система кормления). Vietvaldnieku pienākums bija kārtot saimnieciskas lietas (ievākt meslus, pārzināt kņaza muižu saimniecību utt.) un politiskās lietas (realizēt kņaza varu uz vietām, spriest tiesu utt.). Citiem vārdiem, minētie vietvaldnieki bija krievu *kņaza varas pārstāvji pakļauto zemju centros* (pagastos). Kijevas valstī daudzas dalieni kņazistes dabūja imunitates rakstu (рпаторы) no Kijevas kņaza, kurā tas atteicās no tiesībām sūtīt uz dalienas kņazisti savus vietvaldniekus. Plaša imunitatu piešķiršana veicināja Kijevas valsts decentralizāciju un arī tās feodālo sairumu. Arī Austrumu Latvijas teritorijā krievu meslu pakļautība izpaudās gan kņaza vietvaldnieku atsūtīšanā, gan vietējo novadu valdnieku (vecāko) iekļaušanā vasaļattiecībās. Lai nodrošinātu tirdzniecības ceļus Daugavas lejtecē, krievi palīdzēja vietējiem iedzīvotājiem celt pilis un nocietinātas vietas (Jersika, Koknese bija Polockas kņazistes atbalsta punkti).

Jersikas un Kokneses novādi kā Polockas kņazistes agrinās vasaļvalstis (XII un XIII gs. sāk.)

Visattīstītākie Austrumu Latvijas teritorijā bija Jersikas un Kokneses valstiskie veidojumi (Heinrici Chr. Liv. XIII, 4 et X, 3).

⁹ Полное собрание русских летописей, т. V, стр. 10.

¹⁰ С. В. Юшков, История госуд. и права СССР, ч. I, Москва, 1950, стр. 76.

Pēc iedzīvotāju sastāva tās bija latgaļu (pirmnozīmē — latviešu) valstiskas organizācijas, kaut gan daži valdnieki bija krievu kņazu atsūtīti vietvalži (волостели) — meslu ievācēji, nocietinājumu ierīkotāji. Līdz ar viņiem ieradās pareizticīgie garīdznieki, kas kristīja vietējos iedzīvotājus. Par to liecina dažas uzceltās pareizticīgo baznīcas (Indr. chr. XIII, 4). Jersikas un Kokneses valstiskie veidojumi attīstījās krievu kņazistu valstiskuma (государственность) parauga ietekmē. No otras puses, tie saglabāja arī vietējo veidojumu īpatnības (vecāko padomes, tautas sapulces u. c.). Krievi Latvijas novados sargāja tikai savus tirdzniecības ceļus un samierinājās ar parasto meslu (дань) ievākšanu. Šī pakļautība bija tāda pati kā pašā Krievzemē dalienu kņaziem pret lielkņazu (sākotnējas vasalitates attiecības). Krievzeme XII un XIII gs. saīra feodalās kņazistēs, kas norobežojās pašas par sevi. Austrumu Latvijas novadi, kas bija krievu kņazistu meslu atkarībā, varēja netraucēti attīstīt savu valstisko dzīvi. Vācu agresijas draudi Baltijā zināmā mērā pat veicināja vietējo tautību orientāciju uz sadarbību ar krievu kņazistēm. Nekur chronikas neatzīmē Baltijas zemēs nemierus vai protestus pret krievu virsvaru. No sacītā izriet, ka Jersikas un Kokneses valstiskie veidojumi bija gan krievu kņazistu ietekmēti, bet savā iekšējā būtībā tie bija vietējo ekonomisko un šķirisko spēku darināti. Jersikas un Kokneses zemes jāuzskata kā Polockas kņazistes vasalvalstis. Domājams, ka šī vasalitate dažos laika posmos bija pavisam vāja, iespējams, ka reizēm pat pārtrūka.

Jersikas un Kokneses zemju valstiskā organizācija

1. Polockas lielkņazs (rex, rex magnus)¹¹ ir jāuzskata kā Jersikas un Kokneses zemju *virsvaldnieks*, feodalais senjors. Viņa juridiskā virsvara izpaudās pār latgaļu, lībju un sēļu novadiem gar Daugavas un tās pieteku tirdzniecības ceļiem. Ar Polockas virsvaras tiesībām Austrumu Latvijas novados bija jāreķinās arī vācu iekarotājiem. Romas pāvests Klements III, kas palīdzēja organizēt vācu tirgotāju agresiju Baltijā, apstiprinot garīdznieka Meinarda iecelšanu par bīskapu Ikšķilē 1188. gadā, raksta, ka šī bīskapija atrodas Krievijā («in Ruthe-

¹¹ Indriķa chronika (XI, 2) Polockas kņazu nosauc par «rex» — kņazs. (Vienā vietā XI, 9: «rex magnus» — lielkņazs.) Pleskavas kņazs apzīmēts par «rex magnus» — lielkņazs (XX, 3). Tani laikā vēl pašas krievu kņazistes nelietoja vārdu «великий князь». Kijevas valsts centrālā kņaza oficiālais tituls bija «князь», bet pēc savas nozīmes tas bija lielkņazs.

nia») ¹². Arī Atskaņu chronika šo Polockas kņazistes virsvaru nepārprotami pasvitro:

«Jo sēļu, lībju, latvju gals
bij krievu zemes apgabals».
(Atsk. chr. 645—646).

«Selhen, Liven, Letten lant,
waren in der Ruzen hant».
(Reimchr. 645—646).

Vēl 1210. g. Polockas lielkņazs prasīja, lai Daugavas novada lībieši, vai viņu vietā Rīgas bīskaps maksātu ik gadus pienācīgus meslus. Šo viņa tiesību atzina Rīgas vācu varas vīri, slēdzot miera līgumu: «un tika noslēgts tad pirmoreiz pastāvīgs miers starp lielkņazu un rīdzeniekiem, tomēr tā, lai lībieši piegādātu lielkņazam pienācīgos meslus ik gadus, vai arī bīskaps viņu vietā» («et facta est pax perpetua tunc primo inter regem et Rīgenses, ita tamen, ut Lyvones debitum tributum regi persolvant annuatim vel episcopus pro eis». — Heinrici Chr. Liv. XIV, 9). Polockas lielkņaza virsvara pār Austrumu Latvijas novadiem izbeidzās tikai 1212. gadā, kad Polockas lielkņazs uzaicināja Rīgas bīskapu ierasties Jersikā, lai tas atbildētu par lībiešu mesliem. Indriķa chronika raksta: «Bet lielkņazs, kas izturējās pret bīskapu vai nu ar glaimiem, vai ar rupjiem draudiem, prasīja pārtraukt lībiešu kristīšanu un apgalvoja, ka viņa varā esot savus vergus lībiešus kristīt vai atstāt nekristītus» («Rex vero modo blandiciis, modo minarum asperitatibus episcopum conveniens, ut Lyvonum baptismate cessaret rogavit, affirmans in sua esse potestate servos suos Lyvones vel baptizare vel non baptizatos relinquere», Heinrici Chr. Liv. XVI, 2). Tomēr Polockas lielkņazs beidzot līgumā atteicās no savām virsvaras tiesībām pār lībjiem un latgaļiem, «lai ceļš pa Daugavu tirgotājiem tiktu uzturēts vienmēr brīvs» («et via mercatoribus in Duna semper libera prestaretur», Heinrici Chr. Liv. XVI, 2). Krievu meslu ievākšanas tiesība Latvijas novados nozīmēja šo zemju feudālo atkarību — *vasalitati*. Arī Kijevas valsts pirmajos gadsimtos daļienu kņazu attiecības ar centru pastāvēja tikai meslu atkarībā. Šo īpatnējo vasalitates veidu Kijevas valstī ir raksturojis K. Markss: «Vasaļa atkarība bez lēņiem vai lēņi, kas pastāv tikai meslu maksāšanā» ¹³. Jāsecina, ka arī Jersikas un Kokneses zemes bija pakļautas Polockas kņazistei ar šāda veida vasalitates attiecībām (meslu atkarības vasalitate).

Līdzās meslu atkarībai drīz attīstījās arī otra vasalitates pazīme — *karadraudžu sadarbība*. Kijevas valstī, sākot ar XI gs., izveidojās daļienu kņazu dražinu kopīgs sapulcēšanās pienākums

¹² Senās Latvijas vēstures avoti, I, Nr. 24.

¹³ К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII века (citāta tulkojums pēc PSRS vēstures I, Rīgā, 1949., 81. lpp.).

kara gadījumā (феодалное ополчение)¹⁴. Arī Latvijas teritorijā XIII gs. vietējās karadraudzes sadarbojās ar krievu dražinām cīņā pret vācu iebrucējiem. Kad Jersikas pilī 1209. g. iebruka zobenbrāļi, pie pils vārtiem bija neliela krievu dražina: «Bet kad krievi redzēja karaspēku no tālienes nākam, viņi sakrēja pretim pie pils vārtiem» («Rutheni vero videntes exercitum a longe venientem, ad portam civitatis occurrunt», Heinrici Chr. Liv. XIII, 4). Te jāņem vērā, ka Polockas kņaziste tanī laikā bija vāja (feodalā sairuma periods). To apdraudēja arī leišu uzbrukumi. Polockas kņaziste pati drīz nonāca Smoļenskas kņazistes atkarībā. Tāpēc lielu militaru palīdzību toreiz tā nespēja sniegt savām vasaļzemēm Latvijas novados.

Spilgts piemērs militārai karadraudžu sadarbībai bija turaidiešu atsaucība uz krievu kņaza aicinājumu; Indriķa chronika raksta: «Un kņazs sūtīja sūtņus pie turaidiešiem un latgaļiem un pagāņiem apkārtņē, lai visi nākot pret rīdziniekiem kara gājienu. Par to priecādamies, turaidieši tūlit sanāca pie kņaza» («Misit itaque rex nuncios Thoredensibus et Lethis et paganis in circuitu, ut omnes contra Rigenses venirent in expeditionem. Unde gavisi Thoredenses statim conveniunt ad regem», Heinrici Chr. Liv. X, 12). Jāsecina, ka Austrumu Latvijas novados, līdzās meslu pakļautībai, krieviem sāka attīstīties arī karadraudžu sadarbība ar tiem.

Tādējādi Jersikas un Kokneses novadi bija vismaz kādu laiku Polockas kņazistes agrīnas vasaļvalstis. Iespējams, ka Koknese bija savukārt pakļauta Jersikai. Šo agrīno valstisko veidojumu uzbūve, domājams, bija līdzīga krievu kņazistēm, bet tanī pašā laikā tā saglabāja arī savus vietējos valstiskos elementus (valstiski izveidotus militārās demokrātijas organus — valdnieks, vecāko padome, tautas sapulce).

2. Jersikas un Kokneses valdnieki (valdis, vietvaldis — волостель). Pēc sava juridiskā jēdziena tie bija līdzīgi krievu kņaziem (reizēm viņu vietnieki). Indriķa chronika nosauc Jersikas valdnieku Visvaldi par — rex (kņazs), bet Kokneses valdnieku Vesceku par — *regulus* (neliels valdnieks, mazs kņazs). («Erat namque rex Vissewalde de Gercike christiani nominis et maxime Latinorum semper inimicus», Heinrici Chr. Liv. XIII, 4). «Jo Jersikas kņazs Visvaldis bija vienmēr kristīgā vārda un visvairāk latīņu ienaidnieks». Indriķa chronika kādā vietā lieto vienādu apzīmējumu «rex» (kņazs) Polockas kņazam un Jersikas valdniekam. Kokneses valdnieks nosaukts divējādi: pirmkārt, par «regulus» — mazais kņazs («*Regulus autem pre-*

¹⁴ С. В. Юшков, История государства и права СССР, ч. I, Москва, 1950, стр. 105.

dictus reversus in Kukennoys», Heinr. Chr. Liv. XI, 9; «Kad iepriekšminētais mazais kņazs bija atgriezies Kokesnē», un, otrkārt, par rex — kņazu («... rex Vesceka de Kukenois, Heinr. Chr. Liv. XI, 2); «Kokesnes kņazs Vesceka». Indriķa chronika lieto titulu «mazais kņazs» (regulus) kā pretstatu Polockas «lielkņazam» (rex magnus, Heinr. Chr. Liv. XI, 9). Pēc šīs chronikas ziņām XIII gs. sākumā Kokesnē valdījis krievu valdnieks (Vesceka, Вячко). Jāsecina, ka tas būs bijis Polockas lielkņaza vietvaldis (волостель). Domājams, tāpēc arī Vjačko titulēts par mazo kņazu (regulus). Feodālos apstākļos tāds vietvaldis varēja viegli pārvērsties par parastu vasali. Turpretim Jersikā Indriķa chronika tanī laikā min valdnieku ar latvisku vārdu — Visvaldi (Vissewalde — XIII, 4). Pēc toreizējiem apstākļiem spriežot, tas varēja būt izcils vietējais karavadonis, vecākais, kas pēc savas nozīmes kļuvis līdzīgs krievu kņazam. Apskatāmā periodā Visvaldis ir krieviem draudzīgs vasalis. Domājams, viņam bija jāizpilda visi vietvalža pienākumi tāpat kā krievu vietvaldim Vjačko Kokesnē. Varēja būt arī laika posmi, kad Visvalža feodālā atkarība no Polockas kņaza uz laiku pārtrūka (vismaz kļuva tikai formāla). Tanīs posmos Visvaldis raksturojams kā patstāvīgs valdnieks (valdis).

Rodas jautājums — kā saukušies vietējie Austrumlatvijas teritorijas valdnieki? Nav norādījumu, ka būtu lietots krievu vārds kņazs. Iespējams, ka bijis kaut kāds atvasinājums no «valdīt» (radniecīgs krievu — владеть, волостель, властитель), varbūt — «valdis».

Zīmīgi, ka tanī laikā ievērojamāko Austrumlatvijas valdnieku vārdi beidzās ar galotni — «valdis». («Vissewalde — XIII, 4; Talibaldus — XII, 6). Domājams, ka «valdis» ir ieviesies latviešu valodā no krievu «волостель» (vietvaldis, pārvaldnieks: J. Langija vārdnīcā 1685. g. teikts: «Walditais» (Waldneeks) ein Regierer, Herrscher, Regent. Gebieter, Commendant. Waldigs, mächtig. Wisso Waldigs, allmächtig, allgewaltig... Walda (Walsta) ein Amt oder Gebiet. Arī latv. t. dz.: «deviņ' valstes puiši nāca». LD 5854, 3.

Jāsecina, ka Austrumu Latvijas novados krievu kņazu vietvalži (волостели) bija gan krievi, gan arī vietējie karavadoņi un vecākie (Jersikas Visvaldis).

Arī jautājums par Jersikas un Kokesnes valdnieku kompetenci ir atrisināms, vadoties no krievu vietvalžu (волостель) varas funkcijām. Kijevas valstī tie bija kņaza varas pārstāvji uz vietām. Savā novadā viņi rikojās kā paši kņazi (ievāca meslus, sprieda tiesu, komandēja savu družinu utt.). Attīstoties feodālām attiecībām, šie vietvalži pārvērtās par vasaliem un ieguva lielāku

patstāvību (sevišķi feodalā sairuma laikmetā). Reizēm vietvalži pārvērtās pat par patstāvīgiem kņaziem. Viņu valsts amats kļuva mantojams. Liekas, ka arī Jersikas un Kokneses valdnieku varas funkciju attīstība ir izveidojusies līdzīgi. Norādījums uz varas mantošanu ir saskatāms arī Indriķa chronikā, kur Visvaldis, redzot, ka zobenbrāļi izposta viņa pili, izsaucas: «Ak Jersika, mīļā pilsēta! Ak manu tēvu mantojums! Ak, manas tautas negaidītā izpostīšana! Bēdas man! Vai tam esmu dzimis, lai redzētu manas pilsētas degšanu, manas tautas iznīcināšanu!» («O Gercike civitas dilecta! O hereditas patrum meorum! O opinatum excidium gentis mee! ve mihi! ut quid natus sum videre incendium civitatis mee, videre contritionem populi mei!», Heinrici Chr. Liv. XIII, 4). Šī chronikas vieta liecina, ka Jersikas valdnieks Visvaldis ir mantojis savu pili un savus ļaudis no tēvu tēviem.

K a r a d r a u d z e s (kr. — дружина, другъ, дружинникъ) — bija valdnieka militari valstiskais spēks. Terminoloģija norāda, ka karadraudzes attīstību bija ietekmējis krievu paraugs. Karadraugi stājās zem karoga (хоругвь) un devās uz zemes robežām (рубежь). Zīmīgi, ka kādā vietā Indriķa chronika pat netulko vārdu draugs (latiņu val. — amicus), bet gan lieto šo iesakņojušos vietējo terminu: «*draugum suum, id est consocium*» — «*savu draugu, tas ir, līdzbiedru*» (Heinr. Chr. Liv. XVI, 4). Par Kokneses kņiņa Vesceka karadraudzi chronika raksta: «Bet kad Kokneses kņazs Vesceka dzirdēja par biskapa un peregrinu atnākšanu, viņš cēlās *ar saviem vīriem* un devās viņus satikt.» («Audiens autem rex Vesceka de Kukenois episcopi et peregrinorum adventum, surrexit *cum viris suis* et abiit in occursum eorum», Heinr. Chr. Liv. XI, 2). Kad Polockas lielkņazs Vladimirs 1206. g. organizēja karagājienu pret ridziniekiem, viņš pulcināja dražinas no visiem kņazistes novadiem: «*sasauca karaspēku no visām savas valsts vietām* un arī no citiem kaimiņu kņaziem un saviem draugiem» («*convocato exercitu de omnibus locis regni sui nec non et aliorum regum vicinorum et amicorum suorum*», Heinr. Chr. Liv. X, 12). Varam secināt, ka Jersikas un Kokneses valdniekiem bija karadraudzes pēc krievu dražinu parauga.

S a p u l c e s (vecāko sapulces) ir pieminētas arī avotos, galvenokārt kā *augstāko* slāņu, vecāko, kara padomdevēju apspriedes. Plašas tautas sapulces (kr. «вече» nozīmē) Latvijas teritorijā nav pieminētas. Avotos minētām sapulcēm bija gadījuma raksturs un tās vēl nevar uzskatīt par īstiem valsts varas orgāniem. Indriķa chronika piemin sēļu karavīru vecāko sasnāksmi: «Tāpēc viņi *sasauca slepeni karaspēka vecākos* un lūdza mieru» («*Unde clam vocatis senioribus de exercitu, petunt pa-*

cern», Heinr. Chr. Liv. XI, 6). Libiešu vecāko sapulce pieminēta kā *tiesas spriedēja* (Heinrici Chr. Liv. X, 5).

No sacītā izriet, ka Jersikas un Ķokneses valstiskie veidojumi saturēja samērā attīstītas *valsts aparāta pazīmes*. Minētie varas organi (valdnieki, karadraudzes, vecāko sapulces) raksturojami jau kā apspiešanas rīki valdošās šķiras rokās. Šo novadu valstiskās organizācijas uzskatāmas kā agrīnas *vasaļvalstis*.

Agrīnie valstiskie veidojumi Rietumlatvijā

Agrīnie valstiskie veidojumi Rietumlatvijā šķiet mazāk attīstīti kā austrumu novados. Tomēr arī tur XII un XIII gs. sākumā ir vērojamas dažas raksturīgas agrīnu valstisku veidojumu pazīmes. Šo veidojumu attīstības gaita bija diezgan patstāvīga, mazāk kaimiņu zemju ietekmēta. Var atzīmēt nelielu Skandināvijas valstiskuma parauga ietekmi Kursā un lielāku Lietuvas parauga ietekmi Zemgalē.

Kursā pirmie valstiskie veidojumi jau pieminēti IX gs. (Brēmenes archibiskapa Rimberta aprakstā)¹⁵; kuršu cilts valsts tēlota kā sastāvoša no piecām novadu zemēm («regnum vero ipsum quinque habet civitates»). Trūcīgo ziņu dēļ grūti spriest par šī valstiskā veidojuma strukturu. Domājams, ka šeit ir runa par kādu izveidotāku militārās demokrātijas organizāciju (piecu cilšu novadu grupēšanās ap izcilāko vecāko — karavadoni).

Tuvākas ziņas par seno Kursu atrodam 1230. g. *līgumā* starp pāvesta vicelegātu Alnas Balduīnu un Kursas valdnieku Lamekinu¹⁶; («Lameekinus rex et pagani de Curonia, de terris Esestua, scilicet Durpis, et Saggara, et *kiligundis*, quarum hec nomina: Thargolae, Osus, Langis, Venelis, Normis, Kjemala, Pygawas, Sarnitus, Riwa, Saccze, Edualia, Aliswanges, Ardu, Alostanotachos, et de aliis kiligundis, *villis*»). Šis dokuments liecina, ka ķēniņa Lamekina valstī ietilpa uzskaitītās kuršu zemes (terrae), kā arī provinces (kiligundae)¹⁷ un ciemi. Acīmredzot, šie teritorialie iedalījumi ir sensenīe kuršu politiski administratīvie dalījumi. Tomēr no dokumenta tuvāk nav izlobama senās Kursas valstiskā uzbūve. Jādoma, ka tā bija *agrīns barbaru valsts veidojums* ar verdzības un feodalisma dīģļu pazīmēm. Kursas valdnieks Lamekins līgumā gan nosaukts par ķēniņu (rex), bet ar

¹⁵ Senās Latvijas vēstures avoti I, Nr. 5.

¹⁶ Senās Latvijas vēstures avoti I, Nr. 162.

¹⁷ Heinrici Chr. Liv. XXVIII, 8: «provincia, id est kylegunda» («provinces, tas ir, kiligunda»); igauņiem «kihelkord» (draudze).

viņu līguma slēdzēji nerēķinājās (vienpusīgs diktāts). Liekas, ka Lamekins bija izcilākais vecākais (karavadonis), ap kuru grupējās pārējie vecākie karavadoņi ar savām zemēm un nocietinātām pilīm. Politiskā dzīvē liela loma bija arī labiešiem un citiem aristokrātiskiem virsslāņiem. Atskaņu chronika atstāsta kādu labiešu apspriedi:

«Bij paganu pieci tūkstoši.
To labieši uz apspriedi
no citiem savrup nogājuši
un klajumā tur sastājuši».
(Atsk. Chr. 2627—2630).

«Der heiden was vumftusent man,
die besten von den anderen dan
zu dinge waren abe getan
verre von in uf den plan».
(Livl. Reimchr. 2627-2630).

Aprakstītā apspriede vēl nav uzskatāma kā īsts valsts varas orgāns, bet vēl ar militārās demokrātijas pazīmēm.

Kuršu politiskā organizācija ir ļoti sena. Ilgos gadu simteņos bija nostiprinājušās senas parašas — arī valstiskas tradīcijas.

Domājams, ka vikingu un citu sirotāju uzbrukumi Kursai veicināja valstiskās organizācijas izveidošanos.

Zemgaļē no XII līdz XIII gs. sākumam vērojams diezgan attīstīts valstisks veidojums. Tas jāuzskata kā iepriekšējo gadsimtu mantiskās diferenciacijas un šķiru cīņas rezultāts. Zemgaļu vecākie ar savām zemēm un pilīm, izvirzījušies topošās šķiru sabiedrības priekšgalā, bija ieinteresēti radīt visu aptverošu valstisku organizāciju, lai nosargātu savas bagātības. Sevišķi feodalās ekonomikas attīstība prasīja pakļaut līdzās vergiem arī brīvos trūcīgos kopienas ļaudis. Ārējās un iekšējās drošības intereses virzīja sabiedrības virsslāņus (vecākos, labiešus u. c.) ne tikai saslēgties ap karavadoni (izcilo vecāko), bet arī izveidot kādu stiprāku, *pastāvīgāku* valstisku organizāciju.

Rakstītie avoti XIII gs. sākumā atzīmē zemgaļu valdnieku Viesturu (*Vesthardus* — Indr. chr.; *Vesters* — Atsk. chr.). Acīmredzot, tas ir viens no zemgaļu vecākiem ar izcilu mantisko, militāro un politisko varu. Sabiedrības virsslāņi to jau bij atzinuši par valsts varas vīru. Chronists Indriķis nav skaidrībā, kā titulēt šo zemgaļu valsts organizācijas pārstāvi. Viņš lieto dažādus Rietumeiropas valstīs pieņemtos apzīmējumus — *senior* (vecākais); *dux* (karavadonis); *maior natu* (augstdzimušais) un *princeps* (pirmais, valdnieks), bet nekur nesaka rex (kēniņš, kņazs). Heinrici Chr. Liv. XXIII, 4; «*Vesthardus, senior aliorum Semigallorum de vicina provincia, que Thervetene vocatur*» (Viesturs, citu zemgaļu vecākais no kaimiņu novada, ko sauca par Tērveti); XII, 2: «*Vesthardus, Semigallorum dux*» («Viesturs, zemgaļu vadonis»); IX, 2: «... quidam Vesthardus nomine maior natu de Semigallia» («Kāds Zemgales augstdzimušais, vārdā

Viesturs»). Šie dažādie tituli spilgti rāda, ka no vietējās sabiedrības virsslāņiem izvirzījies valdnieks ir grūti apzīmējams ar tā laika Rietumeiropas valdnieku tituliem. Atskaņu chronika (1729. rindā) Viesturu nosauc par «konic» (ķēniņu), sīkāk neprecizējot viņa valsts amatu.

Raksturojot Viestura varas funkcijas, jākonstatē, ka tās bija jau diezgan plašas. Viņš pilnvarots apsolīt vāciešiem Rīgā ķīlniekus «no katras Zemgales pils» («de quolibet castro Semigallie», Heinr. Chr. Liv. IX, 2). Viņš savāc karaspēku visā Zemgalē: «savāca karaspēku no visas savas zemes» («collegit exercitum de omnibus finibus suis», Heinr. Chr. Liv. XXIII, 4). Viesturs slēdz līgumu ar Rīgas vāciešiem cīņā pret leišiem (Indr. chr. XII, 2) utt.

Tomēr zemgaļu valstiskais veidojums vēl jāuzskata par ļoti nepilnīgu. Trūkst kaut cik stabilu valsts aparata pazīmju. Zemgalē bij sācis gan formēties agrīns valstisks veidojums, bet šo attīstību pārtrauca vācu iebrukums XIII gadsimtā.

III. SĀKOTNEJO TIESĪBU IZCEĻŠANĀS LATVIJAS TERITORIJĀ

Senās parašu tiesības

Latvijas teritorijā no XI gs. līdz XIII gs. sākumam parādījās agrīnie valstiskie veidojumi, kas pēc savas struktūras vēl nebija valstis vārda īstā nozīmē. Trūka attīstīta valsts aparata (likumdošanas organa), kas būtu spējis izteikt un noformēt rakstītos likumos valdošās šķiras gribu. Atsevišķos novados sabiedrības virsslāņi (vecākie, labieši u. c.) ar savām karadraudzēm un dažādām sapulcēm uzturēja spēkā *senās parašu tiesības* (mores paganorum, alden site), kas jau gadu simteņus bija iesakņojušās tautas apziņā. Šīs parašu tiesības pielāgoja sabiedrības jaunajām vajadzībām, vadoties no valdošās šķiras interesēm.

Seno Latvijas iedzīvotāju parašu tiesības, cik zināms, nav nekad bijušas nedz sakopotas, nedz uzrakstītas. Šo tiesību elementi saglabājās tautas apziņā daudzus gadu simteņus kā nerakstītas tradīcijas. Vēl dažas seno parašu tiesību paliekas atrodamas vēlākos likumdošanas aktos un folklorā. Arī vietējās hronikās un citos rakstītos avotos ir pieminētas dažas parašu tiesību normas. Tādējādi no atsevišķām seno parašu tiesību paliekām, kas saglabājušās līdz mūsu dienām, var mēģināt rekonstruēt dažu sākotnējo tiesību institutu izcelšanos Latvijas teritorijā.

Ipašuma tiesības. Mantiskā diferenciacija sadalīja senos Latvijas iedzīvotājus šķirās. Sairstot teritorialai (kaimiņu) kopienai, lauki, lopi, vergi utt. pamazām sāka piederēt atsevišķiem ļaudīm — patriarchalo ģimeņu (saimju) galvām. Līdzās sairušās kopienas sabiedriskā īpašuma paliekām (kopejas ganības, kopēji ūdeņi, meži, neaizņemtas zemes u. c.) izveidojās privatīpašums. Sākumā zemi ieguva tikai uz laiku (vēl pilnīgi nenostiprinātās tiesības-valdījums), bet vēlāk atsevišķām izcilām personām izdevās zemi un citas lietas pārvērst savā piederumā uz visiem laikiem¹⁸ (pilnīgi nostiprinātas, mantojamas īpašumtiesības). Domājams, ka šādā ceļā izveidojās Latvijas teritorijā agrinā feodalisma hierarchijas attiecības — mazākie zemes valdītāji ekonomiski un juridiski sāka pakļauties lielajiem zemes īpašniekiem.

Ipašumu tiesību jautājumi spilgti pieminēti 1230. gada mierlīgumā starp Rīgas vācu valdniekiem un Kursu. Tur atzītas kuršu līdzšinējās valdījuma un īpašuma tiesības — «neskarti paliek lauku valdījumi un īpašumi, kā arī citas lietas» («salvis sibi *possessionibus et proprietatibus* agrorum, ceterarumque rerum»)¹⁹. Šie divējādie zemes un citu lietu piederības veidi — valdījumi un īpašumi — ļauj secināt, ka arī Latvijas teritorijā īpašuma tiesības ir attīstījušās pakāpeniski.

Arī Kursas dalīšanas aktā 1253. gadā ir nodrošinātas kuršu īpašumtiesības (hereditates-mantojumi). «Kurši nekādā ziņā nav izslēgti no saviem *mantojumiem* kā uz laukiem, tā arī uz noleiktām zivju zvejām, uz mežiem — izņemot svētbirzes, un uz bišu kokiem» («Curones a sua *hereditate* tam in agris, quam in predictis piscariis, et in silvis non sanctis et in arboribus melligeris nullatenus excludantur»); senvācu teksts: «Curen en solen en ghene wis af gewisit werden von iren *erven*, als in ackeren. und hoyeslagh, und visherie un busche, die nicht heylich sin, und hoynichbome»)²⁰. Šeit lietotais izteiciens — «mantojumi» (hereditates, erven) nepārprotami norāda uz pilnīgi nostiprinātām īpašumtiesībām, kuras minētā līgumā atzīst arī vācu iekarotāji.

Vēl 1267. g. līgumā²¹ starp Ordeņa mestru un kuršiem teikts (9. §), ka katra vieta, kur kāds kursis nometas uz dzīvi, paliek viņa *mūžīgs mantojums* (ewich erve), ja šai vietai nav jau cits īpašnieks. Te vēl saskatāmas senā kopīpašuma palieku pēdas —

¹⁸ F. Engelss. Ģimenes, privatīpašuma un valsts izcelšanās (K. Markss, F. Engelss. Darbu izlase. II sēj., 293. lpp.): «Aramzeme tiek piešķirta atsevišķām ģimenēm lietošanā, vispirms uz laiku, pēc tam uz visiem laikiem».

¹⁹ Senās Latvijas vēstures avoti, I, Nr. 161.

²⁰ Senās Latvijas vēstures avoti II, Nr. 358.

²¹ LUB I, 155.

vēl neaizņemtās zemes var iegūt ikkatrs sabiedrības loceklis. Turpretim izteiciens «mūžīgs mantojums» norāda uz jau izveidotām privatīpašuma tiesībām.

Arī Jersikas valdnieka Visvalda agrākās tiesības uz pili un novadu 1209. g. līgumā ar bīskapu Albertu ir nosauktas par mantojuma tiesībām — «paturot sev uz mantojuma tiesībām piederošo Jersikas pili ar zemi un visām uz šo pili attiecošām mantām» («urbem Gerzika, hereditario iure sibi pertinentem, cum terra et universis bonis eidem urbi attinentibus»)²². Indriķa chronikā šie paši Visvalda īpašumi nosaukti arī par tēvu mantojumu — «manu tēvu mantojums» («hereditas patrum meorum», Heinr. Chr. Liv. XIII, 4).

Latviešu tautas dziesmās vēl saglabāties izteiciens — *tēva zeme* — zemes piederības (īpašuma) nozīmē. «I kalpiņš tēva dēls, tikai nava tēva zemes» (LD 11767). Tautas dziesmas runā par tēva zemes *valdišanu*, kas norāda uz mazāk nostiprināto zemes piederības (īpašuma) veidu — valdījumu, владение, possessio, der Besitz). «Kalpos, kalpos tu, puisīti, nevaldīsi tēva ciema» (LD 3809); «Kauna, kauna bāliņam, māsa valda tēva zemi» (LD 3810). Šeit vērojams īpašumtiesisko formu veidošanās process agrīnā feodalisma apstākļos. Domājams, ka zemes valdījuma tiesiskā forma bija visvairāk izplatīta starp turīgākiem ļaudīm (sākotnējiem īpašniekiem), izņemot izcilos bagātņiekus (vecākos, labiešus). Šo pēdējo zeme un manta bija vēl pilnīgāk nostiprināta (pilnīgākā īpašuma forma — proprietās, bona).

Mantošanas tiesības. Ar privatīpašuma tiesību attīstību radās vajadzība izveidot arī mantošanas tiesības. Bagātie sabiedrības virsslāņi bija ieinteresēti saglabāt savas sakrātās mantas pēcnācējiem (saglabāt savu šķiru). Raksturīgi, ka pirmatnējās īpašuma tiesības Latvijas teritorijā nosauktas par mantojumiem («hereditates», «tēva zeme»). Ja ir vairāki mantinieki, tad mantojums jāsadala, kas bieži izsauc strīdu un naidu. «Lai naidoja bāleliņi, tiem jādala tēva zeme» (LD 3786).

Nav iespējams pilnībā restaurēt sākotnējās mantošanas tiesības Latvijas teritorijā, tomēr dažu mantošanas principu paliekas var saskatīt vēlākos tiesību krājumos un folklorā. Latviešu tautas dziesmās vērojami divējādi principi mantinieku priekšrocību noteikšanā — vecākā dēla priekšrocība un jaunākā dēla priekšrocība.

Spriežot pēc tautas dziesmu savākšanas vietām, Rietumu Latvijas novados vērojams *vecākā dēla* priekšrocības princips: «Pastarei mātes pūrs, pirmajam tēva zeme» (LD 3738, 3). Šis

²² Senās Latvijas vēstures avoti I, Nr. 51.

princips plaši pazīstams Rietumeiropas mantošanas tiesību sistēmās.

Austrumu Latvijas novados vērojamas *jaunākā* dēla mantošanas priekšrocību paliekas: «Pirmai meitai mātes pūrs, *pastaram* tēva zeme» (LD 3738). Šo principu pazīst senās krievu mantošanas tiesības un tas formulēts krievu tiesību krājumā «Русская Правда»: «Двор без дела отень всяк меньшему синови»²³ («sēta bez dalīšanas visa *jaunākajam dēlam*»).

Arī meitu mantošanas princips — *māsa nemanto, ja tai ir brāļi* — sastopams Kuršu zemnieku tiesībās, 27. §: «Ja dēlu nav, tad visa manta piekrīt mātei kopā ar meitām» («Sint dar overst keine Söhns, so fällt dat gantze Gohd der Mohder tho, met den Döchdern»); Rīgas archibiskapijas novadu zemnieku tiesībās, 10. §: «Ja mantojumu neatņem dēls, tad tas piekrīt meitām un mātei» («dat de Erve nicht wegk nam de Son so vellet Idt ann die tochter vnnd an die moder»)²⁴.

Šī principa paliekas atrodamas vēl latviešu tautas dziesmās: «Tai meitai tēva zeme, kam neviena bāleliņa» (LD 3755). Tas ir plaši pazīstams princips krievu tiesībās — «Русская Правда»: «Сестра при братьях не наследница» («māsa nav mantiniece, ja ir brāļi»). Vispār šis meitu mantošanas princips ir raksturīgs patriarchalajai ģimenei (saimei), kur meitas parasti aizprecēja uz citu ģimeni. Tās saņēma pūru, tēvam vēl dzīvam esot. Tāpēc meitas ar dēliem kopā nepiedalījās «tēva zemes» dalīšanā (mantošanā).

Ģimenes tiesības. Vissenākie precību veidi visām pirmatnējām tautām sakarā ar patriarchalās ģimenes izveidošanos bija sievietes laupīšana (aizvešana ar varu) un zagšana (aizvešana slepeni).

Latviešu vārds *precības* (prece, precēt, precinieki) norāda uz sievas *pirkšanu* (ar līgumu), kas ir vēlākā attīstības stadija par sievas laupīšanu un zagšanu. Patriarchalo ģimeņu (saimju) izcelšanās periodā sievas pirkšana ir raksturīga parādība. Vārdi — «līgt», «līgšana», «līgava» ir radniecīgi un norāda uz vienošanos (līgumu), domājams, ar sievas tēvu. «*Ligtin liga* tā maliņa, kur aug ciema zeltenītes» (LD 431, 4); J. Langija vārdnīcā 1685. g. — «Lih(k)schana, der Vertrag, Salihdsinahtēes (sader-rāhtees), sich vereinigen, verloben». Domājams, ka viena no sievas pirkšanas stadijām ir bijušas *deribas* (leišiem — derybos),

²³ Правда Русская. Изд. Акад. Наук СССР, Москва, 1940 г., т. I. (Троицкий вид).

²⁴ Fr. G. v. Bunge. Beiträge zur Kunde der liv-, esth- und curländischen Rechtsquellen, Riga und Dorpat, 1832, S. 88, 83.

kur derībnieki (dernieki) norunāja precību jautājumus. «Dernieku nedziedu, tas manu māsiņu saderināja» (LD 20904).

Sens sievas iegūšanas veids latviešiem bija *vedības* (leišu val. — vedybos). Domājams, ka tā ir sievas pirkšanas vēlāka forma, kas saistīta ar atvešanas ceremonijām. Tautas dziesmās saglabājušies izteicieni: «Māsiņai *vedibiņas*» (LD 32529, 3); «*aicināšu vedibās*» (LD 15840, 1); «bāliņš lūdza *vedibās*» (LD 15888); «... skaista ligaviņ'... vēl man tādas *neatveda*» (LD 21161); «ņemšu daiļu *vedekliņu*» (LD 14006). Raksturīgi, ka arī austrumu slaviem pirms kristianisma ieviešanas Krievzemē ir pastāvējis līdzīgs institūts — *приведение*²⁵ (atveda ligavu kopā ar pūru).

Senās zemnieku tiesībās XIII gs. rakstīts par sievas *ņemšanu*. Kuršu zemnieku tiesību redakcijā teikts — 27. §: «Ja vīrs *ņem sievu*» («Se enn Mann enn *Wief nembt*»); Rīgas archibiskapijas novadu zemnieku tiesību redakcijā 10. §: «Ja vīrs *apņem sievu*» («Item ein Mann der ein Wif nimmbt»)²⁶. Domājams, ka minētā sievas ņemšana ir ietekmēta jau kristianisma laulību garā.

Iespējams, ka daži senākie laulību šķiršanās elementi (vīra patvalīga sievas atstāšana) ir saglabājušies Rīgas archibiskapijas novadu zemnieku tiesībās 10. §: «Ja vīrs *šķiras* no sievas (atstājot to), tad zaudē savus laukus un visu mantu — viņa dēli un meitas valda to» («Is dat *will vonn er wesenn* so is he quitt Acker vnnnd alles gutes vnnnd Sine Sone vnnnd dochter besitten idt»). Redzams, ka katoļu baznīca cīnījies pret laulības šķiršanu.

Vārds «laulība» atvasināts no libiešu vārda «loul» (dziedāt), kas norāda uz ceremonialu. Protams, savu tagadējo nozīmi vārds «laulība» ir ieguvis kristianisma ietekmē. Arī vārds «*kāzas*» ir radniecīgs libiešu «*kazgond*» (Hochzeit — kāzas) un igauņu «*kāza*» (Gatte — laulātais draugs)²⁷.

Saistību tiesības. Šo tiesību izcelšanās ir atkarīga no apgrozības jeb tirdzniecības attīstības. Senā Latvijas teritorijā noritēja gan plaša tranzittirdzniecība, bet atsevišķos novados bija samērā maz attīstīta vietējā maiņa. Domājams, tāpēc arī nav vērojami kaut cik attīstīti vietējo ligumu veidi. Tomēr vispārīgie jēdzieni par maiņu, pirkumu, parādu utt. senā Latvijas teritorijā bija pazīstami.

²⁵ С. В. Юшков, История государства и права СССР, ч., 1, Москва 1940 г. («Невесту вместе с приданым приводили к жениху»; atšķirībā no sievietes laupīšanas — *умычка*).

²⁶ Fr. G v. Bunge, Beiträge zur Kunde der liv-, esth- und curländischen Rechtsquellen, Riga und Dorpat, 1832, S. 83, 88.

²⁷ J. Endzelina, K. Mühlenbacha, Latviešu valodas vārdnīca.

Kuršu zemnieku tiesībās XIII gs. uzlikts pienākums mantiniekiem samaksāt tēva parādu, 16. §: «... *parāds* jānolīdzina no viņa mantas» [«... so sint de *schuldig* (so dar schuld iß) bethern van seinem Gude»]. Līdzīgs noteikums paredzēts arī Rīgas arhibīskapijas novadu zemnieku tiesībās, 17. §: «... palicis *parādā*, tad *parāds jāmaksā tam*, kurš grib iegūt mantojumu» («... *schuldig*... so mut he de *schult betalen* will her dat Erve beholdenn.»). Šie piemēri nepārprotami liecina par samērā attīstītu parādtiesisko attiecību pastāvēšanu. Parāds varēja izcelties kā uz līguma, tā arī uz delikta pamatiem. Jādomā, ka līgumu noslēgšana bija saistīta ar kaut kādu simboliku — uz to norāda arī latviešu tautas dziesmas: «Kreisās rokas devumiņš mūžam tiesas neturēja» (LD 15467, 3).

Kriminaltiesības. Visām senām tautām sākotnējās tiesības par noziegumiem un sodiem ir izcēlušās galvenokārt no asinsatriebības un izpirkuma parašām. Atkarībā no šķiru cīņas asuma valdošie sabiedrības virsslāņi uzturēja spēkā senās parašas, nostiprināja un pakāpeniski pārveidoja tās šķiras interešu virzienā.

Arī pie senajiem iedzīvotājiem Latvijas teritorijā var saskatīt asinsatriebības un izpirkuma parašu pēdas.

Vācu iekarotāju uzrakstītajās Rīgas arhibīskapijas novadu zemnieku tiesībās²⁸ XIII gs. ir vēl vērojamas dažos kriminaltiesību normu formulējumos *asinsatriebības* palieku pēdas. Izteiciens — 1. §: «Par vienu nonāvēto, vienu nonāvējumu» («Von einen doden einen dotschlag») satur sevī vēl seno asinsatriebības principu. Lībju un kuršu zemnieku tiesību redakcijās²⁹ šis pants ir vai nu pilnīgi atmests vai galīgi sagrozīts. Domājams, ka asinsatriebība bija jau pamatos izdzīvota.

Visas trīs seno zemnieku tiesību redakcijas paredz līdzās naudas sodiem dažādas *izpirkuma* maksas. Lībju zemnieku tiesībās teikts, 9. §: «Viens nonāvējums... 40 markas» («Ein dotslach is... 40 mk.»); 1. §: «Vienu aci izsist... 20 markas» («eyn øge uthgeschlagen... 20 mk.»); 2. §: «Viena kāja nost... 20 markas» («Eyn voeth aff, is... 20 mk.»); 3. §: «Viena roka nost... 20 markas» («Ein handt aff, is... 20 mk.»); 4. §: «Par ikšķi... 5 markas» («De dume is... 5 mk.»); 5. §: «Par pirkstu līdzās ikšķim... 5 markas» («De vinger negest dem dumen is... 5 mk.»); 6. §: «Par vidējo pirkstu... 4 markas» («De myddelste vinger is... 4 mk.»); 7. §: «Par ceturto pirkstu... 3 markas» («Der derde vinger is... 3 mk.»); 8. §: «Par pēdējo pirkstu...

²⁸ Fr. G. v. Bunge, Beiträge zur Kunde der liv-, esth- und curländischen Rechtsquellen, Riga und Dorpat 1832, S. 82.

²⁹ L. Arbusow, Die altlivländischen Bauernrechte (Mitteilungen aus der livländischen Geschichte — von Bruiningk, Bd. 23. S. 33. 51.).

3 markas» («De latste vinger is... 3 mk.»). Šo izpirkuma sistemu ir uzrakstījuši vācu varas organi XIII gs., pielāgojot lībju parašas jauniem apstākļiem un ievēdot marku kā naudas vienību, tomēr senie lībju izpirkuma parašu elementi vēl nav pilnīgi izzuduši. Arī kuršu un Rīgas archibiskapijas novadu zemnieku tiesībās ir līdzīgi noteikumi, tikai izteikti mazliet savādākos variantos. Jāsecina, ka vācu iekarošanas laikā XIII gs. iedzīvotājiem Latvijas teritorijā bija plaši izplatīta izpirkuma maksu (kompozīcijas) sistēma. Raksturīgi, ka vēl XVII gs. Latvijā ir bijis pazīstams vārds «vīrnieks»³⁰ (кр. вирник — vīra paudas vācējs). Domājams, ka šis vārds saglabājies kā palieka no izpirkuma maksas ņemšanas laikiem.

Kuršu zemnieku tiesībās XIII gs. ir teikts — 12. §: «Kas ar nūju piekauj otru zilu vai asiņainu, par katru pierādītu sitienu (maksā) 2 ozeringus, ja nav ne ziluma, ne asiņu, par katru sitienu 8 artavas». («Schleit ehner dem andern met ehnen stock blau adder blöhding, iß ver jeder schlach den he bewiesen kan, 2 Oseringe; So dat sinder blauen bloth iß, jeder schlach 8 Arto-gen»). Tas pats paredzēts arī lībju un Rīgas archibiskapijas novadu zemnieku tiesībās — tikai izteikts mazliet citādiem vārdiem. Arī senais krievu tiesību piemineklis «Русская Правда» 2. § paredz līdzīgus noteikumus³¹.

Varam secināt, ka senajiem Latvijas iedzīvotājiem, tāpat kā visām senām tautām, sākotnējās kriminaltiesību normas bija cieši saistītas ar asinsattributioni un izpirkuma maksas parašām.

Tiesa un process

Latviešu vārds «tiesa» ir ļoti sens — lietots juridiskās taisnības nozīmē. Tas nozīmēja senajiem ļaudīm pienācīgo daļu (tiesu) mantiskos labumos («savu tiesu»). Ar šo vārdu saistās tādi juridiski jēdzieni, kā «tiesu dot», «tiesu lemt», «tiesu spriest», «tiesu darīt» u. c. Leišu valodā: teisybe — taisnība, patiesība; teise — tiesība; teisdaris — tiesnesis; teisdaryste — tiesas iestāde. Senais uzskats par «tiesu» kā taisnību (šķiriskā nozīmē) saglabājās ilgi vēlākos gadu simteņos. J. Langija vārdnīcā 1685. g. teikts: «Teessa (Teessiba), das Recht... Teesniba, die Wahrheit... Teescham (Pateesse), fürwahr, gewiss, wahrhaftig... Tees-

³⁰ J. Langija, Latviski-vāciskā vārdnīca 1685. g. Latv. Univ. izd., Rīgā, 1936. (Wahrneeks, ein Todschlāg(er), wird aber gesagt abusive, nie brauchlich).

³¹ Sal. Памятники русского права (А. А. Зимин, Москва, 1952, стр. 77 и 81).

nessis, ein Rechtsfinder, Urtheilsprecher. Teesatees, rechten... wings ir teesnis, er ist redlich, aufrichtig.»

Runājot par kriminālo tiesāšanu, senā latviešu juridiskā terminoloģija norāda uz krievu vārdiem: sods (суд — tiesa), sodīt (судить — tiesāt), soģis (судия). Pat vācu kundzības ilgajos gadsimtos vācu vārds «strāpēt» (strafen) nav varējis izkonkurēt iesakņojušos vārdu «sodīt». J. Langija vārdnīcā (1685. g.) rakstīti: «Sods (Teesa), das Gericht... Sodiht, richten, strafen... Sohditais (Sohgis), ein Richter, Strafer...».

Latviešu valodā seni vārdi ir «prāvnieki» (prasītājs un atbildētājs tiesā) un «prāvoties» (tiesāties); acīm redzot tie cēlušies no krievu vārda «право» (tiesības) un latviešu valodā ieguvuši vienīgi procesualu nozīmi.

Tāpat kā visas pirmatnējās tautas, arī Latvijas senie iedzīvotāji tiesu sprieda *sapulcēs*. Sakarā ar agrīnās valsts aparata veidošanos sapulcēm bija gan visas tautas, gan militaras, gan vecāko sanāksmju pazīmes. Spriežot tiesu, «taisnību» uzzināja parasti ar zilēšanu (dievu tiesa, ordalijas, суд божий). Raksturīgus piemērus piemin vietējās kronikas.

1) *Libiešu tautas sapulce* 1186. g. Turaidā tiesāja kādu vācu garīdznieku (cisterciešu ordeņa brāli) Teodoriku, kuru turēja aizdomās auglības atņemšanā sējumiem. Laukus toreiz postīja lietus gāzes. Zilējot gribēja pierādīt vainīgumu (dievu tiesa, ordalija).

Indriķa Livonijas Chronika 1,10: «Tiek sapulcēta tauta, un ar lozi izzina dievu gribu par upurēšanu. Tiek nolikts šķēps, kāpj zirgs, liek uz priekšu *dzīvības kāju*, noteiktu pēc dieva gribas. Brālis lūdz ar muti, ar roku svētī. Pareģis pastāv uz to, ka kristīgā dievs sēd zirgam mugurā un virza zirga kāju, kura jāliek uz priekšu, un tāpēc vajaga zirga muguru noslaucīt, lai dievs noslīd. Kad tas bija izdarīts, un zirgs lika uz priekšu *dzīvības kāju* kā agrāk, brālis Teodoriks tika paturēts pie *dzīvības*».

Heinrici Chronicon Livoniae 1,10: «Colligitur populus, voluntas deorum de immolatione sorte inquiritur. Ponitur lancea, calcatur equus, *pedem vite* deputatum nutu Dei preponit. Orat frater ore, manu benedicat. Ariolus Deum christianorum equi dorso insidere et pedem equi ad preponendum movere asserit, et ob hoc equi dorsum tergendum, quo Deus elabatur. Quo facto, dum equus vite pedem preponit ut prius, frater Theodoricus vite reservatur».

Seit libiešu sapulce, spriežot tiesu, vadījās no «dievu lēmuma», kuru uzzināja zilējot (ordaliju veids).

2) 1206. g. pie Ikšķiles nekristīto libiešu sapulce (placitum) bargi sodīja ar nāvi savus cilts brāļus, kas bija kristījušies un neatteicās no šīs ticības.

Indriķa Livonijas Chr. X, 5: «Kad viņi (kristītie lībieši) nonāca *sapulcē*, vecākie tūliņ saņēma viņus un piespieda nolikt Kristus ticību un atteikties no vāciešiem. Viņi, stipri dieva mīlestībā, *atzinās*, ka viņi ir piekērušies pieņemtai ticībai ar visu sirdi, viņi *liecināja*, ka nevar atdalīt viņus no mīlestības un kristīgo sabiedrības nekāda veida mocības. No tā, protams, izcēlās arī tik liels radu ienaids pret viņiem, ka ienaids pēc tam bij lielāks par mīlestību, ar ko viņi bija mīlējuši. Tāpēc, saskaņā ar *vispārēju lībiešu lēmumu, viņi tika ar apsietiem ap kājām striķiem pārrauti vidū pušu*. Briesmīgas mokas tie viņiem darīja, *izņēma iekšas, norāva kājas un rokas.*»

Heinr. Chr. Liv. X, 5: «*Ingressi placitum statim capiuntur a senioribus, fidem Christi postponere et Theuthonicis renunciare coguntur. Qui constantes in dilectione Dei fidem susceptam se omni caritatis affectu amplectere profitentur, ab amore et societate christianorum testantur nulla eos posse genera tormentorum separare. Unde nimirum eciam cognatorum tantum in eos excrevit odium, ut exinde maius esset odium amore, quo ante dilexerant. Hinc est quod communi Lyvonum conspiratione, ligatis circa pedes funibus per medium sunt dilacerati. Quos acerrimis penis afficientes, viscera extrahentes, crura et brachia dilaceraverunt.*»

Sis piemērs rāda, cik parašu tiesības bijušas nežēlīgas nāves soda piespriešanā un izpildīšanā. Kā vērojams, šai *sapulcē* vadošā loma bijusi vecākajiem.

3) **Tiesas spriešana Zemgalē 1279. g.** Zemgaļu *sapulce* (teiding) soda notverto vācu bruņinieku brāli.

«Pēc dažām stundām *sapulcināta*
 Bij *sapulce* uz ātru roku
 Un, izveidojuši *plašu* loku,
 Tur ievada kādu brāli *iekšā*,
 Bet paši apkārt *nostājās* priekšā
 Un *sakapāja to gabalos.*»

(Atsk. chr. 8746—8752).

«In kurtzen stunden dar nach
 hielden sie ein *teiding*,
 sie machten einen witen ring
 da muste ein bruder in gehn,
 man sach sie alumne stehn
 da wart er *zuhowen.*»

(Liv. Reimchr. 8750—8755).

Arī šinī fragmentā redzama ienaidnieka tiesāšana pēc zemgaļu parašu tiesībām militara rakstura *sapulcē*.

Domājams, ka *sapulces*, kur sprieda tiesu, noorganizēja parasti noziedznieka notveršanas vietā. Uz to norāda augšminētie piemēri un arī kuršu zemnieku tiesībās (23. §) ir rakstīts: «Kurā tiesas vietā vai ciemā noziedznieku notver, tur viņš tiesājams» («In wes Gerichte enn Missedäder oft dorp begrephen wert, dar soll man em richten»).

Spriežot tiesu senatnē Latvijas teritorijā, dažreiz vainīgumu pārbaudīja ar *sakarsētu dzelzi* (daudzām tautām pazīstams orģaliju veids). Kuršu zemnieku tiesībās (15. §) teikts: «... trešo reizi (zādzībā apvainotam) jānes sakarsēta dzelzs («thom

dridden enn høet Iser dragen»); līdzīgs noteikums saglabājies arī Rīgas archibiskapijas novadu zemnieku tiesībās (16. §): «... pieķerot trešo reizi (zādzībā), viņam jānes karsta dzelzs, ja grib vēl attaisnoties.» (wirt er zum dritten mahell gekregen, so sall he dasten ann dat furige Isenn wollde der sick enntschuldigen») ³². Nav šaubu, ka šie piemēri ir seno parašu tiesību paliekas.

Latviešu tautas dziesmās vērojamas vēl paliekas no senā zīlēšanas veida ar ūdeni (vainas pierādījums, ordalija): «Es redzēju sav nelaimi *līdz pusei ūdeni*, kaut es būtu datikusi, es dziļāki pabīdītu» (LD 9188, 1). Senajiem austrumu slaviem bija pazīstams pierādījuma veids ar ūdeni — tiesa novēroja, cik dziļi ķermenis iegrimst ūdenī. Iespējams, ka līdzīgas parašas bijušas arī senajiem Latvijas iedzīvotājiem.

* . . *

*

Var secināt, ka Latvijas teritorijā privatīpašuma izcelšanās un šķiru pretrunu nesamierināmības rezultātā sāka parādīties vietēji agrīni valstiski veidojumi un sākotnējo tiesību formas. Bet šo attīstības procesu pārtrauca un izbeidza vācu agresija Baltijā XIII gs. Pēc tam valsts un tiesības Latvijas teritorijā veidojās kā vācu feodaļu kundzības formas.

³² Fr. G. v. Bunge, *Beiträge zur Kunde der liv-, esth- und curländischen Rechtsquellen*, Riga und Dorpat 1832, S. 87, 84.

Доцент, канд. юрид. наук. Г. Я. Клява

АНТИНАУЧНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ РЕАКЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ПРАВА

Мирное сосуществование двух систем — социалистической и капиталистической — не исключает необходимости решительной борьбы прогрессивных сил общества против реакционной идеологии империализма. Напротив, широкое распространение прогрессивных взглядов и разоблачение реакционных идей являются необходимыми условиями обеспечения мира и общественного прогресса.

Одной из важнейших задач прогрессивной правовой мысли всех стран является решительное разоблачение реакционных направлений в современной буржуазной юриспруденции. Особенно необходимо разоблачение реакционных правовых концепций американских империалистов. Как известно, американский империализм является главной опорой и вдохновителем всех реакционных сил во всем мире, ведущих борьбу против революционного рабочего класса, национально-освободительного движения колониальных и зависимых народов, всего великого лагеря мира, демократии и социализма. Было время, когда буржуазия была носителем передовых общественных идей. В буржуазных революциях XVII—XVIII веков она выступала против феодальных порядков с лозунгами свободы, братства и равенства. При этом капиталистические порядки, которые буржуазия стремилась утвердить, изображались ею как порядки, соответствующие природе человека, находящие себе оправдание в коренных свойствах человеческого естества.

Широкое распространение получили в этот период естественно-правовые теории. Сторонники естественно-правовых учений были не только на континенте Европы (Гуго Гроций, Томазий, Ж. Ж. Руссо, А. Радищев и др.), в Англии (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.), но и в США (Джефферсон, Т. Пэн и др.). Идеи теории естественного права нашли свое отражение в «Декларации независимости» 1776 года в США и в «Декларации прав человека и

гражданина» 1789 года во Франции. Буржуазия шла к власти с верою в всемогущество и святость закона, основанного на разуме и уважении к неотъемлемым и вечным естественным правам человека. Законность считалась важнейшим благом. Английский философ XVII века — Дж. Локк — писал: «Где отсутствует право, там нет свободы». «Декларация прав человека и гражданина» провозгласила равенство всех перед законом, а последний определялся как «выражение общей воли». Так называемое юридическое мировоззрение стало классическим мировоззрением буржуазии.

Но со временем буржуазия начала отходить от своих прежних идейных позиций. Столкнувшись лицом к лицу с революционным пролетариатом и его социалистическими идеями, она пустилась в поиски «новых» идеологических средств для защиты приобретенных привилегий, своего господствующего положения. Буржуазия все более стала присматриваться к старому идейному наследству для того, чтобы «подлость сегодняшнего дня оправдать подлостью вчерашнего» (К. Маркс). После того, как появился и получил распространение марксизм — подлинное научное мировоззрение революционного пролетариата — главные усилия буржуазных идеологов были сосредоточены на «опровержение» марксизма. Но опровергнуть марксизм невозможно — ибо он стоит на гранитных основах науки. «Учение Маркса всесильно, потому, что оно верно»¹.

Современная империалистическая буржуазия полностью растеряла прежние показные черты буржуазного либерализма. В начале XIX века буржуазия в какой-то мере верила в свою собственную законность, в непоколебимость созданных ею правовых норм. И. Кант — философ трусливого буржуазного либерализма — представлял право как метафизическую сущность, которая стоит над обществом, государством и человеком. Гегель трактовал право как форму воплощения мирового духа (разума), как некую вторую природу мирового духа, как бытие свободной воли. Позднее представители позитивизма и догматической юриспруденции изображали право как самодовлеющую, логически замкнутую систему норм, содержащую правила, необходимые для решения всех возможных случаев.

После Парижской Коммуны в настроениях буржуазии европейских стран, а также и США произошел крутой перелом в сторону усиления реакции. Это нашло свое отражение в увлечении буржуазных юристов идеями так называемой «реалистической» школы права, школы «свободного» права и др.

¹ В. И. Ленин, Собрание сочинений, т. 19, стр. 3.

Р. Иеринг и его приверженцы («реалистическая» школа права) выступили против юридического догматизма и позитивизма, с призывом юристам спуститься с неба на землю, изучать реальные явления жизни, лежащие в основе юридических понятий и норм. Р. Иеринг подверг критике естественно-правовые теории, историческую школу права и догматическую юриспруденцию. Но Иеринг выступил и против марксизма. Он отверг материалистическое понимание истории и идею классовой борьбы Маркса. По мнению Р. Иеринга право есть результат борьбы человеческих интересов, плод борьбы отдельных лиц, общественных групп, целых народов и государств. Право неотделимо от силы, от власти; только сила рождает право. Так как юридические нормы затрагивают жизненные интересы людей, то установление той или иной нормы права вызывает столкновение интересов, борьбу между людьми. Право — это защищенный государственной властью интерес. Иеринг отрицал классовый характер этих интересов и их обусловленность материальными условиями жизни общественных классов. Он увековечивал законы капиталистических джунглей, воспевал силу.

Теория Р. Иеринга выражала интересы и стремления германской крупной буржуазии и юнкерства во второй половине XIX века, которые в то время насильственно объединили Германию и готовились к завоеванию «жизненного пространства». Иеринг все же относился с некоторым почтением к закону, установленному государством. Он считал, что высокое развитие чувства законности, строгое подчинение граждан органам власти и установленным законам суть главные опоры власти. Для него закон был еще в какой-то мере свят.

Вступление капитализма в стадию империализма сопровождается крушением буржуазной демократии и буржуазной законности. В буржуазной правовой мысли все более проявляются реакционные, антидемократические и вместе с тем антинаучные тенденции. Характерной особенностью всех правовых «школ» и направлений, созданных реакционными силами в период империализма, является их крайняя враждебность к марксизму-ленинизму. Критика марксизма стала для «дипломатированных лакеев» модным и доходным делом. Поход против марксизма, против его философских, экономических, политических и правовых идей в сущности был в то же время походом против науки, ибо марксизм есть вершина современной науки. В. И. Ленин в своей бессмертной статье «О значении воинствующего материализма» показал, что современная «якобы наука» (имеется в виду буржуазная философская и общественная

«наука») служит проводником грубейших и гнуснейших реакционных взглядов. В качестве примера он привел социологические рассуждения Питирима Сорокина и др. буржуазных лжеученых². В. И. Ленин вел беспощадную борьбу против «образованных крепостников», против растленной буржуазной идеологии и завещал нам эту работу неослабно продолжать.

Господство монополистического капитала ознаменовалось наступлением реакции по всем линиям, в том числе и в области правовой мысли. В начале XX века весьма модной стала «школа свободного права». Эта «школа» основательно подорвала прежние представления о «святости и неизменяемости закона». Она выступила с утверждением, что закон не в состоянии удовлетворить потребности современного общества, которое претерпевает постоянные изменения. Для того, чтобы удовлетворить эти потребности нужны другие нормы нежели те, которые устанавливаются законодательной властью. «Справедливое право» Р. Штаммлера, «свободное правонахождение» Эрлиха, «культурные нормы» Майера, «проекции» Вурцеля, «взвешивание интересов» Штампе, «оценочные суждения» Вюрцеля, «природа вещей» Жени, несмотря на все разнообразие взглядов, имеют то общее, что «все они наряду с правом государственным признают другие нормы, назначение которых оценить, восполнить, развить или опрокинуть право, исходящее от государства»³. Представители школы «свободного права» поносили прежнюю юриспруденцию как юриспруденцию понятий, однако, делали это отнюдь не в интересах торжества истины. Вопросы права они еще больше запутали и усложнили. В период империализма появляется и оживляется и ряд других направлений (теория «солидаризма» или социальных функций; социологическая, психологическая, нормативистская и др. школы права).

Реакционный и антинаучный характер правовых концепций империалистической буржуазии особенно усиливается после победы Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества — эру социализма и коммунизма. Народные массы в революции и строительстве социализма опираются на передовую науку. Реакционная буржуазия, следуя своим эгоистическим интересам, все более грешит против науки, особенно в общественном знании. Углубление всеобщего кризиса капиталистической системы повлекло за собой и дальнейшее разложение буржуазной общественной, в том числе правовой, мысли. Весьма ярко это проявлялось в период

² В. И. Ленин, Собрание сочинений, изд. 4-ое, т. 33, стр. 208.

³ См. А. В. Завадский, К учению о толковании гражданских законов, Казань, 1916 г., стр. 6.

фашистской диктатуры в Италии, Германии и других странах, накануне и в период второй мировой войны.

Вершину антинаучности достигли современные американские реакционные теории права в лице «социологической», «реалистической» школ, которые по существу продолжают культивировать наиболее реакционные черты прежних добуржуазных и буржуазных теорий права. Главным образом на раскрытии антинаучности этих школ мы и намерены здесь остановиться.

Между американскими «социологической» и «реалистической» школами нет принципиальной разницы. Идеиные и методологические позиции у них в основном одинаковы. Пожалуй «реалистическое» направление более открыто, чем «социологическая» школа, подчеркивает свое пренебрежительное отношение к нормам права, установленным законодательной властью.

«Социологическая» и «реалистическая» школы права в США претендуют на научность, а на самом деле они имеют очень мало общего с наукой. Их девизом является изучение права в действии, в жизни. Они толкуют о реформе права, о развитии и при том о прогрессивном развитии права, о приближении правовой мысли к реальной жизни и т. п.. Так, например, Б. Кардозо — бывший член Верховного суда США, призывал современную юриспруденцию отказаться от двух крайностей — от взгляда на закон как на нечто устойчивое, неизменное, так и от взгляда, что право есть серия особых, ранее вынесенных судебных решений (судебных прецедентов). Взгляды, от которых Кардозо призывал отказаться были широко распространены в англо-американской юриспруденции и ассоциировались с именами известных английских юристов — Блэкстона, Остина и др. Кардозо требовал предоставления свободы действия судьям — верным слугам капиталистических монополий. Судьи в своих действиях, по его мнению, не должны быть связаны ни требованиями закона, ни судебным прецедентом.

Видный современный американский юрист — Левелин (представитель «реалистической» школы) считает, что «право должно действовать более быстро в деле признания и санкционирования деловых отношений в процессе их возникновения». Заранее установленные законы, оказывается, недостаточно гибки. Руководствуясь только законами, судья может упустить из виду экономическое и социальное назначение права, которое состоит в том, чтобы быстрее удовлетворить интересы бизнесменов⁴.

⁴ B. N. Cardozo, *The Growth of the Law*, Yale University Press. 1927, p. 23.

Реакционные американские юристы отнюдь не помышляют о такой реформе права, которая была бы сопряжена с упразднением капиталистического строя.

Требования «реформы права», «развития права» и т. п., выдвигаемые американскими реакционными юристами суть демагогические фразы, за которыми скрываются стремления монополистического капитала освободиться от ставшей для него тягостной формальной законности⁵. В погоне за максимальными прибылями и в борьбе с нарастающим революционным движением империалистическая буржуазия не считает ни с какими законами. Ее «законом» стал произвол. Законность она попирает не только внутри государства, но и на международной арене. Особенно отличаются ныне в этом отношении правящие реакционные круги США.

В то же время для современных реакционных юристов США характерно их пренебрежительное отношение и к теории. Такие вопросы как сущность права, его происхождение, цели, задачи и назначение, им кажутся слишком общими, абстрактными, далекими от практики. Философия права, говорят они, до сих пор витала в небесах, уклонялась от решения жизненно важных вопросов. Среди американских юристов Кардозо считал себя философом, но и по его мнению философия должна спуститься на землю. «Я интересуюсь отношением философии к жизни» — заявлял он⁶. Не может быть возражений против того, чтобы философия спустилась на землю и интересовалась жизненно важными вопросами. Но дело в том, что американские юристы, даже те, которые считают себя философами, не очень-то занимаются этими вопросами, а если и занимаются в какой-то мере, то стараются их исказить, преподнести в ложном свете. Тот же Кардозо в своих трудах тщательно обходит вопрос о классовой сущности права. Другой американский юрист, представитель «реалистической» школы, — Джером Франк — в одном из своих последних трудов пытался затронуть некоторые вопросы правосудия в США. Он привел некоторые интересные факты, характеризующие неприглядное состояние правосудия в США — несправедливость судебных процессов, осуждение невиновных, коррупция судей и т. п.⁷. Мы знаем, что эти явления коренятся в загнивающем капиталистическом строе. Мы также знаем, что для того, чтобы устранить эти явления, нужно ликвидировать капитализм. Но что делает Франк? Как он объясняет эти яв-

⁵ В. И. Ленин, Два мира, Собрание сочинений, изд. 4-ое, т. 16, стр. 284.

⁶ В. N. Cardozo, The Growth of the Law, 1927, p. 23.

⁷ Jerome Frank, Courts on Trial, Myth and Reality in American Justice, 1949.

ния? Он находит, что эти явления суть только недостатки, которые можно устранить путем «воспитательного воздействия» государства на судей, полицейских, прокуроров и прочих чиновников. Он предлагает сохранить капитализм и «подлечить» его язвы. Он выступает в роли апологета современного капитализма.

Американские реакционные юристы заявляют, что они ненавидят априоризм и метафизику. Философия естественного права, аналитическая школа права, классическая школа уголовного права и т. д. осуждаются ими как «нереалистические»⁸.

Но лицемерно осуждая метафизику, схоластику, отвлеченные правовые взгляды, они с поразительным рвением бросаются в объятия самых реакционных философских систем — махизма, прагматизма, неопозитивизма, бихейвиоризма, семантизма и т. п. В то же время они злобно клеветают на марксизм, о котором они, впрочем, имеют весьма смутное представление. Антикommунизм, антимарксизм — вот характерная черта современных американских реакционных буржуазных концепций права и не только права.

Один из представителей социологической школы права — Г. Кэрнс пытается доказать, что культура и элементы, из которых она состоит, в том числе и право, являются продуктами изобретения, заимствования или социальной наследственности... Общественный порядок изобретен человеком. Социальные науки, в том числе юриспруденция, имеют исключительно телеологический характер⁹.

Кэрнс выступает и против идеи причинной связи явлений. Значение этой идеи ничтожно, заявляет он. Зато особую ценность он видит в идее «функциональной зависимости» Э. Маха. Махизм, субъективный идеализм — вот что его прельщает.

⁸ Сторонники «прагматического» и «реалистического» направлений в юриспруденции, — пишет декан школы права университета штата Индиана Б. Гавит, — отвергают основы философии естественного права и настаивают на том, чтобы надлежащим мерилom определения и оценки нормы права было не метафизическое мерило естественного права, а практическое мерило, каковым является сам результат применения правовой нормы. Другими словами они стараются отвергнуть любое предвзятое мнение относительно самостоятельной ценности нормы или принципа права и настаивают на том, что их ценность может быть определена только по тому эффекту, который они производят, когда они применяются. В сущности это есть не что иное как эксперимент в области регулирования отношений людей, но эксперимент, основанный, конечно, на опыте, но в некоторых случаях превосходящий его. Он может, например, содержать предсказание или подавать надежду на получение гораздо лучших результатов, нежели те, которые были получены ранее». (См. Blackstone's Commentaries on the Law. Washington, D. C., 1941, p. 38).

⁹ H. Cairns. The Theory of Legal Science. Chapel Hill., 1941. p. p. 48, 49, 55.

Впрочем ему импонируют не только Мах, но и Юм, О. Конт, Г. Спенсер, Маршалл, Рассел, Холмс, Паунд и ... увлекательнейшие ныне неотомизмом русский белоэмигрант — Питирим Сорокин.

Все это не оставляет сомнения в том, что Кэрнс стоит на идеалистических позициях. С этих порочных позиций, он ополчается против исторического материализма. Впрочем, для облегчения своей задачи Кэрнс прибегает к неуклюжему трюку: он причисляет ярого врага марксизма, идеолога английских лейбористов — Гарольда Ласки к представителям... исторического материализма.

Кэрнс открыто отвергает примат экономики по отношению к праву. Он толкует о физических, биологических и социальных факторах, влияющих на право и приходит к выводу, что всякие попытки решить вопрос о взаимосвязях этих факторов не имели до сих пор успеха. Подобно Данте, пишет он, мы блуждаем в дебрях, но наше положение более отчаянное, так как не нашелся еще Вергилий, могущий вывести нас из этих дебрей¹⁰. Но тщетно Кэрнс вздумал быть Вергилием, его «изыскания» ведут все дальше в дебри. Он объявляет такие термины как «буржуазное правосудие», «коммунистическое правосудие», «интересы господствующих классов» неясными. Он пережевывает старые нелепые выдумки «опровергателей» марксизма, заявляя, что исторический материализм игнорирует все другие факторы общественной жизни, кроме экономического, что исторический материализм отрицает активную роль человека в истории, его способность изменять окружающую его среду, что исторический материализм не признает влияния правовых идей на производственные отношения. Но человеку элементарно знакомому с марксизмом известно, что эти утверждения суть фальшивые вымыслы. Нет необходимости здесь заниматься опровержением этих вымыслов поскольку их несостоятельность очевидна и общеизвестна.

Что такое право по Кэрнсу? Продукт непримиримости классовых противоречий, элемент надстройки классового общества? Ничего подобного. Право по Кэрнсу — это система порядка или система целесообразно контролируемого поведения людей. Общественная жизнь по своей природе хаотична, негармонична. Но в то же время условием ее существования является порядок. Откуда берется этот порядок? Этот порядок устанавливается самими людьми, они его изобретают, испытывают, проверяют. Во всяком случае, говорит Кэрнс, порядок в обществе есть осуществленный порядок. Это — изобретение человека — в

¹⁰ Там же, р. 113.

¹¹ Там же, р. 13.

центре которого находится сам человек¹¹. Обычай, пропаганда, общественное мнение и право являются орудиями социального контроля, при помощи которых создается и поддерживается порядок в обществе. Кэрнс допускает, что в обществе действуют материальные силы, но решающая роль принадлежит все же нематериальным силам — желаниям, импульсам, интересам, идеям, традициям, страстям и т. п. Право тоже изобретено, придумано людьми. Они могли изобрести его потому, что порядок обитает в природе и в сознании людей. Таким образом, источником права, а следовательно и порядка в обществе, считается сознание, мышление человека. Кэрнс не допускает мысль о том, чтобы в обществе действовали объективные, от человеческого сознания независимые экономические законы, которые определяют развитие права. Концепция Кэрнса основана на субъективном идеализме.

Наиболее приемлемой методологической базой для американских реакционных юристов оказался прагматизм. Английский юрист В. Фридман указывает, что философией «реалистической» школы права является прагматизм, но он дезориентирует читателей, утверждая, что «реалисты» имеют тяготение к материализму¹². Прагматизм — антипод материализма. В своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин разоблачил махизм и другие модные буржуазные философские течения, в том числе и прагматизм. В. И. Ленин показал, что прагматизм — это разновидность субъективного идеализма, проповедующая полезность иллюзий, лжи, а также религии¹³.

Прагматизм отрицает объективность мира и его закономерностей. Его наиболее общими, типичными чертами являются субъективизм (субъективно-идеалистическое понимание опыта, как совокупности ощущений и представлений), агностицизм (отказ от познания сущности явлений) и релятивизм (признание относительности нашего познания, отрицание объективной истины). На прагматизм опираются американские «социологическая» и «реалистическая» школы права. Эти школы отрицают познавательное значение права и связь права с законами науки. Право — с точки зрения этих школ, — это суждения судей. Право, говорят они, — основывается на моральных, экономических, политических соображениях и предубеждениях, которые не поддаются никакому научному решению или изучению. Представители социологической и реалистической школ в американской юриспруденции стоят на точке зрения относительности и условности человеческого знания и всех понятий. Американский

¹² W. Friedmann. *Legal Theory*. London, 1944., p. 12.

¹³ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 14, стр. 327.

юрист Кокурек считает, что точное объяснение права невозможно потому, что право имеет своим источником иллюзии и оно само есть ни что иное как иллюзия. Цель нашего познания права и самого права — создание иллюзий. Мы отправляемся от иллюзий, созданных нами, и приходим к новым иллюзиям¹⁴. Этот «иллюзионизм» имеет своей задачей маскировать подлинную сущность права, особенно современного буржуазного права, которое является орудием политики империалистической буржуазии и средством угнетения трудящихся масс. Объявляя право иллюзией, Кокурек оправдывает произвол наемников капитала — чиновников, полицейских и судей.

Точка зрения прагматизма в американской юриспруденции ярко представлена и другим американским юристом — Грином, который безапелляционно заявляет, что основой общества является деятельность, которую он представляет как «первый зов жизни и цель живущего». Говоря о деятельности как основе общества, Грин совершенно игнорирует зависимость деятельности людей от материальных условий их жизни. Как известно, деятельность людей протекает в реальном мире, который существует независимо от воли и сознания людей. Поведение людей в обществе обусловлено прежде всего производственными отношениями, которые складываются между людьми и развиваются независимо от их воли и сознания. Грин же рассматривает деятельность людей в отрыве от материального мира, больше того, он считает деятельность первопричиной всего сущего.

Грин, как и многие другие американские юристы, считает право средством социального контроля. Ход его суждений таков: основой общества являются действия людей. Эти действия различны по своему характеру — невинные, опасные, спорные и т. д. В интересах порядка эти действия нуждаются в контроле. Цивилизованное общество выработало различные формы и средства контроля, каковыми по его мнению являются честь, чувство, убеждение, религия, обязанность и дисциплина в семье и обществе, многочисленные организации — школа, церковь, производственные общества, клубы и т. д. Для удовлетворения наиболее важных интересов общество предусматривает контроль посредством формального, политического управления, с чем сопряжено и право, которое является выражением идей, лежащих в основе этого контроля. «Право — это власть политически организованного общества, употребленная посредством суждений должностных лиц в вопросах государственного контроля,

¹⁴ См. подробнее Аржанов. «Философское кредо американских юристов», журнал «Известия Академии Наук СССР», отд. экон. и права, 1946 г. № 6.

как результат процесса, предусмотренного (установленного) государством»¹⁵. Рассуждения Грина о праве не имеют ничего общего с действительностью, они не отражают сущность и значение права. Как известно, право — это возведенная в закон воля господствующего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса. Право существует только в классовом обществе. Как часть надстройки, оно закрепляет общественные отношения, удобные и выгодные господствующему классу. Грин же формулирует свое понятие права, отвлекаясь от классовых отношений и материальных условий жизни общества. Его взгляды на право весьма выгодны правящим кругам США, так как они затушевывают классовую природу права в современном буржуазном обществе.

На позициях агностицизма стоит и Дж. Франк, который утверждает, что факты с которыми имеет дело судья — это «вещи в себе», относительно которых судья может строить только догадки¹⁶. Следовательно, Дж. Франк как и большинство буржуазных юристов, отрицает возможность установления объективной истины по делу в суде.

Прагматики утверждают, что в научные ценности можно лишь верить, так как они не могут быть обоснованы объективными доказательствами. Прагматики считают право воплощением определенных ценностей, но явлением не познаваемым. Критерием ценности права является польза, которую оно (право) приносит. Ценность права, говорят они, раскрывается в процессе его действия. Если право не приносит пользы, то оно не имеет ценности. Кто может определить, приносит оно пользу или нет? Это может определить лишь тот, чьи желания оно удовлетворяет. Таким образом, критерием пользы права считается субъективное усмотрение индивидуума. Право имеет ценность постольку, поскольку оно удовлетворяет целям и притязаниям дельцов, извлекающих из него «пользу». А если право не приносит им пользы, выгоды? В таком случае оно не есть право.

Прагматики в юриспруденции отрицают необходимость определенных правовых норм и требований. Как указывает В. Фридман «современные теории больше подчеркивают полезность, чем определенность»¹⁷. Прагматизм отрицает объективную истину. Для него истинно то, что полезно. Как говорил Джемс «чисто объективной истины, истины, при установлении которой не играло бы никакой роли субъективное удовлетворение от соче-

¹⁵ См. вышеуказанную статью Аржанова, стр. 448.

¹⁶ *J. Frank, Courts on Trial. Myth and reality in American Justice, 1949, p. 185.*

¹⁷ *W. Friedmann, Legal Theory, London, 1959, p. 448.*

тания старых элементов опыта с новыми элементами — такой истины нигде нельзя найти»¹⁸. Прагматики в американской юриспруденции сводят право к субъективному усмотрению судьи, культивируют пренебрежительное отношение к закону, к правовым нормам, установленным государством.

Представители социологической школы права в США сосредотачивают главное внимание на изучение «права в действии». Они рассматривают право не как волю господствующего класса, нашедшую свое выражение в совокупности правил, установленных или санкционированных законодателем (государством) и обязательных для граждан, а как «фактический образ действий» судей, чиновников и других должностных лиц. Виднейший представитель этой школы Р. Паунд указывает, что судьи должны руководствоваться в своей деятельности не столько законами, сколько своим «разумом и опытом». По мнению Р. Паунда основой права являются интересы (требования и желания) личности. Откуда берутся эти интересы, чем они вызваны? Такие вопросы Р. Паунда не волнуют. Рассуждения на такие темы, заявляет он, приводят к бесполезному теоретизированию¹⁹. Все же кое-какие мысли по этим вопросам Р. Паунд высказывает. Право, заявляет он, — это «режим упорядочения человеческих взаимоотношений, приведение в порядок поведения в согласии с совокупностью правил, надлежаще установленных». Основную задачу права Р. Паунд видит в примирении интересов выраженных в различных требованиях индивидов. При толковании и применении права предпочтение должно быть дано притязаниям собственников, ибо их интересы являются наиболее существенными. Как осуществить примирение интересов? Опыт, практика и разум должны подсказать судье как это сделать. Р. Паунд считает, что интересы частных собственников должны быть защищены прежде всего. Как видно, Р. Паунд недвусмысленно подчиняет право интересам частных собственников, т. е. капиталистов. Он не допускает возможности существования иного права, кроме права частных собственников. Р. Паунд стоит на позициях классового мира, проповедует примирение трудящихся со своими угнетателями. Его «социологические» рассуждения направлены на защиту интересов капиталистов.

Один из основоположников реалистической школы права в США — Холмс — утверждал, что право есть предполагаемое поведение судей, что никто не знает каково его право пока суд не вынес своего решения. В его философии права также прояв-

¹⁸ Цит. Кистяковский, Социальные науки и право, 1916 г., стр. 5.

¹⁹ Roscoe Pound. An Introduction to the Philosophy of Law, Yale University Press, 1922.

ляется пренебрежительное отношение к законам государства, к нормам права. Пренебрежение нормами права — широко распространенное явление среди англо-американских юристов. Такое отношение к нормам права отчасти связано с традициями англо-американского права, в котором большую роль играет так называемое «общее право» (Common law), которое состоит из обычного права и судебных прецедентов и противостоит «статутному» праву (писанным законам). Известный английский юрист Блэкстон (1723—1780), как типичный консерватор, статутному праву предпочитал «общее право», которое, по его выражению, наилучшим образом отвечает духу английского народа. В Англии, а также в США вплоть до 1846 года, кроме общих судов были особые суды, которые руководствовались не законами, а так называемой «справедливостью» (equity). Это — суд «справедливости» (the Court of Equity). В некоторых штатах США до сих пор существуют «общие суды» (Common Law Court) и «суды справедливости» (Court of Equity). Но все же в этих судах применялись, если не писанные, то установившиеся, традиционные нормы.

Современные реакционные юристы идут гораздо дальше, они не признают ни «законного», ни «общего права». Для них право — это то, что постановил судья в каждом конкретном случае. Представители «реалистической» школы в США отказываются от традиционного взгляда на юридическую норму, как на решающий фактор, влияющий на судебное решение. Если нормы права имеют какое-либо влияние на судебные решения, говорят они, то уж очень незначительное. Судебные решения зависят главным образом от настроений, предрассудков и даже от состояния пищеварения судей. Иными словами, право — это плод произвола судей и иных чиновников. Конечно, «реалисты» умалчивают, что судебные решения в США выносятся в интересах капиталистов и что суд является в США орудием террора против трудящихся. Но как бы то не было, то понимание права, которое мы находим у «реалистов», есть полное искажение его (права) сущности. Таким образом, прагматизм составляет философскую основу как «социологической» так и «реалистической» школ права. Прагматизм имеет определенный политический смысл. Отрицая существование объективного мира и его закономерностей, прагматизм оправдывает авантюризм и произвол в политике империалистов, а также предприимчивость и алчность дельцов. Своим культом действия («действие основа всего») и пользы прагматизм поощряет грабеж, насилие и произвол. Прагматические правовые концепции оправдывают политику силы, любое проявление своевластия империалисти-

ческих хищников, утверждают законы капиталистических джунглей.

Прагматизм не является единственной философией американских реакционных юристов. В связи с тем, что в империалистических странах классовые противоречия достигли большого напряжения, правящие круги этих стран поставили задачу своим идеологам использовать все возможные идеологические средства для поддержания капиталистического строя.

Народилось много философских «школ», на которые опереться реакционные юристы в своих «теоретических» построениях. Впрочем, в этих «измах» нет ничего нового. В большинстве случаев они представляют собою перелицовку прежних наиболее реакционных философских концепций. В частности наблюдается увлечение средневековой схоластикой.

Не только в Европе, но и в США появились юристы, которые стараются возродить средневековые католические учения о праве под маркой неотомизма, неосхоластицизма и т. п. Они особенно воспылали любовью к учению Фомы Аквинского (1224—1274) о божественном происхождении государственной власти и о «естественном праве» как вечном, неизменном божественном миропорядке. Учение Фомы Аквинского служило воинственному католицизму средневековья для защиты феодальных порядков. Ныне его учение используется империалистами для защиты буржуазных порядков.

Современный капитализм «гниет на корню». Это гниение проявляется в массовой и хронической безработице, обнищании огромных масс трудящихся, дикой эксплуатации колониальных народов, с одной стороны, и росте паразитизма и роскоши эксплуататорских классов, с другой. Правящие классы империалистических стран находятся в состоянии глубочайшего морального разложения (чудовищный рост преступности, разврат, цинизм, культ грубейшей силы, расизм, агрессивная внешняя политика и т. д.). Пороки капитализма настолько обнажились, что невозможно их утаить. В этих условиях устами своих политиков, попов, ученых мужей и прочих идеологов правящие классы пытаются утешить народные массы. Проповедью религиозных догм, христианской моральной философией и католической юриспруденцией они стараются отвлечь внимание трудящихся от зияющих язв капитализма.

Представители католицизма в социологии и в юриспруденции затрагивают некоторые злободневные проблемы, которые волнуют народные массы. Они пишут о миграции, о перенаселении, о влиянии городской жизни на движение народонаселения, о влиянии размеров заработков на рост населения, о бед-

ности и борьбе с бедностью, о преступлении и наказании, о правосудии и т. п. Но как они освещают и решают эти вопросы? Для чего они затрагивают их? Они это делают для того, чтобы ввести в заблуждение народные массы, особенно малоискушенных в политике верующих простых людей. Они стремятся привить им мысль о справедливости и неизбежности капиталистического строя, о бесполезности борьбы против него. Выход из всех бедствий, говорят они, в приобщении к христианской религии и морали. Католицизм провозглашает частную собственность священным институтом, а капитализм — вечным, божественным установлением. На словах современный католицизм выступает против прагматизма, обожествляющего пользу, на деле же он находит общий язык с ним в борьбе против материализма. Представители католической социологии стараются взвалить ответственность за все бедствия, которые принес капитализм народным массам на... материализм. Причина всех несчастий человечества, твердят они, в распространении материализма. Материализм, трубят они, подрывает «традиции государственного управления, которые до сих пор гарантировали свободу религии»²⁰. Говоря о материализме, они имеют в виду не просто склонность народов добиться улучшения своего материального благосостояния, но прежде всего материализм как научную философскую систему. Исключительную ненависть они питают к научному коммунизму. Католицизм — злейший враг коммунизма. Американский теолог и социолог Р. Нибур заявил, что «коммунизм более опасен, чем нацизм»²¹.

Поход против науки в католицизме сочетается с апологетикой американского империализма. Католицизм в США восхваляет американскую «демократию» как образец «христианского государства», но за то он не жалеет черных красок, когда речь заходит о Советском Союзе или странах народной демократии. Эти государства именуются «атеистическими».

Марксистской теории классовой борьбы католицизм противопоставляет пресловутую теорию «солидарности» людей всех классов и состояний на почве христианской веры. В этой солидарности усматривается основа христианского общественного строя, христианского теократического государства, как идеальнейшего государства. Католицизм проповедует также космополитические идеи «мирового государства» (под эгидой католической церкви) и «мирового права».

Католицизм спекулирует на идее «естественного права»,

²⁰ R. W. Murray & F. Flynn, *Social Problems*, N. Y. 1938, p. 19.

²¹ См. Мельвиль и Ланышев, «Ирония» истории, Журн. «Вопросы философии», 1954 г. № 2.

которая в свое время получило широкое распространение и имеет частично хождение и поныне среди буржуазных юристов.

Но «естественное право» современных католических философских учений — это не «естественное право» просветителей XVII—XVIII веков, а возрожденное «естественное право» средневековых схоластов и мракобесов.

Средневековые схоласты провозгласили «естественным правом» принципы христианской религиозной морали: «Не заботиться о пище и одежде, ищите прежде царство божие», «рабы да повинуются своим господам» и т. п. По стопам этих схоластов идут современные схоласты в США. Так, представитель католицизма в США — Кеннеди, заявил, что американская демократия находится в полном соответствии с требованиями естественного права. Прогнивший капиталистический строй изображается как основанный на естественном праве, а социализм и коммунизм, который идет на смену капитализму, осуждается как «общественная система, противоречащая естественному праву», т. е. католической «морали».

Когда просветители XVII—XVIII веков осуждали феодальный строй как противоречащий разуму и естественному праву, они выполняли прогрессивную миссию; они способствовали утверждению нового, более развитого общественного строя. Нынешние неосхоласты, ссылаясь на «естественное право», занимают реакционные позиции, защищают старый общественный строй (капитализм) и осуждают новый, прогрессивный общественный строй (социализм). Жонглируя понятиями «естественное право», «гражданское право», «достоинство и права личности», представители неосхоластицизма в праве выступают в роли апологетов империализма²².

Антинаучными являются и всевозможные психологические концепции права, получившие ныне известное распространение в США. Сторонники «психологизма» встречаются и среди представителей наиболее распространенных течений правовой мысли — «социологической» и «реалистической» школ права²³. Виднейший представитель социологической школы права в США — Р. Паунд ратует за необходимость «психологического изучения судебного процесса». Представители реалистической

²² Ф. Лебюфф и В. Хайвс — ярые сторонники католицизма — в книге *The American Philosophy of Law* (1947) считают философию естественного права (в неотомистском смысле) истинно американской и требуют, чтобы профессора, которые не признают эту философию, изгонялись из университетов.

²³ См. по этому вопросу интересную статью В. А. Туманова «О некоторых психологических теориях в новейшей буржуазной юриспруденции», журнал «Советское государство и право», 1955 г., № 5.

школы — Дж. Франк и К. Левелин считают, что изучение поведения судьи должно вестись в «психологическом разрезе», что правовые действия суть «психологические акты», которые могут быть изучены только путем применения к правовым явлениям фрейдизма и неофрейдизма.

«Психологизм» претендует на научность, но в действительности есть отход от науки. Психологизм выступает против материалистического понимания права, давая субъективно-идеалистическую трактовку правовых явлений. Современное буржуазное право, изображается им как исходящее из «сокровенных глубин человеческой психики», как надклассовое, общечеловеческое право. Сведением права к психическим переживаниям, психологизм отбрасывает классово-волевой характер права, затушевывает классовую природу права, зависимость его от экономики и политики, игнорирует его роль как орудия классового господства.

Психологизм, как и неосхоластицизм есть один из признаков духовного вырождения современной реакционной буржуазии.

Характерно, что американские империалисты в борьбе против прогрессивной науки стараются использовать всякие отбросы. В Колумбийском университете ныне подвизается как «специалист» по истории политической мысли в России бывший рижский адвокат М. Лазерсон. В сборнике *Interpretations of Modern Legal Philosophies*, изданном в Нью-Йорке в 1947 году, напечатана его статья *Positive and Natural Law and Their Correlation* (Положительное и естественное право и их соотношение), представляющая собою пересказ некоторых его же статей, написанных и опубликованных в буржуазной Латвии. Во взглядах Лазерсона нет ничего оригинального. Он эклектически соединяет современные концепции «естественного права» с психологической теорией Петражицкого.

В буржуазной Латвии Лазерсон был известен своей попыткой дать «юридическую трактовку революции»²⁴. Революция изображалась им как столкновение между «малоподвижным положительным правом» и «подвижным естественным правом». Под естественным правом подразумевается один из видов интуитивного права, который основан не на предписаниях закона, а на человеческих переживаниях. Этот вид права назван «социально-одобренным правом». «Естественное право» Лазерсона, кроме названия, не имеет ничего общего с естественным правом просветителей XVII—XVIII веков. «Естественное право»

²⁴ М. Lazersons, *Revolucija un tiesības*, «Tieslietu Ministrijas Vēstnesis», 1926. g., Nr. 9.

Лазерсона больше походит на «естественное право» Р. Штаммлера и некоторых катедер-социалистов конца XIX века, одобренное психологизмом Петражицкого. «Естественное право» по Лазерсону — это изменчивое нравственное начало права, это своего рода правовой идеал, основанный на «человеческих переживаниях». Концепция Лазерсона пропитана субъективным идеализмом и психологизмом.

Лазерсон пускается в исторические экскурсии, чтобы «доказать» подвижность естественного права. С развитием рабочего движения, указывает он, естественное право содержало такие требования как право на полный продукт труда, право на труд, свобода собраний, забастовок, объединения и т. д. Эти правовые идеалы пришли в столкновение с малоподвижным действующим (положительным) правом. В итоге произошло преобразование положительного права. Это преобразование Лазерсон усматривает главным образом в появлении в буржуазных государствах так называемого «социального законодательства». Порочность этой концепции состоит в том, что она ограничивает борьбу рабочего класса борьбой за право, не затрагивающей экономические и политические основы капитализма.

Лазерсон, став белоэмигрантом, превратился в дипломированного холуя американского империализма, поющего дифирамбы реакции. США, где так процветает произвол, он называет страной «наивысшей правовой культуры».

В США имеют распространение и другие правовые концепции, в частности и нормативизм. Накануне второй мировой войны в США прибыл известный нормативист Г. Кельзен. В 1946 г. Гарвардским университетом было издано в английском переводе его книга «Общая теория права и государства» (*General Theory of Law and State*). В 1955 году Г. Кельзен выпустил книгу, «Коммунистическая теория права», которая отличается своим пресмыкательством перед американским империализмом и ненавистью к коммунизму.

Антинаучный характер нормативизма общеизвестен. Нормативизм полностью отрывает право от реальной действительности, рассматривая его как особый мир — мир долженствования. Нормативизм, подобно психологизму, но в другом направлении, выхолащивает из права его классово-волевой момент и превращает право в самодовлеющую сущность. Нормативизм — враг философского материализма. Г. Кельзен стоит на позициях неокантиантской философии. Право представляется ему как особый мир долженствования, протвостоящий тому, что в сознании человека представляется как реальный мир. Право харак-

²⁵ *H. Kelsen. The Communist Theory of Law. N. Y., 1955.*

теризуется им как система правил поведения людей, говорящих не о том, что есть в действительности, а о том, что *должно быть*. Предметом изучения общей теории права по Кельзену являются правовые нормы, их элементы, их взаимозависимость, правопорядок в целом, его структура, взаимоотношения различных правопорядков и, наконец, единство права множественных правопорядков²⁶. Право (правопорядок) рассматривается Кельзенем как надклассовая, чисто логическая категория. Соответственно и государство трактуется им не как реальная организация классового господства, а как нормативный порядок. «Государство не есть комплекс действий, — заявляет он, — а сам правопорядок»²⁷. Кельзен ратует за изучение права и государства в «чистом» виде, отвлекаясь от политических интересов и нравственных соображений. Он создал метафизическую концепцию права и государства, но отнюдь не свободную от политических и моральных высказываний. Одни из них нацелены против коммунизма, другие содержат похвалы англо-американскому, т. е. капиталистическому миру.

Работа Кельзена «Коммунистическая теория права» не представляет научной ценности. Это очередная анти-марксистская стряпня. Если мы ее упоминаем, то для того, чтобы подчеркнуть падение буржуазной правовой мысли. Кельзен допускает, что идеи об окружающей природе являются отражениями этой реальности в сознании людей. Но когда речь идет о праве и государстве, то этот тезис Маркса, по его мнению, неправилен. Право, как идея, не есть отражение какой либо реальности, оно не отражает действительного поведения людей, — заявляет Кельзен. «Скорее наоборот, поведение людей является «отражением» идеи, т. е. правовой нормы, которое есть предписание того, что можно и что нельзя делать»²⁸. Так Кельзен переворачивает все верх ногами.

Кельзену, как это свойственно истинному метафизику, не по душе марксистская диалектика. Оперировав формальной логикой и различными софизмами, он пытается изобразить марксистскую диалектику, вместе с тем и марксистскую теорию права, в ложном свете. Употребление таких приемов свидетельствует о шаткости позиций Кельзена.

Кельзена беспокоит широкое распространение марксизма, огромное его влияние на умы людей во всем мире. Он бросает упрек ненормативистам в том, что они идут в своих изысканиях по стопам марксистов, пытаясь найти в праве нечто большее

²⁶ H. Kelsen, *General Theory of Law*, Cambridge, 1946. Preface.

²⁷ Ibid. p. 188.

²⁸ H. Kelsen, *The Communist Theory of Law*, London, 1955, p. 16.

чем норму. Марксистов он обвиняет не только в «неспособности уловить нормативный смысл права», но и в том, что они поставили свою теорию на службу практическим, политическим целям пролетариата. Наука, которая служит какому либо классу, политической борьбе, по мнению Кельзена, не может быть объективной²⁹. Это, разумеется, обычная нудная песенка дипломированных лакеев буржуазии, маскирующихся беспартийностью. Кельзен делает вид, что он не замечает принципиальной разницы между некоторыми буржуазными учениями и марксистским учением о праве³⁰.

Кельзен просто недобросовестен. Имея под руками собрание сочинений Ленина, он утверждает, что по вопросам права у Ленина есть только отдельные заметки, вкрапленные в его учение о государстве. Всякий добросовестный человек, читавший Ленина, знает, какое огромное богатство идей по вопросам права содержится в его трудах. Жрец «чистой» теории права дошел даже до того, что объявил ленинскую теорию права «иллюзорным и искаженным отражением общественного бытия в сознании идеолога»³¹. На самом деле иллюзорным и искаженным отражением бытия является «чистая» теория права Кельзена. На Ленина могут клеветать, но унижить его никому не удавалось и никогда не удастся.

Ленинская теория стоит на гранитных основах марксизма. Не один «критик» сломал себе зубы об этот гранит. Марксистско-ленинская теория права неуклонно развивается вперед. Ее основы — непоколебимы. Сила ее не только в том, что она верна, но и в том, что она нашла благодатную, жизненную почву в великом движении общества к коммунизму.

Американский социолог Л. Мэнфорд в книге «Во имя здравого смысла» изрек мудрые слова: «Идеи могут быть побиты только лучшими идеями»³². Над этими словами следовало бы задуматься всем новоявленным критикам марксизма. Их дело безнадежно. Идей лучше и сильнее марксистских им не найти.

Нормативизм в США не привился широко. Более приемлемыми для американских дельцов сказались прагматические концепции права, особенно социологическая и реалистическая школа права. Но реакционная буржуазия не брезгает ничем

²⁹ Свою работу «Коммунистическая теория права» Кельзен заканчивает словами: «подлинная социальная наука возможна только при условии, если она не зависит от политики».

³⁰ *H. Kelsen, The Communist Theory of Law*, p. 57.

³¹ *Ibid*, p. 59.

³² «Правда», 6 ноября 1955 г.

в борьбе против прогрессивных сил общества, в борьбе против демократии и социализма. Как никогда раньше подтверждается справедливость слов В. И. Ленина, сказанных еще накануне первой мировой войны: «...Наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство»⁵⁵.

Наш общий вывод: В период прогрессивного развития капитализма буржуазия была в известной мере носителем передовых общественных идей. Ее идеологи в то время внесли определенный вклад в правовую науку. В период империализма положение существенно меняется. Империалистическая буржуазия становится носителем реакционных, уже в самой своей основе антинаучных взглядов. Особенно реакционной является американская финансовая олигархия.

Правовая наука в США превращена в прислужницу прихотей капиталистических монополий. Главная ее задача — оправдание наемного рабства, защита привилегий империалистической буржуазии. Значительная часть юристов США, занимающихся вопросами теории права, являются учеными приказчиками капиталистов. Их теоретические положения, выводы не являются объективными. Они не дают правильного представления о сущности и значении права. Им чужда и подлинно научная методология. Их взгляды могут быть охарактеризованы только как антинаучные.

Поскольку буржуазным юристам приходится иметь дело с реальными явлениями, постольку они сохраняют в какой-то мере связь с наукой. Приведенные в их трудах факты, а порою и анализ этих фактов могут представлять известный научный интерес. Достаточно быть знакомыми с капитальным трудом Хайда по международному праву, чтобы в этом убедиться. Но как только рассуждения этих юристов переходят в общетеоретическую плоскость и анализ фактов начинает подниматься на высоту, могущего затронуть интересы господствующего класса, мы тотчас наблюдаем характерное явление: они начинают искажать факты, истолковывая их в ложном свете; холодное показное беспристрастие уступает место пристрастию. И тут уж нельзя верить ни одному их слову.

Какова наша задача? Задача и поныне стоит так, как она была поставлена великим Лениным: «...и тут и там суметь

⁵⁵ В. И. Ленин, Собрание соч. т. 19, стр. 77.

усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками»... и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»³⁴.

Все сказанное показывает, насколько деградировала буржуазная правовая мысль в США. Только прогрессивные силы американского общества, борющиеся против реакции, выступают в защиту научных взглядов на право. Придет время, когда решающее слово в США будет принадлежать этим силам общества.

³⁴ В. И. Ленин. Соч. т. 14, стр. 328.

II

VALSTS TIESIBAS
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Juridisko zin. kand. E. Jostsons

PAR LATVIJAS PSR AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA KOMPETENCI.

Jautājumam par Padomju valsts organu kompetenci ir izcili svarīga teoretiska un praktiska nozīme. Valsts organa kompetenci veido to jautājumu kopums, kurus viņš ir pilnvarots izlemt pēc būtības. Kompetences raksturu iezīmē valsts organa vieta Padomju valsts aparatā, viņa konkrētie uzdevumi un izlemjamo jautājumu saturs. Valsts organu kompetenci regulē PSRS Konstitūcija, savienoto un autonomo republiku Konstitūcijas un virkne citu tiesisko aktu. Katra valsts organa kompetences precīzai juridiskai noteikšanai atsevišķi par sevi un sakarībā ar pārējiem (augstāk stāvošajiem un pakļautajiem) valsts orgāniem ir ārkārtīgi svarīga nozīme valsts aparāta precīzai un saskaņotai funkcionēšanai. Kompetences precizitātei ir jo sevišķi svarīga nozīme cīņai ar paralelismu un dažiem citiem vēl patlaban sastopamiem trūkumiem atsevišķu valsts aparāta posmu darbībā.

Padomju juridiskajā literatūrā līdz šim valsts organu kompetences jautājumam nav veltīta pienācīga uzmanība. Tas jo sevišķi sakāms par augstāko valsts varas organu kompetenci.¹ Augstākie valsts varas orgāni Padomju socialistiskās valsts organu sistēmā ieņem izcili svarīgu vietu. Viņi Komunistiskās partijas vadībā veic augstākās valsts varas pilnvaras: attiecīgi PSR Savienības, savienotās un autonomās republikas teritorijā. Tā ir augstākā valsts vadība.

Saskaņā ar PSRS Konstitūciju Padomju socialistiskās valsts augstāko valsts varas organu sistēmu veido šādi valsts orgāni: PSRS Augstākā Padome un tās Prezidijs, kuri veic augstākās valsts varas pilnvaras visā PSR Savienības teritorijā; savienoto un autonomo republiku Augstākās Padomes un to Prezidiji, kuri savukārt veic augstākās valsts varas pilnvaras attiecīgi savienotās un autonomās republikas teritorijā. Augstākās Padomes ir vienīgie likumdošanas orgāni; viņas darbojas sesiju veidīgi, t. i.,

¹ Журнал «Коммунист», 1956, № 11, стр. 18.

periodiski noturot savas sēdes. Augstāko Padomju sesiju starplaikā augstākās valsts varas pilnvaras veic Augstāko Padomju Prezidiji, kas darbojas pastāvīgi. Sakarā ar to Augstāko Padomju Prezidijus, atšķirībā no Augstākām Padomēm, nereti padomju juridiskajā literatūrā apzīmē par pastāvīgi darbojošajiem augstākajiem valsts varas orgāniem. Augstāko Padomju Prezidijus vēl apzīmē par Padomju koleģialiem Prezidentiem.

Šā apcerējuma nolūks ir pamatvilcienos iztirzāt dažus jautājumus, kuriem, manuprāt, ir svarīga nozīme Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetences juridiskai precizēšanai, pamatojoties uz PSRS Konstitūciju, Latvijas PSR Konstitūciju un dažiem citiem tekošās (Vissavienības un republikas) likumdošanas aktiem. Attiecīgie secinājumi un slēdzieni iztirzājamajos jautājumos vienlaikus var noderēt par pamatu arī pārējo savienoto republiku Augstāko Padomju Prezidiju kompetences juridiskai precizēšanai, ievērojot visu savienoto republiku Augstāko Padomju Prezidiju kompetenču lielo vienveidību.

Augstākās Padomes Prezidija kompetences jautājums ir visai complicēts, it īpaši ievērojot Prezidija attieksmes ar Augstāko Padomi un pārējiem (kā augstāk stāvošajiem, tā pakļautajiem) valsts orgāniem. Kompetences jautājuma pētniecībā svarīga nozīme ir Augstākās Padomes Prezidija darba praksei. Tomēr nevar neatzīmēt, ka šī prakse ne vienmēr ir konsekventi vienveidīga.² Tas, manuprāt, galvenokārt izskaidrojams tieši ar to, ka Prezidija kompetences jautājums nav pietiekami teoretiski izpētīts un nopamatots.

Kā katra valsts orgāna, tā arī Augstākās Padomes Prezidija kompetence un tās raksturs iezīmē šo valsts orgānu lomu Padomju socialistiskās valsts uzdevumu un funkciju realizācijā attiecīgajā laika posmā. Augstākās Padomes Prezidija kompetences jautājums ir nedalāmi saistīts ar Prezidija izdodamiem tiesiskiem aktiem (dekreti, lēmumiem), pie kam arī pēdējais jautājums padomju juridiskajā literatūrā nav pietiekami iztirzāts un apgaismots. Šajā apcerējumā Augstākās Padomes Prezidija izdodamie tiesiskie akti skarti tikai tiktāl, ciktāl tas nepieciešams apcerējumā izvirzīto tiešo jautājumu apgaismošanai un analīzei.

Runājot konkrēti par Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetenci, manuprāt, to veido jautājumu kopums, kurus var iedalīt četrās grupās. Zemāk sniegsim šo jautājumu grupu juridisko analīzi un pamatojumu.

² Mūsu republikā konstatēti gadījumi, kad atsevišķus Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē ietilpstošos jautājumus pēc būtības ir izlēmuši Prezidijam pakļautie valsts orgāni (E. J.).

Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetenci, tās juridisko pamatu noteic šādi akti: PSRS Konstitūcija, Latvijas PSR Konstitūcija un daži Vissavienības un republikas tekošās likumdošanas akti,³ kas savukārt pamatojas vai nu uz PSRS Konstitūciju, vai uz Latvijas PSR Konstitūciju.

Pirmo grupu veido jautājumi, kuri saskaņā ar Latvijas PSR Konstitūcijas tekstu tieši ietilpināti Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē.

Šajā grupā vispirmā kārtā ietilpst Latvijas PSR Konstitūcijas 31. pantā uzrādītie jautājumi.⁴ Proti, Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidijs saskaņā ar minēto pantu pilnvarots izlemt šādus jautājumus: sasaukt Latvijas PSR Augstākās Padomes sesijas; izdot dekretus; iztulkot spēkā esošos Latvijas PSR likumus; izdarīt visas tautas aptauju (referendumu); atcelt Latvijas PSR Ministru Padomes lēmumus un rīkojumus, kā arī rajonu un republikaniskās pakļautības pilsētu darbaļaužu deputātu Padomju lēmumus un rīkojumus, ja tie neatbilst likumam; Latvijas PSR Augstākās Padomes sesiju starplaikā, uz Latvijas PSR Ministru Padomes Priekšsēdētāja priekšlikuma, atbrīvot no amata un iecelt atsevišķus Latvijas PSR Ministrus, ar sekojošu iesniegumu Latvijas PSR Augstākai Padomei apstiprināšanai; nodibināt Latvijas PSR goda nosaukumus; realizēt tiesību apzēlot Latvijas PSR tiesu organu notiesātos pilsoņus; iecelt un atsaukt Latvijas PSR diplomātiskos pārstāvjus ārvalstīs; pieņemt ārvalstu akreditēto diplomātisko pārstāvju iecelšanas un atsaukšanas rakstus.

Pirmajā grupā ietilpst arī jautājumi, kas paredzēti Latvijas PSR Konstitūcijas 35., 37., 66. un 67. p. p., atskaitot 34. pantā uzrādīto jautājumu, kas zināmu apsvērumu dēļ ietilpināts trešajā grupā.

Aplūkojot jautājumu pirmo grupu, sīkāk iztīrājama Latvijas PSR Konstitūcijas 31. pantā ietvertā Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija pilnvara: izdot dekretus. No pirmā acumirkļa varētu likties, ka šāda pilnvara nav saistīta ar kādu konkrētu jautājumu kopumu, kas veido Prezidija kompetenci, iezīmē tās raksturu un saturu. Varētu domāt, ka minētā pilnvara nozīmē to, ka Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidijs ir tiesīgs izdot dekretus jebkurā jautājumā. Iedziļinoties lietas būtībā, jāsecina, ka tā tas tomēr nav. Augstākās Padomes Prezidija pilnvarā «izdot dekretus» nedalītā dialektiskā saistībā ir apvienoti divi momenti: saturs un forma. Proti, PSRS Konstitūcija precīzi noteic, kādas

³ Šeit termins «likumdošanas akti» lietots šā vārda plašākā nozīmē; tas aptver ne tikai likumus šā vārda tiešā nozīmē, bet arī dekretus (E. J.).

⁴ Latvijas PSR Konstitūcija (Pamatlikums), LVI, 1955.

formas tiesiskus aktus izdod attiecīgie valsts varas un valsts pārvaldes organi. Analogi noteikumi atrodami arī savienoto republiku Konstitūcijās, to skaitā arī Latvijas PSR Konstitūcijā. Proti: Augstākās Padomes pieņem likumus, Augstāko Padomju Prezidiji izdod dekretus, Ministru Padomes pieņem lēmumus un rīkojumus, Ministri izdod pavēles un instrukcijas, vietējo darbaļaužu deputātu Padomes un to izpildu un rīcības organi pieņem lēmumus un rīkojumus (PSRS Konstitūcijas 32., 39., 66., 73. un 98. p. p.; Latvijas PSR Konstitūcijas 23., 31., 41., 47., 55. un 64. p. p.). Minētās tiesisko aktu formas praktiskajā valsts organu darbā tiek aizpildītas ar atbilstošu saturu: likums — ar likumam atbilstošu, dekrets — ar dekretam atbilstošu utt. Katrai tiesiskā akta formai atbilstošais saturs jāiegūst no attiecīgā valsts varas vai valsts pārvaldes organa kompetences, t. i., no tā jautājumu koņuma, kurus šis valsts organs ir pilnvarots izlemt pēc būtības. Tātad, Augstākā Padome, pieņemot likumus, ietver tajos likuma formai atbilstošo saturu, vadoties no Augstākās Padomes kompetences; Augstākās Padomes Prezidijs, izdodot dekretus, savukārt ietver tajos dekreta formai atbilstošo saturu, vadoties no Augstākās Padomes Prezidija kompetences utt. No teiktā varam secināt, pirmkārt, ka dekrets ir Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija izdodamo tiesisko aktu forma, kas noteikta Latvijas PSR Konstitūcijā, un, otrkārt, ka šī tiesiskā akta forma nav atdalāma no tai atbilstošā satura, kādu noteic Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē ietilpstošie jautājumi. Šāds atbilstošs saturs ir jau arī ņemts vērā, nosakot tiesisko aktu formu Konstitūcijā. Šeit pie tam ir nepieciešams uzsvērt, ka saturam iepretim formai vienmēr ir p r e v a l ē j o š s raksturs.

Tikko izteikto argumentāciju apstiprina arī tas apstākļis, ka Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetences paplašināšana vienmēr ir iezīmējusies ar jaunu jautājumu ieslēgšanu tajā. Tā, piemēram, saskaņā ar Latvijas PSR Augstākās Padomes 1944. g. 6. oktobra likumu «Par Latvijas PSR koprepublikaniskā Ārlietu Tautas Komisariāta nodibināšanu»⁵ Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetence tika papildināta ar šādiem jautājumiem, kurus līdz tam Prezidijs nebija pilnvarots izlemt, proti: iecelt un atsaukt Latvijas PSR diplomātiskos pārstāvjus ārvalstīs, pieņemt ārvalstu akreditēto diplomātisko pārstāvju iecelšanas un atsaukšanas rakstus. Ar to attiecīgi tika paplašināta Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetence. Ja Augstākās Padomes Prezidija pilnvara «izdot dekretus» aptvertu Prezidija tiesību izdot dekretus jebkurā jautājumā, tad

⁵ Sk. Latvijas PSR Augstākās Padomes trešā sesija 1944. gada 5.—6. oktobrī, VAPP, Rīgā, 1945., 81.—82. lpp.

tikko uzrādītais papildinājums Prezidija kompetencē būtu bijis pilnīgi lieks.

Otro grupu veido jautājumi, kas izriet no Latvijas PSR Konstitūcijas 19. panta un dažiem Vissavienības un republikas tekošās likumdošanas aktiem, kas savukārt pamatojas attiecīgi vai nu uz PSRS Konstitūciju, vai arī uz Latvijas PSR Konstitūciju.

Latvijas PSR Konstitūcijas 19. pantā noteikts, ka Latvijas PSR pārziņai tās augstāko valsts varas organu un valsts pārvaldes organu personā⁶ piekrist: Latvijas PSR Konstitūcijas noteikšana un uzraudzība par tās ievērošanu; Latvijas PSR administratīvi teritorialā iedalījuma, kā arī rajonu, pilsētu, ciematu un ciemu Padomju robežu noteikšana; Latvijas PSR likumdošana; valsts kārtības un pilsoņu tiesību aizsardzība; Latvijas PSR valsts budžeta un tā izpildījuma pārskata apstiprināšana utt.

Minētajā Latvijas PSR Konstitūcijas pantā nav tieši precizēts, kādi no tur uzrādītajiem jautājumiem ietilpst tā vai cita republikas augstākā valsts varas vai valsts pārvaldes organa kompetencē. Šādu precizējumu kompetences sadales ziņā starp 19. panta ievaddaļā minētajiem valsts organiem daļēji atrodam vai nu dažos citos Latvijas PSR Konstitūcijas pantos (piem., 31., 43., 73., 75. u. c. p. p.), vai arī atsevišķos Vissavienības un republikas tekošās likumdošanas aktos (likumos, dekretos).

Izvirzītās tezes apstiprināšanai uzrādīsim dažus piemērus no Vissavienības un republikas tekošās likumdošanas.

Piemēram, Latvijas PSR Konstitūcijas 19. panta «v» pk-tā ietverts šāds jautājums: Latvijas PSR pilsonības tiesību piešķiršana. Latvijas PSR Konstitūcijā nav noteikts, kāds republikas augstākais valsts varas vai pārvaldes organs būtu pilnvarots izlemt minēto jautājumu pēc būtības. Uz to atbildi rodam vienīgi attiecīgajā Vissavienības likumdošanas aktā. Proti, vadoties no PSRS 1938. g. 18. augusta likuma «Par Padomju Socialistisko Republiku Savienības pilsonību»⁷ 3. panta, jāsecina, ka Latvijas PSR pilsonības tiesību piešķiršana ietilpst Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē. Tātad, minētais Vissavienības likumdošanas akts Latvijas PSR Konstitūcijas 19. panta «v» pk-tā uzrādīto jautājumu ietilpina Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē. Tādējādi tiek izdarīta kompetences sadale starp Konstitūcijas 19. panta ievaddaļā uzrādītajiem republikas valsts organiem konkrētajā jautājumā.

Dažos citos gadījumos attiecīgie Vissavienības vai republikas

⁶ Seit domāti šādi republikas valsts organi: Latvijas PSR Augstākā Padome, tās Prezidijs un Latvijas PSR Ministru Padome (E. J.).

⁷ «PSRS Augstākās Padomes Ziņotājs», 1938. g., Nr. 11.

likumdošanas akti ietilpina Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē arī tādus jautājumus, kas tieši nav uzrādīti Latvijas PSR Konstitūcijas 19. pantā. Protams, arī šie likumdošanas akti pamatos dibinās attiecīgi vai nu uz PSRS Konstitūciju, vai uz Latvijas PSR Konstitūciju.

Tā, piemēram, saskaņā ar PSRS Augstākās Padomes Prezidija 1944. g. 18. augusta dekretu «Par Nolikuma par Goda nosaukuma «Māte varone», I, II un III pakāpes ordeņa «Mātes slava», I un II pakāpes medaļas «Mātes medaļa» statutu, nolikuma un apraksta apstiprināšanu»⁸, savienoto un autonomo republiku Augstāko Padomju Prezidijiem piešķirtas plašas pilnvaras daudz bērnu māšu apbalvošanas jautājumos. Piemēram, ar ordeni «Mātes slava» apbalvo savienoto un autonomo republiku Augstāko Padomju Prezidiji PSRS Augstākās Padomes Prezidija vārdā (apbalvošanu pēc tam apstiprina PSRS Augstākās Padomes Prezidijš); ar medaļu «Mātes medaļa» apbalvo savienoto un autonomo republiku Augstāko Padomju Prezidiji PSRS Augstākās Padomes Prezidija vārdā (apbalvošana nav apstiprināma PSRS Augstākās Padomes Prezidijā). Tātad, minēto apbalvošanas jautājumu izlemšana arī ietilpst Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē.

Varētu uzrādīt vēl dažus Vissavienības likumdošanas aktus, no kuriem izriet apstiprinājums izvirzītai tezei. Piemēram, PSRS Augstākās Padomes 1938. g. 16. augusta likums «Par PSR Savienības, savienoto un autonomo republiku tiesu iekārtu».⁹ Saskaņā ar šā likuma 18. pantu kriminalvajāšanas ierosināšanu pret tautas tiesnešiem, novadu, apgabalu, apriņķu un autonomo apgabalu tiesu locekļiem un savienoto vai autonomo republiku Augstāko tiesu locekļiem, viņu atstādināšanu sakarā ar to no amata un nodošanu tiesai — izdara, pēc savienotās republikas prokurora lēmuma, ar savienotās republikas Augstākās Padomes Prezidija sankciju. Tātad, arī šo jautājumu izlemšanu specialais likums ietilpina Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē.

Izvirzītai tezei apstiprinājums secināms arī no atsevišķiem mūsu republikas likumdošanas aktiem.

Piemēram, Latvijas PSR Konstitūcijas 35. pants nosaka, ka pēc Latvijas PSR Augstākās Padomes pilnvaru izbeigšanās Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidijš n o t e i c j a u n a s v ē l ē š a n a s ne vēlāk par diviem mēnešiem pēc Latvijas PSR Augstākās Padomes pilnvaru izbeigšanās dienas. Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija nekādas citas pilnvaras šajā jautājumā

⁸ Rokas grāmatā darbaļaužu deputātu Padomju izpildkomitejām, LVI, 1950., II sēj., 333.—335. lpp.

⁹ «PSRS Augstākās Padomes Ziņotājs», 1938. g., Nr. 28.

Republikas Konstitūcijā nav sīkāk reglamentētas. Pievēršoties Nolikumam par Latvijas PSR Augstākās Padomes vēlēšanām (apst. ar Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija 1950. g. 12. decembra dekretu)¹⁰, redzam, ka Vēlēšanu Nolikumā atrodama virkne dažādu jautājumu, kuru izlemšana ietilpināta Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē. Piemēram, dažādu vēlēšanu dokumentu paraugu apstiprināšana (vēlēšanu sarakstu, «Apliecības par tiesību balsot» u. c. dokumentu; Vēlēšanu Nolikuma 18. un 21. p. p.), vēlēšanu apgabalu izveidošana (Vēlēšanu Nolikuma 26. p.), vēlēšanu komisiju apstiprināšana (Vēlēšanu Nolikuma 36. un 40. p. p.) utt. Vairāki analogi un tāpat atšķirīgi jautājumi, kas ietilpināti Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē, atrodami arī Nolikumā par Latvijas PSR rajonu, pilsētu, pilsētu rajonu, ciematu un ciemu darbaļaužu deputātu Padomju vēlēšanām (apst. ar Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija 1954. g. 21. decembra dekretu)¹¹ un dažos citos republikas likumdošanas aktos.¹² Ipatnēji ir tas, ka uzrādītajos un dažos citos gadījumos Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidijs ar paša izdotajiem tiesiskiem aktiem regulē savu kompetenci, papildinot to ar jauniem jautājumiem.

Tomēr nepareizi būtu secināt, ka Latvijas PSR Konstitūcijas 19. pantā uzrādītie jautājumi visos gadījumos attiecīgi ietilptu vienīgi tā vai cita republikas augstākās valsts varas vai pārvaldes organa kompetencē. Nav grūti pārliecināties, ka daudzi no 19. pantā uzrādītajiem jautājumiem vienlaikus ietilpst vairāku vai pat visu republikas augstāko valsts varas vai pārvaldes organu kompetencē. Tas, protams, nav jāsaprot burtiski, bet gan atbilstoši šo valsts organu vietai republikas valsts organu sistēmā, to konkrētiem uzdevumiem. Piemēram, Augstākā Padome un tās Prezidijs attiecīgos jautājumus kārtot augstākās valsts vadības formā, turpretim Ministru Padome — augstākās valsts pārvaldes formā, nereti pamatojoties uz Augstākās Padomes likumu vai tās Prezidija dekretu attiecīgajā jautājumā u. tml. (piem., veselības aizsardzības lietu vadības, sociālās nodrošināšanas lietu vadības u. c. jautājumos; sk. Latvijas PSR Konstitūcijas 19. panta «o», «p» u. c. pk. čk.) Tāpat uzraudzību (kontroli) par Latvijas PSR Konstitūcijas ievērošanu (19. panta «a» pk.) veic ir republikas augstākie valsts varas, ir valsts pārvaldes organi. Vēl vairāk: šādu konstitūcionalās uzraudzības (kontroles)

¹⁰ Nolikums par Latvijas PSR Augstākās Padomes vēlēšanām, LVI, 1954. g.

¹¹ Nolikums par Latvijas PSR rajonu, pilsētu, pilsētu rajonu, ciematu un ciemu darbaļaužu deputātu Padomju vēlēšanām, LVI, 1954. g.

¹² Nolikums par Latvijas PSR Tautas tiesu vēlēšanām u. c. (E. J.).

funkciju veic arī vietējie valsts varas un valsts pārvaldes organi (vietējās Padomes un to izpildu un rīcības organi), atbilstoši viņu uzdevumiem, kompetencei, darbības metodēm un formām. Istenībā tāda uzraudzība ir visu republikas valsts organu svētš pienākums, ko prasa socialistiskās likumības stingras ievērošanas nodrošināšana visās mūsu valsts un sabiedriskās dzīves nozarēs.

Vairākus Latvijas PSR Konstitūcijas 19. pantā uzrādītos jautājumus daļēji kārtō viens vai otrs no minētā panta ievad- daļā uzrādītajiem republikas augstākajiem valsts orgāniem. Piemēram, raksturīgi atzīmēt republikas administratīvi teritorialā iedalījuma jautājumu kārtōšanas praksi. Proti, šos jautājumus, kas ietverti Latvijas PSR Konstitūcijas 19. panta «b» pk-tā, zināmos gadījumos galīgi izlemj Latvijas PSR Augstākā Padome, bet citos gadījumos — Augstākās Padomes Prezidijs. Ja izmaiņām republikas administratīvi teritorialajā iedalījumā ir tāds raksturs, kas prasa grozījumu izdarīšanu Latvijas PSR Konstitūcijas tekstā, tad šādu jautājumu galīga izlemšana ietilpst Latvijas PSR Augstākās Padomes kompetencē (piem., jaunu rajonu nodibināšana, atsevišķu jau pastāvošo rajonu apvienošana republikā u. tml.). Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija dekreti, kas neatliekamības gadījumos pieņemti minētajos jautājumos, obligāti jāiesniedz Latvijas PSR Augstākai Padomei apstiprināšanai. Ja turpretim izmaiņas administratīvi teritorialajā iedalījumā neprasa grozījumu vai papildinājumu izdarīšanu Latvijas PSR Konstitūcijas tekstā, tad šādu jautājumu galīgā izlemšana ietilpst Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetencē.

Trešo grupu veido jautājumi, kas vienlaikus ietilpst kā Latvijas PSR Augstākās Padomes, tā arī tās Prezidija kompetencē¹³.

Piemēram, Latvijas PSR Konstitūcijas 34. pantā noteikts, ka Latvijas PSR Augstākās Padomes deputatu nevar saukt pie tiesas atbildības vai apcietināt bez Latvijas PSR Augstākās Padomes piekrišanas, bet Latvijas PSR Augstākās Padomes sesiju starplaikā — bez Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija piekrišanas. No teiktā varam secināt, ka minētā jautājuma izlemšana vienlaikus ietilpst kā Latvijas PSR Augstākās Padomes, tā arī tās Prezidija kompetencē. Izšķirošā nozīme ir tam apstāklim, vai apskatāmā jautājuma izlemšana iekrīt Augstākās Padomes sesijas laikā, vai sesiju starplaikā. Augstākās Padomes apstiprinājums šādam Prezidija lēmumam netiek prasīts. Gluži citāds stāvoklis ir Latvijas PSR Konstitūcijas 31. panta «f» pk-tā uzrādīto jautājumu kārtōšanā, kas ietilpst pirmajā grupā. Proti, Aug-

¹³ Atskaitot jautājumus, kas secināmi no Latvijas PSR Konstitūcijas 19. panta (E. J.).

stākās Padomes Prezidija dekreti par ministru iecelšanu vai atbrīvošanu no amata obligāti iesniedzami Augstākai Padomei apstiprināšanai. Tomēr no pēdējā vien nevar secināt, ka ministru iecelšanas un atbrīvošanas jautājumu izlemšana pēc būtības ietilptu Augstākās Padomes kompetencē. Šāds secinājums vispirmā kārtā neatbilstu 31. panta «f» pk. tiešajam saturam. Bez tam no Latvijas PSR Konstitūcijas 38. panta izriet, ka Latvijas PSR Augstākās Padomes izņēmuma kompetencē ietilpst Latvijas PSR Valdības sastādīšana, bet nevis tās atsevišķu ministru iecelšana vai atbrīvošana no amata. Republikas Valdības sastādīšana ir pavisam cits jautājums, salīdzinot ar atsevišķu ministru atcelšanas un iecelšanas jautājumu. Latvijas PSR Konstitūcijas 31. panta «f» pk-tā ietvertais noteikums par Prezidija izdoto šādu dekretu iesniegšanu Augstākai Padomei apstiprināšanai raksturo vienīgi Augstākās Padomes un tās Prezidija savstarpējās attiecības, Prezidija pakļautību un atbildību Augstākai Padomei. Jo vairāk tas ir tāpēc, ka minētie dekreti skar Augstākās Padomes sastādītās Valdības sastāvu. Ir svarīgi, lai Augstākā Padome dekretu apstiprināšanas formā kontrolētu sev pakļautā orgāna — Prezidija darbību. No šā apstākļa kaut ko citu secināt nav iespējams. Jāņem arī vērā, ka Augstākā Padome ir kompetenta apstiprināt Prezidija izdotos dekretus jebkurā jautājumā. Bet no tā, protams, ņav pamata secināt, ka visos šādos gadījumos Prezidija izdotie dekreti attiektos uz jautājumiem, kas ietilptu tieši Augstākās Padomes kompetencē.

Trešajā grupā ietilpst arī jautājumi, kas izriet no Latvijas PSR Konstitūcijas 40. panta, kurā noteikts, ka Latvijas PSR Ministru Padome ir atbildīga Latvijas PSR Augstākai Padomei, bet Latvijas PSR Augstākās Padomes sesiju starplaikā — Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidijam. No šīs Latvijas PSR Ministru Padomes atbildības Latvijas PSR Augstākai Padomei un sesiju starplaikā Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidijam — secināma virkne jautājumu, kas ietilpst kā Augstākās Padomes, tā arī tās Prezidija kompetencē (gan dažādos laikos). Piemēram, tiesība kontrolēt Ministru Padomes darbību, noklausīties Ministru Padomes atskaites par viņas darbību visumā vai atsevišķos jautājumos u. tml. Rezultatā Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidijs ir tiesīgs pieņemt konkrētus lēmumus un dot nepieciešamus norādījumus Ministru Padomei.

Pēdējo, t. i., ceturto grupu veido jautājumi, kas ietilpst Latvijas PSR Augstākās Padomes kompetencē¹⁴, un kurus, galvenokārt, neattieka mos gadījumos Augstākās Padomes

¹⁴ Seit domāta Latvijas PSR Augstākās Padomes *parastā* un *izņēmuma* kompetence (E. J.).

sesiju starplaikā izlemj Prezidijs. Visi šādos jautājumos izdotie dekreti obligāti apstiprināmi Augstākās Padomes sesijā. Tā ir īpašā veidā Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetence, jo tā ir atvasināta no Latvijas PSR Augstākās Padomes kompetences. Šī kompetence pamatojas uz Prezidija attieksmēm ar Augstāko Padomi, ko regulē PSRS Konstitūcija un uz tās pamata apstiprinātā Latvijas PSR Konstitūcija.

Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija darbības praksē ir sastopami daudzi gadījumi, kad Prezidijs ir izdevis dekretus jautājumos, kas ietilpst Latvijas PSR Augstākās Padomes kompetencē¹⁵. Nereti šiem dekretiem nepieciešams Augstākās Padomes apstiprinājums aiz tā iemesla, ka no tiem izriet nepieciešamība izdarīt grozījumus vai papildinājumus Latvijas PSR Konstitūcijā. No konstitucionalā viedokļa tādi dekreti, kas ir vērsti uz Latvijas PSR Konstitūcijas grozīšanu vai papildināšanu, Prezidijam būtu jāizdod tikai neaizskāmo gadījumos. Ja tādi apstākļi nepastāv, Augstākās Padomes Prezidijam vajadzētu aturēties no šādu dekretu izdošanas un sasaukt Augstākās Padomes sesijas attiecīgo jautājumu izlemšanai. Šāda kārtība, kas atbilst Latvijas Konstitūcijas prasībām, padarīs arī daudzpusīgāku un bagātāku Augstākās Padomes darbību. Virkni jautājumu, kas ietilpst Latvijas PSR Augstākās Padomes izņēmuma kompetencē, nekādos apstākļos nevar izlemt Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidijs. Šeit, piemēram, atzīmējami jautājumi, kas uzrādīti Latvijas PSR Konstitūcijas 26., 32., 38., 73., 74., 75. un dažos citos pantos.

*

Tādas, īsi skicējot, ir jautājumu grupas, kuras kopumā, manuprāt, principiāli un pietiekami pilnīgi iezīmē Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetenci un tās tiesiskos pamatus.

Šo apcerējumu sniedzu kā ierosinājumu juridiski precizēt un pamatot Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetenci. Vispusīgāka apskatāmā jautājuma analīze iespējama plašākā monografijā.

¹⁵ Piem., 1949. g. 31. decembra dekrets «Par lauku rajonu nodibināšanu Latvijas PSR sastāvā» («LPSR APP Ziņotājs», 1949, Nr. 135) u. c.

III

**KRIMINALTIESĪBAS
UN PROCESS**

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И ПРОЦЕСС**

Канд. юрид. наук М. И. Блум

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПНУЮ ХАЛАТНОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Важнейшим условием успешного выполнения задач, поставленных XX съездом КПСС, является дальнейшее укрепление советского государственного аппарата, повышение уровня его организационной работы и роли в хозяйственном и культурном строительстве, в деле коммунистического воспитания трудящихся.

От деятельности государственного аппарата в огромной мере зависит повышение творческой активности трудящихся во всех областях социалистического строительства, планомерное внедрение в промышленность, транспорт и сельское хозяйство новейших достижений науки, техники, передового опыта, решение задач технического прогресса, механизации сложнейших и трудоемких работ, внедрение автоматики, радиотехники, телемеханики, электроники. От уровня работы Советов депутатов трудящихся, от активизации деятельности всего административно-управленческого аппарата зависит дальнейшее развитие социалистического демократизма, вовлечение миллионов людей в сознательное управление государством, предприятиями и хозяйственными организациями.

«Без слаженного, хорошо организованного, близкого к народу и четко работающего аппарата, — указывал тов. Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии, — нельзя управлять никакими участками социалистического строительства»¹.

Для выполнения стоящих перед советским государственным аппаратом задач необходимо добросовестное выполнение своих обязанностей каждым из работников советского государствен-

¹ Н. С. Хрущев, Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, М., 1956 г., стр. 107.

ного аппарата, искоренение канцелярско-бюрократического стиля в работе, изыскание новых форм дальнейшего развития инициативы трудящихся.

Одной из неотложных задач нашей партии и правительства является совершенствование организационной структуры и форм деятельности советского государственного аппарата, укрепление советской законности, осуществление борьбы с бюрократизмом, фактами невнимательного отношения к нуждам населения, нарушением государственной дисциплины.

В этой связи особое значение приобретает разработка некоторых правовых проблем, связанных с осуществлением уголовно-правовой борьбы с отдельными видами должностных преступлений, в том числе с преступной халатностью должностных лиц и бюрократизмом.

Следует учесть малую разработанность состава преступной халатности в теории советского уголовного права. Этому составу посвящены только соответствующие разделы учебников по уголовному праву и брошюр, которые недостаточно четко излагают природу и признаки указанного преступления.

Разработкой состава бюрократизма наука советского уголовного права в последние годы не занималась, поэтому этот вопрос является наименее исследованным. Целый ряд спорных вопросов, связанных с определением признаков состава преступной халатности и бюрократизма, не способствует единообразному применению советских законов судами, приводит к нарушениям советских законов, ущемлению прав и интересов советских граждан.

Этим и определяется актуальность поднятого вопроса в свете выдвинутых XX съездом КПСС задач дальнейшего всемерного укрепления социалистической законности.

Преступная халатность, как одно из должностных преступлений, является преступлением в области деятельности государственного аппарата со стороны лиц, принадлежащих к этому аппарату, поэтому представляет значительную опасность для его функционирования и осуществления возложенных на него задач.

Свою хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную функцию, как и другие свои функции Советское государство осуществляет через органы государственного управления, через свой аппарат.

«Без «аппарата», — писал В. И. Ленин, — мы бы давно погибли»². При помощи разветвленного аппарата управления государство осуществляет народнохозяйственные планы, орга-

² В. И. Ленин, Соч. т. 32, изд. 4-е, стр. 301.

низует труд миллионов людей во всех отраслях нашего хозяйства и культуры.

Перед различными по своему характеру советскими учреждениями стоят и различные задачи. Но любое учреждение, будь то министерство или отдел райисполкома, трест или заводоуправление, являясь частицей государственного механизма, должно отличаться высокой организованностью, плановостью и дисциплиной, ибо в нем концентрируется руководство предприятиями, новостройками, планирование и учет, снабжение материальными ресурсами, изучение передового опыта, разработка технических новшеств.

В. И. Ленин указывал, что «для успешного управления необходимо... уметь практически организовать». «Это, — говорил В. И. Ленин, — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей»³.

От четкой и слаженной работы всех звеньев государственного аппарата зависит успешное осуществление политики Коммунистической партии и Советского правительства. В письме Советским учреждениям в декабре 1921 года В. И. Ленин писал: «Машина советской администрации должна работать аккуратно, честно, быстро...»⁴

За годы существования Советского государства усовершенствовался и окреп государственный аппарат, неизмеримо повысилась организующая и руководящая роль всех его звеньев, вся его деятельность пронизана политикой Коммунистической партии.

«... Не отрывать администрирования от политики», — вот в чем усматривал задачу правильной деятельности государственного аппарата В. И. Ленин⁵.

Советская власть выдвинула из народа и призвала к служению государству и народу способных организаторов и руководителей в различные звенья государственного аппарата.

Должностным лицам государство вверяет огромные материальные ценности, доверяет представлять государство внутри страны и в сношениях с иностранными государствами. Им доверяется достоиние всего народа, плод труда миллионов советских людей. Высокий идейно-политический уровень и марксистско-ленинская сознательность советских служащих обеспечивает успех их работы.

Однако некоторые должностные лица проявляют непозволительное равнодушие к общественному долгу, забывают об

³ В. И. Ленин, Соч. т. 27, изд. 4-е, стр. 214.

⁴ Ленинский сборник т. XXXIV, стр. 429.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 33, изд. 4-е, стр. 268.

ответственности перед советским народом, перед государством, которое их воспитало и выдвинуло на руководящую работу.

В нашем государственном аппарате имеются случаи нарушения государственной дисциплины, злоупотребления своим служебным положением, недобросовестного и небрежного отношения работников к выполнению своего служебного долга, недобросовестного отношения к государственным интересам и интересам трудящихся. В некоторых звеньях государственного аппарата не изжиты еще и бюрократические методы работы.

Халатность должностных лиц проявляется в недостаточно честном отношении к общественному долгу, в нарушении государственной дисциплины, оставлении своей работы в запущенном состоянии, нежелании подчинить свои интересы интересам общества, интересам социалистического государства. Такое нетерпимое отношение к служебным обязанностям порождается аполитичностью и обывательской рутинной, ибо глубокое понимание политики нашей партии и правительства, интересов государства обостряет чувство долга перед Родиной, чувство ответственности за порученное дело.

Коммунистическая партия и Советское правительство на всем протяжении существования советской власти ведут неустанную борьбу за четкую, слаженную работу государственного аппарата, борьбу с преступлениями должностных лиц, в том числе с преступной халатностью.

С первых же дней существования Советского государства советский государственный аппарат являлся ареной ожесточенной классовой борьбы. Наряду с контрреволюционным чиновничеством, саботировавшим мероприятия советской власти, в первые годы после Октябрьской революции особенно сильна была мелкобуржуазная стихия, — наследие только что свергнутого капитализма. Пережитки капитализма в сознании большей части служащих государственного аппарата и являлись причиной всевозможных должностных преступлений. После победы социалистической революции начался сложный и длительный процесс борьбы с злоупотреблениями чиновников и одновременно процесс их идейного перевоспитания.

Наряду с этим формировалась новая интеллигенция из рабочих и крестьян.

Уже первые декреты советской власти говорят о двух источниках преступности должностных лиц: злостно преступном отношении к интересам народа со стороны высших чиновников и легкомысленном отношении к работе. Эти декреты дают определение целого ряда должностных преступлений, упоминают несколько конкретизированных составов преступной халатности,

предусматривающих уголовную ответственность за халатность в отдельных отраслях государственного управления, предусматривают необходимость борьбы с волокитой и бюрократизмом.

Однако декреты первых двух лет советской власти указывают лишь на общественную опасность преступной небрежности, бюрократизма и волокиты, не определяя признаков состава самого преступления.

Но уже декретом СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах»⁶ и декретами 1920—1922 годов раскрывается содержание преступной халатности, устанавливается уголовная ответственность за преступную халатность, проявленную в наиболее важных участках управления социалистическим народным хозяйством.

Борьба с преступной халатностью в этот период имеет особенно существенное значение, потому что небрежность должностных лиц использовалась нэпманами и спекулянтами и причиняла серьезный ущерб развитию социалистического народного хозяйства.

В. И. Ленин на IX Всероссийском Съезде Советов требовал от Наркомюста, чтобы нарсуды обратили больше внимания на судебное преследование хозяйственной нераспорядительности, бюрократизма и волокиты⁷.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в статье, предусматривающей состав преступной халатности, дает общее понятие преступно халатного отношения к службе.

Преступная халатность определяется как невнимательное или небрежное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медлительность в производстве дел, беспорядочность в делопроизводстве и отчетности или иные упущения по службе.

Некоторые изменения в определение преступной халатности должностных лиц были внесены постановлением II сессии ВЦИК X созыва от 10 июня 1923 г.⁸ Уголовный кодекс РСФСР 1922 года предусматривал суровые меры наказания за должностные преступления и, в частности, за преступную халатность должностных лиц. «Мы будем беспощадны как к нашим врагам, — говорил В. И. Ленин, так и по отношению ко всем колеблющимся и вредным элементам из нашей собственной среды, которые осмелятся внести дерзорганизацию в нашу тяжелую

⁶ См. С У, 1919 г., № 56, ст. 537.

⁷ См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, изд. 4-ое, стр. 155.

⁸ См. С У, 1923 г., № 48, ст. 479.

творческую работу по строительству новой жизни трудового народа»⁹.

В ноябре 1926 года был принят новый переработанный уголовный кодекс РСФСР, на основании которого и в настоящее время определяется уголовная ответственность за преступную халатность должностных лиц. Некоторые изменения были внесены только постановлением ВЦИК и СНК СССР от 28 мая 1928 г.¹⁰

По мере роста могущества нашей Родины и постепенного перехода от социализма к коммунизму особенно важное значение приобретает борьба за неуклонное выполнение советских законов работниками государственного аппарата, борьба за строгую трудовую и государственную дисциплину, за выполнение государственного и общественного долга, борьба против волокиты и бюрократизма, равнодушия к нуждам трудящихся.

В резолюции XX съезда КПСС по отчетному докладу ЦК КПСС сказано, что съезд «обязывает все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, произвола, нарушения социалистического правопорядка»¹¹.

Преодоление преступной халатности должностных лиц является одним из средств улучшить деятельность государственного аппарата. Решающая роль в борьбе с преступной халатностью должностных лиц принадлежит организационно-воспитательным мероприятиям Коммунистической партии и Советского государства, обеспечивающим правильный подбор и расстановку кадров, рост политического и культурного уровня должностных лиц, дальнейшее развитие критики снизу и самокритики, контроль и проверку исполнения, укрепление государственной дисциплины.

Одни только меры уголовно-правового характера не могут, конечно, обеспечить успешность борьбы с преступной халатностью должностных лиц, в особенности предупреждение этих преступлений. Однако в борьбе с преступной халатностью должностных лиц, наряду с организационными мероприятиями и мерами административного и дисциплинарного характера, существенную роль должно сыграть и советское уголовное право.

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, изд. 4-е, стр. 206.

¹⁰ См. С У, 1928 г., № 139, ст. 907.

¹¹ Резолюция XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС, Госполитиздат. 1956 г., стр. 25.

1. ПОНЯТИЕ И СОСТАВ ПРЕСТУПНОЙ ХАЛАТНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Уголовная ответственность за преступную халатность должностных лиц предусмотрена ст. ст. 111 и 112 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

Преступная халатность определяется как небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе.

Ответственность за преступную халатность зависит от характера самого упущения, а также от степени тяжести наступивших в результате небрежно или недобросовестно выполненного служебного долга последствий.

По степени общественной опасности законодатель различает три вида преступной халатности должностных лиц (ст. 111, ч. I и ч. II, ст. 112 УК РСФСР) в то же время указывая на то, что те служебные упущения и проступки, которые по степени серьезности не требуют применения мер наказания, влекут дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности (примечание 1 к ст. 112 УК РСФСР).

В свете Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии», в котором указывается на необходимость пересмотра действующего уголовного законодательства в целях замены в дальнейшем уголовной ответственности дисциплинарной и административной ответственностью за менее опасные виды должностных преступлений, должен быть поставлен вопрос об отказе от уголовной ответственности за менее опасные виды преступной халатности и об установлении грани между должностным преступлением и дисциплинарным проступком в самом законе. Это верный путь укрепления социалистической законности в работе органов советского суда и прокуратуры.

Следует отметить, что уголовные кодексы некоторых союзных республик предусматривают еще конкретизированные составы преступной халатности. Так, например, уголовные кодексы УССР, Узб. ССР, Груз. ССР, предусматривают в качестве самостоятельного состава преступления состав бюрократизма.

Для того, чтобы обеспечить правильное применение советского закона в борьбе с различными формами проявления преступной халатности должностных лиц, установить соотношение между отдельными составами преступной халатности, наметить пути дальнейшего развития законодательства Латвийской ССР

по данному вопросу, необходимо вскрыть социально-политическую природу и дать юридическую характеристику данного преступления, что может быть сделано только путем тщательного анализа всех признаков состава преступной халатности должностных лиц.

§ 1. Объект преступной халатности

Правильно определить объект преступления — это задача не только юридическая, но прежде всего политическая, ибо объект преступления больше других элементов определяет общественную опасность того или иного деяния. Поэтому для определения степени общественной опасности определенного преступления или целой группы преступлений необходимо установить, на какой объект они посягают или какие правоохраненные интересы государства ставят в опасность.

Еще «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» в ст. 6 указывали, что преступление есть «действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений»¹².

Из этого следует, что объектом любого преступления, направлено ли оно против основ социалистического строя, социалистической собственности или личности граждан, являются социалистические общественные отношения, охраняемые нормами советского уголовного права от существенного вреда¹³.

Для определения объекта конкретного преступления и определенной группы преступлений необходимо исходить из общего объекта преступлений — социалистических общественных отношений. Это положение надо учесть также при определении объекта должностных преступлений.

В советской уголовно-правовой литературе понятие объекта должностных преступлений не нашло единообразного определения.

Правильным представляется определение объекта должностных преступлений, данное проф. Трайниным, который объектом должностных преступлений считает правильную, отвечающую интересам социалистического строительства работу государственного и общественного аппарата¹⁴.

Это определение объекта должностных преступлений действительно отражает тот общественный интерес, которому причи-

¹² С У, 1919 г., № 66, ст. 590.

¹³ См. Б. С. Никифоров, «Об объекте преступления по советскому уголовному праву», Советское государство и право, 1956 г., № 6, стр. 62.

¹⁴ См. А. Н. Трайнин, Должностные и хозяйственные преступления, М., 1938 г., стр. 7.

няется ущерб должностными преступлениями. Однако следует признать необходимым внести в это определение некоторое уточнение, раскрыть в самом определении содержание «правильной работы» государственного аппарата. Поскольку еще до сих пор имеют место отдельные попытки противопоставления целесообразной деятельности государственного аппарата деятельности, непосредственно диктуемой велением советского закона, следует в самом определении объекта должностных преступлений специально подчеркнуть, что только такая деятельность советского государственного аппарата отвечает интересам социалистического строительства, которая основывается на строгом соблюдении советских законов.

В советском законе выражена воля всего советского народа, политика Коммунистической партии, дана гарантия охраны священных прав советских граждан. Только точное соблюдение советских законов обеспечивает четкую, бесперебойную и правильную работу советского государственного аппарата.

Каждое послабление законности в любом из звеньев государственного аппарата может быть сопряжено с ущемлением прав граждан, а вместе с тем с причинением огромного вреда советскому государству, т. е. несовместимо с понятием правильной работы государственного аппарата.

Таким образом объектом должностных преступлений является основанная на точном и неуклонном соблюдении и исполнении советских законов и тем самым отвечающая интересам коммунистического строительства работа государственного аппарата, которая охраняется советским уголовным правом от существенного нарушения.

Правильная деятельность советского государственного аппарата определяется существующими в нашей стране общественными отношениями, которые определяют и особенности механизма Советского государства.

Важнейшей характерной особенностью механизма социалистического государства является то, что механизм диктатуры рабочего класса состоит не только из государственных организаций, но и из разного рода общественных организаций трудящихся.

Для Советского государства характерно активное участие народных масс в управлении государством, теснейшая связь государственного механизма с народом.

В. И. Ленин указывал на необходимость учета того, что в советском государственном аппарате «имеется сложная система нескольких зубчатых колес и не может быть простой системы,

ибо нельзя осуществлять диктатуры пролетариата через поголовно организованный пролетариат. Нельзя осуществлять диктатуры без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся»¹⁵.

Совокупность этих «зубчатых колес», по мнению В. И. Ленина, и составляет систему диктатуры пролетариата — «формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса.»¹⁶

Основной направляющей силой в системе диктатуры пролетариата является Коммунистическая партия — авангард рабочего класса, призванный объединить и направлять деятельность всех без исключения массовых организаций пролетариата к одной цели, к цели построения коммунизма.

«Рычагами» и «приводами» в системе диктатуры рабочего класса являются Советы, профессиональные союзы, кооперативные объединения, Союз молодежи и другие общественные организации.

Все эти массовые организации трудящихся под руководством Коммунистической партии различными способами осуществляют задачи, стоящие перед Советским государством на разных этапах его развития. Все они участвуют в построении коммунизма в нашей стране.

Поэтому под правильной, основанной на строгом соблюдении советских законов деятельности советского государственного аппарата, как объекте должностных преступлений, следует понимать государственный аппарат социалистического государства в широком смысле, т. е. всю систему государственных и общественных организаций трудящихся, при помощи которых наш народ под руководством Коммунистической партии управляет делами государства.

Содержание правильной деятельности советского государственного аппарата может быть раскрыто только исходя из тех задач, которые стояли и стоят перед Советским государством на различных этапах его развития, и из тех функций, которые осуществляло и осуществляет Советское государство сообразно со стоящими перед ним задачами.

Основными задачами Советского государства на данном этапе являются хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа, повышение народного благосостояния,

¹⁵ В. И. Ленин, Соч. т. 32, изд. 4-е, стр. 3.

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 31, изд. 4-е, стр. 30.

укрепление несокрушимой обороноспособности Советской страны, охрана прав советского гражданина. Эти задачи осуществляются при помощи советского государственного аппарата.

Для обеспечения правильной деятельности советского государственного аппарата требуется соответствие деятельности каждого должностного лица интересам социалистического общества. Исходя из интересов правильной деятельности государственного аппарата, определяются права и обязанности каждого должностного лица и взаимозависимость должностных лиц.

Особенное значение правильной работы советского государственного аппарата подчеркивал В. И. Ленин.

Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин говорил, что в управленческом аппарате много колеблющихся элементов, «неспособных противостоять «соблазну» спекуляции, взятки, личной выгоды, покупаемой ценой порчи всего аппарата, от правильной работы которого зависит победа над голодом и безработицей»¹⁷.

В нашей уголовно-правовой литературе встречаемся и с такой точкой зрения, что объект должностных преступлений двойкого характера — нормальная деятельность государственного аппарата и гарантированные законом права и интересы граждан¹⁸.

Нет никакого основания говорить в данном случае об объекте «двойкого характера», ибо в правильной деятельности советского государственного аппарата, которая мыслима только как деятельность, диктуемая советскими законами, и следует искать гарантии прав граждан.

В последние годы в советской юридической литературе были высказаны и другие точки зрения по вопросу об объекте должностных преступлений.

Проф. Утевский считает объектом должностных преступлений управление государством и социалистическим хозяйством¹⁹, при этом противопоставляет управление государством и социалистическим хозяйством как объект должностных преступлений правильной работе государственного аппарата.

Но утверждая, что управление государством и социалистическим хозяйством в большей или меньшей степени страдает от должностных преступлений, проф. Утевский тем самым только раскрывает содержание правильной деятельности государственного аппарата.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 27, изд. 4-е, стр. 237.

¹⁸ См. «Социалистическая законность» 1939 г., № 7, стр. 104.

¹⁹ См. Б. С. Утевский, Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948 г., стр. 307.

Проф. Утевский справедливо утверждает, что деятельность любого из должностных лиц — это участие в управлении какой-либо отраслью государственного строительства.

Выделение же управления государством и социалистическим хозяйством в качестве самостоятельного объекта должностных преступлений непомерно расширяет объект должностных преступлений, ибо этим определением объекта охватываются объекты и некоторых других категорий преступлений, в частности, объектов хозяйственных преступлений²⁰.

А. Б. Сахаров полагает, что объектом должностных преступлений является основное качество советского государственного аппарата — его социалистическая сущность, заключающаяся в полном и беспредельном подчинении всей его деятельности интересам диктатуры пролетариата, в ленинских принципах его организации и деятельности, его соответствии задачам коммунистического строительства²¹.

Хотя автор и дает совершенно правильную характеристику социалистической сущности советского государственного аппарата, его определение объекта должностных преступлений представляется неудачным.

Автор, правда, и сам в дальнейшем поясняет, что качество советского государственного аппарата не существует само по себе, а проявляется в его правильной, отвечающей интересам коммунистического строительства работе.

С этим надо согласиться. Однако необходимо учесть, что ничто другое так не извращает ленинские принципы организации и деятельности советского государственного аппарата, его подчиненность интересам коммунистического строительства, как нарушение требований социалистической законности.

Это и должно быть исходным пунктом при определении объекта должностных преступлений.

Определив объект должностных преступлений, мы считаем необходимым остановиться на вопросе, связанным с выделением должностных преступлений в отдельную главу уголовного кодекса.

Общепризнанным в советской уголовно-правовой литературе является положение, что разделы и главы уголовных кодексов, архитектура кодекса строится по признаку специальных или родовых объектов преступлений, ибо объект преступления,

²⁰ См. также М. Турецкий, Рецензия на книгу Б. С. Утевского — «Общее учение о должностных преступлениях». 1948 г. Социалистическая законность, 1950 г., № 11, стр. 83—84.

²¹ См. А. Б. Сахаров. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М., 1956 г. стр. 31 и 35.

отражающий материальные условия жизни более, чем какой-либо другой элемент состава, определяет природу отдельных групп преступлений²².

Нам представляется, что должностные преступления не являются исключением из общего правила. Признание наличия специального субъекта должностных преступлений не колеблет того положения, что основанием для выделения должностных преступлений в отдельную главу является объект этих преступлений. Если бы основанием для выделения должностных преступлений в отдельную главу являлся не объект этих преступлений, а их субъект, в таком случае в главу, предусматривающую ответственность за должностные преступления, законодателем были бы включены все преступления, исполнителями которых являются должностные лица, например, предусмотренные ст. ст. 59¹⁰, 154 УК РСФСР и др., которые включены в другие главы.

Объяснение этому явлению можно найти в значении объекта преступления, который определяет политическое содержание преступления, вместе с тем в значительной мере и юридическую структуру состава преступления.

Преступления, предусмотренные статьями 59¹⁰, 154 и другими статьями УК РСФСР, посягают на другие правоохраненные интересы, которые обуславливают и другую общественную опасность этих преступлений.

Таким образом, следует придти к выводу, что основанием выделения должностных преступлений в отдельную главу уголовного кодекса, как и всех остальных преступлений, является объект этих преступлений.

Законодатель, выделяя должностные преступления в отдельную главу, и определяя их место в общей системе особенной части уголовного кодекса, конечно, руководствовался общественной опасностью этих преступлений, которая в основном обусловлена объектом этих преступлений. Поэтому для определения должностных преступлений необходимо отправляться от объекта этой категории преступлений.

Но установив, что основанием выделения должностных преступлений в отдельную главу является родовый объект этой группы преступлений, определяемый как основанный на законе работа государственного аппарата, необходимо отметить, что

²² См. Б. С. Никифоров, Об объекте преступлений. «Советское государство и право». 1948 г. № 9, стр. 40. Также см. Д. Н. Розенберг, О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (Объект и предмет посягательства). «Ученые записки Харьковского юридического института им. Л. М. Кагановича». Вып. III, Харьков, 1948 г., стр. 59—60.

на правильную работу государственного аппарата могут посягнуть не только должностные лица, но и частные лица, совершая преступления против порядка управления, например, похищая документы в целях препятствования деятельности учреждений (Ст. 78 УК РСФСР). Для отграничения должностных преступлений от преступлений против порядка управления, посягающих на правильную деятельность государственного аппарата, необходимо учесть специфику субъекта этих преступлений. Для должностных преступлений характерным является наличие специального круга субъектов, т. е. посягательство на правильную, отвечающую интересам коммунистического строительства работу государственного аппарата со стороны работников этого аппарата.

Совершая должностные преступления, работники государственного или общественного аппарата незаконно используют свои служебные полномочия.

Специфика такого посягательства обусловлена теми возможностями, которыми располагают работники государственного аппарата. Специальные служебные полномочия должностных лиц дают им возможность воздействовать на работу государственного аппарата такими способами или использовать такие средства, которых лишены все прочие лица, не являющиеся работниками государственного аппарата. Этим и объясняется отнесение статьи, предусматривающей ответственность частных лиц за дачу взятки, в главу должностных преступлений, как и ответственность соучастников — частных лиц за должностные преступления, ибо они используют те способы и средства причинения ущерба объекту, которые доступны исполнителю — должностному лицу.

Подробная характеристика объекта должностных преступлений была необходима для того, чтобы определить общественную опасность всей группы должностных преступлений для интересов Советского государства и показать, что важность и значение этого объекта настолько велики, что и неосторожное причинение ему значительного ущерба рассматривается как преступление. Этим объясняется наличие в нашем уголовном кодексе состава преступной халатности, причиняющей ущерб правильной деятельности государственного и общественного аппарата в результате небрежного или недобросовестного отношения работников этого аппарата к своим служебным обязанностям.

Для правильной работы государственного аппарата необходимо, чтобы каждое его звено работало как хороший часовой механизм, чтобы каждый винтик этого механизма. — работник

данного звена со всей внимательностью и добросовестностью выполнял свои обязанности по службе.

Работники советского государственного аппарата, выполняя небрежно или недобросовестно свои служебные обязанности, нарушают советские законы, посягают с этой стороны на правильную деятельность того звена, к которому они принадлежат.

Таким образом, преступная халатность посягает на существующие в нашем социалистическом государстве общественные отношения, которые определяют характер и надлежащее качество выполнения обязанностей каждым работником государственного аппарата для правильного его функционирования.

В работе не ставится задача дать определение непосредственного объекта преступной халатности. Следует согласиться с А. С. Сахаровым, что вполне возможно тождество родового объекта определенной группы преступлений и непосредственного объекта конкретного, входящего в эту группу, преступления²³. Такое тождество существует между родовым объектом должностных преступлений и непосредственным объектом преступной халатности.

§ 2. Действие и последствие в составе преступной халатности должностных лиц

Преступная халатность является общественно опасной потому, что в результате определенных действий (бездействия) работников государственного аппарата причиняется существенный ущерб государственным и общественным интересам или охраняемым законом интересам граждан, т. е. ущерб правильной деятельности государственного аппарата.

Преступная халатность, как и всякое другое преступление, представляет собой конкретный акт человеческого поведения (конкретное действие или бездействие), который является общественно опасным для социалистического общества.

К. Маркс в 1842 году в своей работе «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» писал:

«Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, я вступаю в область действительности, я вступаю в сферу действий законодателя, помимо своих поступков, я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»²⁴.

²³ См. А. Б. Сахаров, Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву, М., 1956 г., стр. 35.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, изд. 1-е, М., Л. 1928 г. стр. 120.

Ст. 6 УК РСФСР определяет преступление, как общественно-опасное действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее социалистический правопорядок.

Как правильно указывает проф. Дурманов, как действие, так и бездействие (несовершение конкретного действия), образующее преступление, представляет внешнее поведение человека и отличается следующими чертами: «1) оно является сознательной деятельностью, направляемой на определенный объект; 2) оно охватывает всю совокупность конкретных актов поведения, направленных на объект действия; 3) оно охватывает собою не только телодвижения человека, но и те силы, которыми он пользуется, и те закономерности, которые он использует; 4) действие всегда предполагает совершение его в определенных условиях места, времени и обстановки»²⁵.

Советское социалистическое уголовное право, таким образом, преступлением считает не мысли человека, а его волевое общественно-опасное действие (бездействие), ибо только трактовка преступления в качестве конкретного действия дает возможность отграничить преступное от не преступного.

2. Законодатель в большинстве составов должностных преступлений предусматривает наделенное определенными признаками действие должностного лица или бездействие, т. е. несовершение определенных действий.

Статья 111 УК РСФСР, как и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик, обрисовывая состав преступной халатности, не говорит о *действии* или *бездействии* должностного лица, а о небрежном или недобросовестном *отношении* должностных лиц к возложенным по службе обязанностям. Эта обрисовка состава преступной халатности может, на первый взгляд, вызвать некоторое недоумение в отношении понимания действия в составе преступной халатности. Поэтому необходимо уяснить, что законодатель имел в виду, определяя преступную халатность как небрежное или недобросовестное *отношение* должностного лица к выполнению служебных обязанностей.

Особенность преступной халатности *обычно* состоит в определенном поведении лица, т. е. в совершении (несовершении) не одного конкретного действия, а в совершении (несовершении) целого ряда конкретных действий. «Обычно» подчеркивается потому, что в некоторых случаях и наличие всего одного конкретного преступного действия или невыполнения одной определенной обязанности не исключает состава преступной халат-

²⁵ Проф. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления. М., 1948 г., стр. 54

ности, о чем подробнее будет сказано ниже. По общему правилу, каждое из действий или каждый из случаев бездействия должностного лица может быть настолько незначительным, что вряд ли можно говорить о преступном действии или бездействии должностного лица.

Несколько конкретных незначительных преступно-небрежных действий или упущений в совокупности переходят в новое качество, составляют преступно-небрежное поведение должностного лица.

Но это понимание *отношения* должностного лица к своим служебным обязанностям как определенного поведения, как определенной системы действий (бездействия) должностных лиц, как было указано выше, не исключает состава преступной халатности и в том случае, когда поведение должностного лица выразилось не в системе действий (бездействия), а когда должностное лицо совершило ненадлежащим образом одно определенное действие или не совершило одного определенного действия, которое оно обязано было совершить в конкретных условиях места и времени.

Верховный суд СССР для наличия состава преступной халатности вовсе не требует только определенного поведения лица, а усматривает наличие состава преступной халатности в единичных недобросовестно выполненных или невыполненных обязанностях, приведших к определенным, в законе указанным последствиям. Это вытекает из определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Мещерова²⁶, по делу Меликова и Фарапонова²⁷ и др.

Такова же точка зрения Верховного суда Латвийской ССР. Так в действиях кассира М., оставившего по небрежности ключ от денежного шкафа в ящике письменного стола, в результате чего была совершена кража в артели «Изпалигс» на сумму свыше 10.000 рублей, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР усмотрела состав преступной халатности, хотя нарушение имело место всего один раз²⁸.

При этом следует иметь в виду, что Верховный суд Союза ССР неоднократно указывал на то, что для обвинения в халатности необходимо установление *конкретных фактов*, свидетельствующих о преступно-небрежном отношении должностного лица к своим служебным обязанностям.

Так, в определениях ЖДК по делу Мрачковского²⁹ и по делу

²⁶ Судебная практика Верховного суда СССР 1951 г., № 9, стр. 14.

²⁷ Судебная практика Верховного суда СССР 1952 г., № 8, стр. 15.

²⁸ Определение по делу № 459 за 1955 г.

²⁹ Судебная практика Верховного суда СССР 1949 г., № 8, стр. 33.

Крыловой³⁰, в определениях Судебной коллегии по уголовным делам по делу Житкова³¹ и по делу Акоюяна³² и др. Верховный суд СССР требует установления конкретных упущений или конкретных недоброкачественно выполненных должностным лицом действий, т. е. требует, чтобы органы следствия и суд, инкриминируя лицу халатное отношение к своим обязанностям, указали бы *конкретно, в чем эта халатность выразилась и какие меры должно было, помимо принятых, принять* данное лицо для того, чтобы не допустить в действительности наступившие последствия.

Совершенно правильную точку зрения по этому вопросу занял Верховный суд ЛССР, который для наличия состава преступной халатности требует установления конкретных упущений в деятельности должностного лица. Это требование ярко выражено в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР от 27 января 1956 г. по делу Б., который, работая заведующим магазина № 94 4 Рижского Горпищеторга с 5 по 21 мая 1955 г., допустил недостачу 3826 рублей и тары на 312 рублей³³.

Установление конкретных фактов небрежного и недобросовестного отношения к обязанностям по службе, конкретных фактов невыполнения или ненадлежащего выполнения служебных обязанностей как необходимого элемента для наличия состава преступной халатности диктуется требованиями социалистической законности.

Таким образом, следует прийти к выводу, что небрежное или недобросовестное отношение к службе в понимании состава преступной халатности означает как определенное поведение должностного лица, т. е. как ненадлежащее *совершение им целого ряда* конкретных действий или *несовершения им одного* определенного конкретного действия или *несовершение одного* определенного конкретного действия. Это значит, что под небрежным или недобросовестным отношением к службе в составе преступной халатности понимается как определенное действие, так и бездействие должностного лица, на что и следует указать в самом законе.

Чтобы исключить возможность ошибки при квалификации преступных деяний, необходимо точно установить, какие признаки характеризуют действие (бездействие) в составе преступ-

³⁰ Судебная практика Верховного суда СССР 1949 г. № 12, стр. 26.

³¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г. № 2, стр. 23.

³² Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г. № 2, стр. 31.

³³ См. Определение № КУ-19 за 1956 г.

ной халатности, ибо оно также наделено определенными признаками.

Ст. 111 УК РСФСР говорит о *небрежном* или *недобросовестном* отношении должностного лица к возложенным по службе обязанностям.

а) В советской уголовно-правовой литературе нет единой точки зрения по вопросу о том, являются ли небрежность и недобросовестность признаками объективной стороны преступления, т. е. относятся ли небрежность и недобросовестность к характеру самого действия или бездействия, или же небрежность и недобросовестность характеризуют субъективную сторону преступления, т. е. указывают на характер психического отношения должностного лица к преступному действию и последствиям.

Некоторые авторы склонны рассматривать «небрежность» и «недобросовестность» как признаки субъективной стороны преступления³⁴.

С этой точкой зрения нельзя согласиться. Признаки небрежность и недобросовестность характеризуют само действие, а не психическое отношение лица к последствиям своих действий. Последнее только обуславливает соответствующие действия лица. Такая точка зрения в литературе высказывалась³⁵, но недостаточно обосновывалась.

Нельзя забывать, что каждое преступление есть определенное единство объективной и субъективной его стороны.

Провести грань между объективной и субъективной стороной любого преступления возможно только в плане теоретического анализа, ибо каждое действие человека в уголовно-правовом смысле не является только физическим телодвижением, а сознательным действием. В особенности ярко проявляется взаимосвязь объективной и субъективной стороны в составе преступной халатности. Психическое отношение лица к своему служебному долгу, к выполнению своих обязанностей и к возможным последствиям своих действий порождает нецелесообразную, небрежную деятельность лица. Эту взаи-

³⁴ См. А. Н. Трайнин, Уголовное право, Часть особенная, Изд. 2-е, М. 1927 г., стр. 281., Уголовное право, Особенная часть, М. 1943 г., стр. 281. Советское уголовное право. Учебник для юридических школ, Москва, 1940 г., стр. 166., Уголовное право, Учебник для юридических школ, Москва, 1943 г., стр. 226. Уголовное право, Учебник для юридических школ, Москва 1947 г., стр. 250, А. А. Пионтковский, Советское уголовное право, Особенная часть, М. 1928 г., стр. 225.

³⁵ См. Проф. Гюнтер, Должностные преступления, Харьков, 1928 г., стр. 36. Проф. А. А. Жижиленко, Должностные преступления, Изд. 3-е, Москва, 1927 г., стр. 49. Б. С. Утевский, Общее учение о должностных преступлениях, Москва 1948 г., стр. 309

мосьвязь объективной и субъективной стороны нельзя упускать из виду, ибо разрыв объективной и субъективной сторон приводит, как будет показано ниже, к неправильным выводам.

Представляется правильным считать признаки «небрежность» и «недобросовестность» относящимися к объективной стороне преступления, характеризующими само действие в составе халатности, но в то же время свидетельствующими об определенной форме вины. Законодатель признаками «небрежность» и «недобросовестность» не имел в виду характеризовать субъективную сторону преступления. Для сопоставления интересно привести признаки халатного отношения, даваемые соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

УК Груз. ССР говорит о «невнимательном» и «небрежном» отношении должностного лица к возложенным по службе обязанностям. Если некоторые авторы в ст. 111 УК РСФСР усматривали в признаках «небрежность» и «недобросовестность» две формы вины, то ст. 117 УК Груз. ССР такое противопоставление исключает. «Небрежное» и «невнимательное» отношение для проведения грани в смысле психического отношения лица к своему действию и последствиям, вряд ли дает какое-либо основание. Но если и УК Груз. ССР может дать какое-нибудь основание для отнесения признаков «небрежность» и «невнимательность» к субъективной стороне преступления, то УК БССР такую возможность исключает полностью.

УК БССР в ст. 196 говорит, наряду с небрежным и недобросовестным отношением, также о волоките и протекционизме. Не давая анализа этих понятий здесь по существу, можно все же, бесспорно, сделать вывод о том, что волокита и протекционизм не могут быть отнесены к субъективной стороне преступления.

УК АзССР в ст. 146 наряду с небрежным и недобросовестным отношением говорит и о формальном отношении к службе. Вряд ли формальное отношение к службе также может быть истолковано как психическое отношение в понимании ст. 10 УК РСФСР.

Термин формальное отношение к своему служебному долгу известен и нашей судебной практике. По делу Шароновой постановление Пленума Верховного суда Союза ССР от 21 января 1949 г. говорит о проявлении должностным лицом *бездушного, формального отношения* к своему служебному долгу³⁶.

Законодатель, определяя формы вины (ст. 10 УК РСФСР), не употребляет термина «небрежность». Он говорит только об

³⁶ Судебная практика Верховного суда Союза ССР 1949 г., № 3, стр. 5—8. Дело Шароновой приведено ниже.

«умысле» и «неосторожности». В то же время уголовно-правовое законодательство знает термин «небрежность» и употребляет его для характеристики признаков объективной стороны преступления. Достаточно привести ст. 58¹⁴ УК РСФСР, которая говорит об «умышленно небрежном» исполнении определенных обязанностей. Здесь действительно указана форма вины — умысел, и дана характеристика объективной стороны преступления — небрежное исполнение обязанностей.

Уголовный кодекс Тадж. ССР, обрисовывая конкретизированный вид преступной халатности в ч. 2 ст. 135, говорит о *халатном и небрежном* отношении должностных лиц органов связи, что, конечно, исключает понимание небрежного отношения как формы вины, ибо в последнем случае пришлось бы халатность также понимать как некую форму вины.

Таким образом, «небрежность» и «недобросовестность» в понимании ст. 111 УК РСФСР это признаки, характеризующие качество самой деятельности лица.

Верховный суд Союза ССР говорит часто о преступно-небрежном отношении должностного лица к служебным обязанностям, имея в виду тоже объективную сторону преступления.

Так понимает Пленум Верховного суда СССР понятие небрежности в своем постановлении от 18 февраля 1949 г. по делу Гуревича³⁷ Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Унтилова³⁸, по делу Хорошавина³⁹ и др.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 9 июля 1949 г. по делу Хорошавина указано, что преступно-небрежное отношение Хорошавина к своим служебным обязанностям выразилось в том, что он разложил в колхозе трудовую дисциплину, не контролировал работу заведующих МТС, овцеводческой и коневодческой ферм, а также работу полеводческой бригады и пасеки. В результате такого отношения пало 9 лошадей, 13 голов крупного рогатого скота, 24 овцы и погибло 220 семей пчел.

Говоря о недобросовестном отношении к своим служебным обязанностям, Верховный суд СССР также имеет в виду объективную сторону преступной халатности.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 12 ноября 1955 года по делу Гудеменко сказано, что сама Гудеменко *недобросовестно* относилась к выполнению служебных обязанностей: выдавала постельные при-

³⁷ Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 5, стр. 12.

³⁸ Судебная практика Верховного суда СССР, 1946 г., выпуск IV (XXVIII). М., 1947 г., стр. 22.

³⁹ Судебная практика Верховного суда СССР 1949 г., № 11, стр. 32.

надлежасти и другие предметы обихода рабочим треста № 22, не записывая их в арматурные карточки, не требовала от рабочих расписки за полученное, в результате чего образовалась крупная недостача материальных ценностей⁴⁰.

Таким образом, мы приходим к выводу, что «небрежное» и «недобросовестное», как и «невнимательное» отношение должностного лица к своим обязанностям по службе это признаки объективной стороны состава преступления, характеризующие качество действия, качество работы должностного лица или качество его поведения, выражающееся обычно в целом ряде упущений, но иногда и в отдельном конкретном действии (упущении).

б) Придя к выводу о том, что «небрежность» и «недобросовестность» являются признаками объективной стороны состава преступной халатности, признаками преступного отношения, необходимо раскрыть содержание этих признаков и провести грань между ними. Для раскрытия содержания признаков «небрежность» и «недобросовестность» целесообразно обратиться к законодательству других союзных республик.

Уголовные кодексы союзных республик, наряду с терминами небрежное и недобросовестное отношение, упоминают также невнимательное⁴¹, формальное⁴², пренебрежительное⁴³ отношение, протекционизм⁴⁴.

Небрежное отношение к своим обязанностям, как было уже сказано, это беспечное, беззаботное, недостаточно усердное отношение к своим обязанностям. Для небрежного отношения к своим обязанностям характерно выполнение своих обязанностей поверхностно, без должной внимательности и вдумчивости, без должного усердия, сознательности, без требуемой оперативности и быстроты. Установить разницу между признаками «небрежность» и «невнимательность» затруднительно; этими терминами обозначены не различные по своему качеству действия, а один определенный образ действий.

Небрежное и невнимательное отношение к своим обязанностям по службе принимает совершенно определенные формы и проявляется в невыполнении или несвоевременном выполнении отдельных обязанностей или целого ряда обязанностей по службе. Поэтому представляется правильным в будущем уголовном кодексе Латвийской ССР отказаться от признаков «небрежное» или «невнимательное» отношение к служебным обязанностям,

⁴⁰ Судебная практика Верховного суда СССР 1956 г., № 1, стр. 17.

⁴¹ Ст. 99¹ УК УССР, 117 УК Груз. ССР.

⁴² Ст. 146 УК Аз. ССР, ст. 171 УК Груз. ССР, ст. 99¹ УК УССР.

⁴³ Ст. 99¹ УК УССР, ст. 146¹ УК Узб. ССР.

⁴⁴ Ст. 196 УК БССР.

указав в самом законе на то, что речь идет о невыполнении лицом своих служебных обязанностей.

Этим самым была бы исключена возможность противоречия в толковании признаков «небрежность» и «невнимательность», на судебно-следственные органы была бы возложена обязанность доказать, какие конкретные обязанности должностным лицом не выполнены или выполнены несвоевременно.

Недобросовестность в понимании статьи 111 УК РСФСР отличается от небрежности не только количественными признаками, но и качественными — более резко выраженная небрежность. Недобросовестное отношение к своим обязанностям — это нечестное, формальное и бездушное отношение к порученному делу. Понятие недобросовестного отношения включает в себя и понятие формального и пренебрежительного отношения к интересам граждан. Одной из форм проявления недобросовестного отношения может быть и протекционизм, т. е. покровительство и поддержка со стороны должностного лица, содействие устройству чьих-нибудь дел не по заслугам, а по знакомству. Таким образом, приходим к выводу, что, употребляя, наряду с терминами «небрежное» и «недобросовестное» отношение к служебным обязанностям, термины «невнимательное», «формальное», «пренебрежительное» отношение к служебным обязанностям, уголовные кодексы союзных республик только раскрывают понятие небрежного и недобросовестного отношения, которое предусматривает Уголовный кодекс РСФСР. Так, термин невнимательное отношение раскрывает понятие небрежного отношения, термины пренебрежительное, формальное и бездушное отношение раскрывают понятие недобросовестного отношения, в то же время все эти понятия охватываются понятием *небрежного или недобросовестного* отношения.

Пленум Верховного суда Союза ССР под недобросовестным отношением к порученному делу часто понимает именно формальное, бездушное отношение. Это видно, например, из постановления Пленума от 21 января 1949 г. по делу Шароновой.

Шаронова, работавшая в должности фельдшера медпункта станции Молодечно, была признана виновной в преступном, бездушном отношении к своим служебным обязанностям, повлекшем тяжелые последствия.

Приговором установлено, что 27 июля 1947 г. в медпункт вокзала станции Молодечно была доставлена снятая с поезда больная гражданка Богданова с двумя детьми — Верой в возрасте 6 лет и Борисом в возрасте 1 года 2 месяца.

Большую Богданову Шаронова направила в Молодечненскую городскую больницу, а детей, оставшихся без матери, удалила в 23 часа из медпункта в помещение вокзала. Дети Богдановой

находились в помещении вокзала без надзора в течение суток, а затем были подобраны какой-то неизвестной женщиной, которая увезла их в Вильнюс. В октябре 1947 г. Борис заболел и умер. Дочь Веру Богданова нашла на рынке в г. Вильнюсе.

Пленум Верховного суда Союза ССР указал на то, что «Шаронова допустила *недобросовестное* отношение к своему служебному долгу и *бездушно* отнеслась к судьбе детей, не выполнив данных ей указаний. Эти действия Шароновой прямо предусмотрены ст. 196 УК БССР» (ст. 11 УК РСФСР — М. Б.)⁴⁵.

Это же постановление Пленума говорит и о *формально-бездушном отношении* к детям Богдановой со стороны работников милиции.

Недобросовестными были и действия Королева, которому было предложено заместителем главного врача Кунцевской больницы Клочковым усилить наблюдение за течением болезни ребенка Кулинич и в случае ухудшения состояния здоровья ребенка направить его в хирургическое отделение больницы, так как диагноз — кишечная непроходимость — не являлся окончательным.

Королев, являясь дежурным врачом, не выполнил распоряжение Клочкова и в течение ночи к ребенку Кулинич не заходил, несмотря на то, что к Королеву в кабинет неоднократно являлись работники больницы и докладывали об ухудшении состояния здоровья ребенка. Утром 1 февраля Королев, не проверив состояние здоровья ребенка, на конференции врачей доложил главному врачу, что ребенок находится в удовлетворительном состоянии и может быть выписан из больницы.

Отсутствие соответствующего врачебного надзора за тяжело больным ребенком и запоздалое операционное вмешательство повлекло смерть ребенка⁴⁶.

Из этих постановлений Пленума следует, что Пленум Верховного суда Союза ССР считает формальное и бездушное отношение к долгу службы *недобросовестным отношением*.

Таким образом, можно прийти к выводу, что действие (бездействие) в составе преступной халатности это небрежное (невнимательное) и *недобросовестное* (формальное) отношение к служебным обязанностям, т. е. к государственным и общественным интересам, а равно интересам трудящихся.

4. *Небрежное или недобросовестное отношение к служебным обязанностям* предполагает невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом *обязанностей* по службе.

⁴⁵ Судебная практика Верховного суда СССР 1949 г., № 3, стр. 7.

⁴⁶ Судебная практика Верховного суда СССР 1952 г., № 3, стр. 18.

Обязанности должностных лиц в нашем государстве распределены таким образом, чтобы обеспечить правильную деятельность государственного и общественного аппарата и построение коммунистического общества.

Круг обязанностей должностных лиц очерчен совершенно определенно соответствующими законами, указами, распоряжениями, приказами и правилами, которые определяют компетенцию различных категорий должностных лиц.

При разрешении вопроса об ответственности должностных лиц за небрежное отношение к службе, необходимо точно установить, какие обязанности должностным лицом не выполнены или выполнены ненадлежащим образом.

В. И. Ленин еще в декабре 1918 г. требовал самой точной ответственности каждого из должностных лиц за «*выполнение определенных, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и практических работ*»⁴⁷.

Наши судебные органы неоднократно указывали на необходимость точного установления круга обязанностей должностного лица для решения вопроса о том, имеются ли в его действиях признаки состава преступной халатности, так как должностное лицо несет ответственность по службе лишь в пределах предоставленных ему прав и возложенных на него обязанностей.

Так в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 31 января 1951 г. по делу Перкель и Песис указано, что при разрешении вопроса об ответственности должностного лица необходимо выяснить, связано ли инкриминируемое должностному лицу действие или бездействие с его служебными обязанностями⁴⁸.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 13 февраля 1952 года по делу Пайгина указано, что в служебные обязанности Пайгина не входило обеспечение цеха противопожарным инвентарем и складскими помещениями, а также организация и контроль за сторожевой охраной, поэтому у суда не было оснований признать Пайгина виновным в халатности⁴⁹.

Аналогично определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 21 января 1956 года по делу Никифоровой⁵⁰.

5. Необходимо отметить, что речь идет о выполнении определенных конкретных обязанностей должностного лица *по службе*.

⁴⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 28, изд. 4-е, стр. 326.

⁴⁸ Судебная практика Верховного суда СССР 1951 г., № 4, стр. 16.

⁴⁹ Судебная практика Верховного суда СССР 1952 г., № 5, стр. 5.

⁵⁰ Судебная практика Верховного суда СССР 1956 г., № 3, стр. 12.

Должностные лица могут исполнять и всякие иные обязанности и выполнять различные поручения, не связанные с их должностными обязанностями. Нарушение этих обязанностей, не связанных с должностью или службой, даже и при наличии последствий, указанных в ст. 111 УК РСФСР, не составляет преступной халатности должностных лиц. По делу Крыловой в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР указано, что в действиях Крыловой отсутствует состав уголовно-наказуемого деяния, т. к. хранение личных вещей Котовой ничего общего не имеет с обязанностями Крыловой, как заведующей райздравотделом⁵¹.

По делу Глотовой Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала, что сторож может считаться находящимся при исполнении служебных обязанностей только в пределах времени и места назначенного дежурства и лишь в отношении того имущества или иного объекта, которые ему поручено охранять⁵².

6. Точное установление круга обязанностей каждого должностного лица дает возможность установить, какие обязанности должностным лицом не выполнены или выполнены ненадлежащим образом.

Однако требование надлежащего выполнения обязанностей должностным лицом предполагает *существование объективных условий*, обеспечивающих нормальную деятельность должностного лица и выполнение им своих обязанностей, а также реальную возможность лица выполнить на него возложенные обязанности. В тех случаях, когда необходимые условия для выполнения должностных функций должностному лицу не были созданы, когда по обстоятельствам, от него не зависящим, должностное лицо было лишено нормальных условий работы или когда должностное лицо не имело реальной возможности выполнить свои обязанности по обстоятельствам, от него не зависящим, не может быть и речи о небрежном или недобросовестном выполнении лицом своих обязанностей. Верховный суд СССР отказывается от привлечения лица к уголовной ответственности, если оно самой администрацией было поставлено в такие условия, при которых оно не в состоянии было выполнить возложенные на него обязанности.

Так по делу Иванова, который признан судом виновным в том, что он, работая сторожем на мукомольно-хлебном комбинате, допустил преступно-халатное отношение к своим обязан-

⁵¹ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР 1941 г. Москва, 1947 г., стр. 68—69.

⁵² Судебная практика Верховного суда СССР 1945 г., вып. VII (XXIII) М., 1940 г., стр. 4.

ностям, не уследил, как была совершена кража разных материальных ценностей со склада комбината на 7547 р. 75 к., в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 25 октября 1950 г. указано, что дело в отношении Иванова подлежит прекращению по тем основаниям, что по не зависящим от него обстоятельствам, вследствие нераспорядительности его начальника Иванов физически не мог осуществить надлежащую охрану склада комбината⁵³.

Правильно поступила и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР, которая своим определением от 25 января 1956 г. отменила приговор народного суда Мадонского р-на, которым счетовод промкомбината Цесвайнского р-на М. была осуждена по ст. 111 УК РСФСР за то, что, не имея определенного места для хранения денег, она с ведома и. о. директора оставила после окончания рабочего дня в ящике письменного стола 10.700 рублей, которые были похищены⁵⁴.

В то же время некоторое сомнение вызывает определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР от 20 января 1956 года по делу заведующей буфетом У., осужденной по ст. 111 УК РСФСР, у которой образовалась недостача материальных ценностей в результате их плохого хранения. Квалификация преступления оставлена без изменения, хотя в самом определении указано, что «администрацией отделения военторга не были созданы надлежащие условия хранения материальных ценностей в столовой № 2, сторожевая охрана отсутствовала, касса для хранения денег в буфете также отсутствовала»⁵⁵.

Из всех выше изложенных примеров из судебной практики Верховного суда СССР следует, что в тех случаях, когда работнику не были созданы необходимые условия для выполнения возложенных на него обязанностей по службе, судебные органы должны исключить уголовную ответственность работника, даже если в результате неисполнения работником своих обязанностей имели место тяжелые последствия.

В этой связи значительный интерес представляет определение Воднотранспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по делу Тюхтиенко, в котором указывается: *«Совершенно непонятно, почему руководители, которые не создали надлежащих условий для своевременной разгрузки судов проходят по делу в качестве свидетелей, а Тюхтиенко, который не имел права*

⁵³ Судебная практика Верховного суда СССР 1951 г. № 2 стр. 18.

⁵⁴ См. Определение по делу № 337 за 1956 г.

⁵⁵ См. Определение по делу № 220 за 1956 г.

найма рабочей силы, не обеспечивался этой рабочей силой теми, от кого это зависело, и не имея освещения места выгрузки, несет ответственность в уголовном порядке»⁵⁶.

7. Необходимо коснуться также вопроса о понимании систематичности в составе преступной халатности.

Ст. 111 УК РСФСР для состава преступной халатности требует наличия признаков, предусмотренных ст. 109 УК РСФСР. В ст. 109 УК РСФСР перечислены следующие признаки: совершение определенных действий по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности, совершение этих действий систематически, наступление или заведомая для должностного лица возможность наступления тяжелых последствий.

К признакам, характеризующим действие, относится только *систематичность*.

При рассмотрении понятия действия в составе халатности уже было указано, что обычно действие (бездействие) в составе халатности проявляется как система действий, как определенное поведение. Учитывая это, признак систематичности, который имеет в виду ст. 109 УК РСФСР, лишен практического значения для состава халатности. Этот признак не вносит большей ясности в понимание состава халатности.

Представляется целесообразным отказаться от признака систематичности действий или упущений для состава преступной халатности в будущем уголовном законодательстве Латвийской ССР.

8. Для полного освещения объективной стороны состава преступной халатности необходимо остановиться на характеристике «последствий» в составе преступной халатности.

Для состава преступной халатности требуется, чтобы небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям повлекло за собой *волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе*.

Волокита — это затяжка дела, исполнение дела, сопровождающееся излишними формальностями. Медленность — это отсутствие должной быстроты в производстве дел и составлении отчетности.

Волокита и медленность в производстве дел и отчетности это только частные случаи упущений по службе. Среди упущений по службе, кроме волокиты и медленности в производстве дел и отчетности, уголовные кодексы союзных республик называют неосновательное откладывание или затягивание дел (УК Груз. ССР, ст. 117), оставление без движений жалоб и заявлений

⁵⁶ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1941 г., М., 1947 г., стр. 93—94.

трудящихся, задержку в рассмотрении жалоб и их передачу в другие органы (УК Узб. ССР, ст. 145¹), т. е. также перечисляют некоторые из возможных упущений по службе. Уголовный закон не дает и не может дать сколько-нибудь исчерпывающего перечня упущений по службе, т. к. упущения определяются спецификой служебных функций.

В ст. 117 УК Груз. ССР дается и общее определение упущений по службе — *это нарушение* нормальной деятельности государственных учреждений или предприятий, а также организаций и объединений, выполняющих общегосударственные задачи.

Большинство криминалистов, говоря о возможных последствиях небрежного и недобросовестного отношения к служебным обязанностям, упоминают также и бюрократизм, о чем подробнее будет сказано ниже.

Таким образом, можно прийти к выводу, что для наличия состава преступной халатности необходимо, чтобы в результате небрежного или недобросовестного отношения должностного лица к своим служебным обязанностям была нарушена правильная работа государственного или общественного учреждения или предприятия (волокита, медленность в производстве и отчетности и т. д.) или причинен ущерб охраняемым законом правам или интересам граждан (оставление без движений жалоб и заявлений трудящихся, задержка их рассмотрения и т. д.). Соответствующим образом должен быть сформулирован и закон.

9. В то время как УК Груз. ССР для наличия состава преступной халатности довольствуется выше перечисленными последствиями, для УК РСФСР, как и большинства кодексов других союзных республик, наличие выше перечисленных последствий составляет менее опасный вид преступной халатности, а для наличия основного состава преступной халатности, предусмотренного ст. 111 УК РСФСР, требуются признаки, указанные в ст. 109 УК РСФСР, т. е. наступление тяжелых последствий.

На необходимость наступления тяжелых последствий для наличия состава преступной халатности неоднократно указывалось и в нашей судебной практике.

Вопрос о том, когда наступившие последствия являются тяжелыми, является вопросом факта, который должен решаться на основе учета всей конкретной обстановки, ибо закон не может дать точного указания, в чем заключаются тяжелые последствия.

Только суд, учитывая всю совокупность условий, может при-

знать, являются ли последствия в конкретном случае тяжелыми или нет.

Так, в постановлении Пленума Верховного суда Союза ССР по делу Киньяева указано, что «ущерб, причиненный утратой борова, не может рассматриваться, как особо тяжелое последствие для ОРС"а фабрики «Дукат».⁵⁷

По делу Головановой Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала, что недостача 1256 р. 90 к. государственных средств не может в конкретном случае рассматриваться в качестве тяжких последствий, предусмотренных ст. 111 УК РСФСР⁵⁸.

10. Для наличия состава преступной халатности необходимо, чтобы между действием, бездействием или поведением должностного лица и наступившими тяжелыми последствиями была причинная связь.

Ст. 111 УК РСФСР говорит об определенном отношении должностного лица к возложенным по службе обязанностям, *повлекшем* определенные последствия. Таким образом, в самом законе указано на необходимость причинной связи для наличия состава преступной халатности.

На необходимость причинной связи для состава преступной халатности неоднократно указывала наша судебная практика.

В определении по делу Моржовой Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала: «Вопрос о связи возникновения данного пожара с теми нарушениями правил пожарной безопасности, которые допустили осужденные, является *основным вопросом в данном деле*.

Но для того, чтобы разрешить этот вопрос, надо было *прежде всего* установить *причину* возникновения пожара. Только зная, отчего произошел пожар, суд может установить связано ли возникновение пожара с тем нарушением правил пожарной безопасности, которое допустил обвиняемый».⁵⁹

По делу Серебро Пленум Верховного суда Союза ССР указал, что «проявленная Серебро халатность *не находилась в причинной связи с самим фактом образования недостачи... он не подлежал уголовной ответственности*»⁶⁰.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 8 января 1949 г. по делу Березиной и др.

⁵⁷ Судебная практика Верховного суда СССР 1946 г. выпуск X (XXXIV). М., 1947 г., стр. 17.

⁵⁸ Судебная практика Верховного суда СССР 1955 г., № 2, стр. 19.

⁵⁹ Судебная практика Верховного суда СССР 1946 г. вып. VIII (XXXII) М., 1947 г., стр. 9—11 (Подчеркнуто мною — МБ).

⁶⁰ Судебная практика Верховного суда СССР 1949 г., № 5, стр. 10—11. (Подчеркнуто мною — МБ).

сказано: «Суд в приговоре указывает, что причиной недостачи материальных ценностей на фабрике является халатное отношение мастеров и начальников смен к своим служебным обязанностям. Однако, в том же приговоре указано, что хищениям, имевшим место на фабрике, способствовало и то обстоятельство, что на фабрике не была должным образом организована охрана ценностей: забор вокруг фабрики был невысокий, колючей проволокой не обнесен, форточки у окон не имели запора, складских помещений внутри цехов не было, помещения, в которых располагались цехи, были не приспособлены.

Таким образом, из самого приговора не представляется возможным установить, что же явилось причиной недостачи материальных ценностей на фабрике: халатность мастеров и начальников или плохая охрана ценностей».⁶¹

На необходимость причинной связи между действиями лица и наступившими тяжкими последствиями неоднократно указывала и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ЛССР. Так, в определении коллегии от 9 марта 1956 г. по делу К., осужденного нарсудом 3-го участка Кировского района г. Риги 23 февраля 1956 г. по ст. 111 УК РСФСР, сказано, что по делу не установлена причинная связь между нарушениями К. и образовавшейся недостачей по складу.⁶²

Некоторое недоумение в свете выше высказанного вызывает определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Союза ССР от 25 мая 1949 г. по делу Петросяна и Саакяна.

Петросян, работая продавцом кооперативного ларька, присвоил из вверенного ему ларька материальных ценностей на сумму 6022 руб. Для сокрытия следов преступления он симулировал кражу из ларька, воспользовавшись тем, что Саакян, работая в этом же ларьке ночным сторожем, ушел с поста.

Судебная коллегия по данному делу записала: «Не обоснован приговор и в отношении второго осужденного Саакяна. Суд нашел, что кражи не было, и в результате кратковременного отсутствия Саакяна из ларька никакого ущерба нанесено не было, так как ущерб был причинен предшествующими действиями Петросяна, следовательно, *не было необходимости особо сурово наказывать Саакяна*»⁶³.

Это определение представляется неправильным. Действия (бездействие) Саакяна не находятся в причинной связи с недо-

⁶¹ Судебная практика Верховного суда СССР 1949 г., № 9, стр. 32.

⁶² См. Определение по делу № 943 за 1956 г.

⁶³ Судебная практика Верховного суда СССР 1949 г., № 9, стр. 22 (Подчеркнуто мною — МБ).

стачей материальных ценностей ларька на 6022 руб. Причина этой недостачи установлена — присвоение *со стороны Петросяна, имевшее место* до того, как Саакян оставил ларек без охраны. Причинная связь является объективным основанием уголовной ответственности в советском уголовном праве и ее отсутствие исключает состав преступления. В приведенном нами примере отсутствует причинная связь между действиями Саакяна и тяжелыми последствиями — недостачей материальных ценностей, т. е. отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 111 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, однако, ограничилась только указанием на чрезмерную суровость приговора.

Недостаточно убедительным представляется и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ЛССР от 22 августа 1955 года, оставившим в силе приговор народного суда Огрнского р-на по делу заведующего фермой колхоза «Падомью Латвия» Л., осужденного по ст. 111 УК РСФСР за допущенный им вынужденный забой скота. В самом определении указывается помимо небрежности самого Л. на различные причины вынужденного забоя скота: неблагоприятные климатические условия в 1954—55 году, нераспорядительность самого правления колхоза, не оказывавшего необходимой помощи Л.⁶⁴

11. Необходимость причинной связи между действием должностного лица и последствиями в теории советского уголовного права не ставится под сомнение.

В теории советского уголовного права большинство криминалистов признает возможность причинения последствий и путем бездействия.

Против возможности причинения результатов путем бездействия в последние годы в советской уголовно-правовой литературе высказывался проф. Шаргородский,⁶⁵ который указывает, что бездействие лица влечет ответственность только потому, что «субъект не воспрепятствовал наступлению результата, когда он обязан был это сделать».⁶⁶

Судебная практика неоднократно отвергала состав халатности в виду отсутствия причинной связи между бездействием

⁶⁴ См. определение по делу № 2091 за 1955 г.

⁶⁵ См. М. Д. Шаргородский, Причинная связь в уголовном праве, Ученые труды ВЮИОН, вып. X, 1947 г., стр. 184.

⁶⁶ Советское государство и право 1956 г., № 7, стр. 50—51.

лица и наступившими последствиями и признавала наличие его, когда в результате бездействия должностного лица наступали тяжелые последствия.⁶⁷

Таким образом, можно сделать вывод о том, что преступная халатность с объективной стороны предусматривает невыполнение должностным лицом своих служебных обязанностей или недобросовестное их выполнение, что повлекло за собой причинение тяжелого ущерба правильной деятельности государственного аппарата или причинило тяжелый ущерб законным правам и интересам граждан.

Только при наличии всех признаков объективной стороны халатности можно говорить о преступной халатности. В будущем уголовном кодексе Латвийской ССР следует в самом законе указать на наказуемость именно преступной халатности должностных лиц, отграничив таким образом и терминологическое понятие халатности, наказуемой в уголовном порядке, от халатного отношения к служебным обязанностям, не выходящего за рамки дисциплинарного проступка.

§ 3. Должностное лицо как субъект преступной халатности

Установление субъекта преступления для большинства преступлений не представляет никаких трудностей. Известные затруднения вызывает определение круга субъектов должностных преступлений, в том числе субъекта преступной халатности.

Для буржуазного государства эпохи империализма характерен широкий и неопределенный круг субъектов должностных преступлений. Субъектами должностных преступлений являются не только должностные лица, но и целый круг других лиц, которые буржуазным правом приравниваются к должностным лицам в смысле их повышенной уголовной ответственности. Субъектами должностных преступлений объявляются рядовые служащие монополистических предприятий и рабочие.

Расширение круга субъектов должностных преступлений отмечалось и в буржуазной уголовно-правовой литературе.

Так, проф. Ширяев писал о том, что «круг виновников долж-

⁶⁷ См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1946 г., вып. IV (XXVIII), М., 1947 г., стр. 22.

Судебная практика Верховного суда СССР, 1946 г., вып. V (XXIX), М., 1947 г., стр. 9. Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 3, стр. 38.

ностных преступлений в настоящее время значительно разросся, выйдя далеко за пределы понятия должностного лица»⁶⁸.

Также Биндинг отмечал, что раньше единственными субъектами должностных преступлений были должностные лица (*Beamte*), но со временем наряду с должностным лицом встало лицо, не занимающее определенной должности, но выполняющее должностные функции. (*unbeamtete Amtsträger*)⁶⁹.

О стремлении партикулярного германского и иностранного законодательства расширить круг субъектов должностных преступлений, выводя его за рамки понятия должностного лица, говорил Вахингер в своей монографии, посвященной должностным преступлениям⁷⁰.

Так, буржуазные ученые находили, что железнодорожники являются чиновниками потому, что они несут службу публичного характера, почтальоны потому, что облечены частицей государственного авторитета, другие рабочие и служащие потому, что они получают жалование от государства⁷¹.

Наиболее ревностно пытался оправдать расширение круга чиновников Дюги, который требует признать государственными чиновниками работников почты, телеграфа и железных дорог, службу в государственных арсеналах. Дюги идет дальше и считает, что право объединения в профсоюзы не может быть признано ни за рабочими производств, где изготавливаются продукты, монополизированные государством, ни за рабочими военных мастерских и морских арсеналов⁷².

«Здесь мы имеем настоящих чиновников, — утверждает Дюги, — потому что это — агенты, поставленные государством для облегчения функционирования публичных служб, и притом наиболее важных публичных служб, где самое существование нации зависит от правильного функционирования каждой из них»⁷³.

Таким образом, Дюги, декларировавший право служащих в отличие от чиновников объединяться в профсоюзы и объявлять

⁶⁸ В. Н. Шурьев, *Взяточничество и лиходейство в связи с общим учением о должностных преступлениях*. Ярославль, 1916 г., стр. 182.

⁶⁹ См. К. *Bindng*. *Lehrbuch des Gemeinen Deutschen Strafrechts*. Bes. Teil. Zweiter Band, zweite Abteilung, Leipzig, 1905, S 325.

⁷⁰ См. *Wachinger*, «*Verbrechen und Vergehen im Amte*. «*Vergleichende Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts*.» Berlin 1906, S 350.

⁷¹ См. *Максим Леруа*. *Эволюция государственной власти*. (Синдикаты чиновников). Перевод В. С. Елпатьевского. С. Петербург, 1907 г., стр. 144—145.

⁷² См. *Л. Дюги*, *Конституционное право*, *Общая теория государства* Перевод. Москва, 1908 г., стр. 599.

⁷³ Там же стр. 590—593.

стачки, на деле объявляет чиновниками не только служащих, но и рабочих важнейших отраслей государственной промышленности, чтобы лишить их права объединяться в профсоюзы и вести организованную борьбу. Реакционность этих положений Дюги не может скрыть и ссылка его на интересы «существования нации». Нация, о которой говорит Дюги, — это в действительности клика капиталистов-монополистов, клика эксплуататоров, кровно заинтересованная в подавлении трудящихся, в лишении их права сопротивляться эксплуатации и бороться за улучшение своего материального положения. С этой целью и рядовые рабочие, с точки зрения их ответственности, объявляются чиновниками, должностными лицами.

Не подлежит сомнению, что, как только интересы империалистической буржуазии этого потребуют, найдутся ученые, которые и вышивальщиц гобеленов объявят чиновниками, «выполняющими государственную миссию в интересах нации»⁷⁴.

Дюги путем расширения понятия должностного лица предоставляет господствующей буржуазии возможность средствами уголовного права бороться против организованного движения рабочих и служащих.

Как выше уже было сказано, это одно из средств борьбы империалистической буржуазии против организованных действий рабочих и чиновнического пролетариата.

Наряду с расширением понятия субъекта должностных преступлений за счет рядовых служащих и рабочих государственных и частных предприятий, для буржуазных стран характерна безответственность тех, кто на самом деле являются субъектами должностных преступлений — представителей высшего чиновничества. Несмотря на наличие большого количества составов должностных преступлений в законодательстве некоторых буржуазных стран, для всех буржуазных стран характерна безответственность чиновников. Самые возмутительные насилия и злоупотребления, жертвою которых оказываются члены эксплуатируемых классов, большей частью влекут для совершителей этих преступлений лишь минимальные взыскания или даже вовсе остаются безнаказанными. Хотя за исключением Франции, до наших дней сохранившей в Code penal статью 114, устанавливающую безответственность чиновников, действующих по приказу своих начальников, большинство буржуазных государств не содержит в законодательствах указания на административные гарантии, т. е. на запрещение предавать суду чиновников без разрешения их администрации, однако, предста-

⁷⁴ См. Л. Дюги, Конституционное право. Общая теория государства. Перевод. Москва, 1908 г., стр. 597.

вители бюрократического чиновничества остаются безнаказанными за тяжкие преступления, такие как взяточничество, растраты и др.

Еще К. Маркс в своей работе «К критике гегелевской философии права» писал: «Иерархия карает чиновника, поскольку он грешит против иерархии и поскольку он совершает ненужный иерархии грех, но она берет его под свою защиту, поскольку его грех есть ее грех»⁷⁵.

2. Вопрос о понятии «должностного лица» или «субъекта должностных преступлений» не нашел единообразного разрешения в советской уголовно-правовой литературе и является спорным. Противоречиво этот вопрос разрешается и в судебной практике.

Прежде, чем определить круг лиц, могущих нести ответственность за преступления, предусмотренные главой о должностных преступлениях, т. е. могущих быть субъектами должностных преступлений, представляется необходимым выяснить, как определяют понятие должностного лица другие отрасли права: административное право, колхозное и др.

Учебник советского административного права делит государственных служащих на две группы: должностные лица и вспомогательный персонал⁷⁶.

Под должностными лицами проф. Студеникин понимает лиц, выполняющих юридические действия административного, судебного и хозяйственного характера.

Вспомогательный, подсобный аппарат государственных служащих совершает, по мнению проф. Студеникина, только материально-технические операции (например, подготовка материалов, оформление их и т. п.), без которых невозможно выполнение государственных функций.

Таким образом, проф. Студеникин проводит определенную грань между государственными служащими и должностными лицами. Последним предоставлено право в определенных пределах управлять социалистической собственностью. Должностные лица уполномочены в пределах своей компетенции направлять работу подчиненных им лиц, устанавливать правила поведения, руководить деятельностью нижестоящих органов и пр. Должностные лица выполняют функции обороны, охраны государственной безопасности и общественного порядка, охраны и защиты законных прав и интересов граждан, осуществления правосудия, соблюдения социалистической законности, развития

⁷⁵ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. т. I, Изд. I-е, М.—Л. 1928 г. стр. 574.

⁷⁶ См. С. С. Студеникин, Советское административное право. М., 1949 г., стр. 87.

социалистической культуры и идейно политического воспитания советских людей⁷⁷.

Аналогичное определение должностного лица дает и Ц. А. Ямпольская, которая тоже исходит из того, что все должностные лица вправе совершать действия, имеющие юридическое значение.

Ц. А. Ямпольская дает следующее определение должностного лица: «Должностными лицами являются те государственные служащие, которые при осуществлении своей служебной компетенции имеют право на совершение юридически значимых действий и, в частности, административных актов»⁷⁸, т. е. автор в основу классификации «государственных служащих» и «должностных лиц» кладет юридическую значимость служебных действий.

Юридически-значимыми действиями считаются такие действия лица, которые сохраняют свою силу и после смещения данного лица, если только эти действия не признаются правонарушительными⁷⁹.

И. В. Павлов, определяя понятие должностного лица в колхозе, тоже указывает на то, что к должностным лицам надлежит относить лишь тех работников, которые совершают определенные юридические действия, влекущие за собой определенные правовые последствия, т. е. должностными лицами следует считать только тех, которые выполняют определенные функции управления⁸⁰.

Таким образом должностными лицами советское административное и колхозное право признает лишь тех государственных служащих, которые выполняют административно-хозяйственные или распорядительные функции, т. е. тех работников Партии и Правительства, которые организуют, подбирают и расстановливают людей для выполнения директив партии и правительства, руководят их работой, планируют, ведают учетом и контролем.

С таким определением должностного лица, даваемого теоретиками административного и колхозного права, можно согласиться без особых возражений.

⁷⁷ См. С. С. Студеникин, «Советская государственная служба», Труды Академии VII, М., 1948 г., стр. 19.

⁷⁸ Ц. А. Ямпольская, «О должностном лице в советском государственном аппарате», Вопросы советского административного права», М., 1949 г., стр. 141.

⁷⁹ См. Проф. С. Студеникин, Советское административное право, М., 1949, стр. 86.

⁸⁰ См. И. В. Павлов, Правовые формы управления делами в колхозах, Госполитиздат, М., 1955 г., стр. 187—188.

«Администрация есть организующая деятельность государства» — писал К. Маркс⁸¹.

3. Перед теорией уголовного права встает другой вопрос: может ли уголовно-правовая наука для определения субъекта должностных преступлений воспользоваться определением должностного лица, даваемого административным и колхозным правом.

Представляется совершенно бесспорным, что понятие должностного лица должно быть единым для всех отраслей советского права.

Это единое понятие должностного лица должно быть дано не так называемыми «отраслевыми» или «специальными» дисциплинами, изучающими отдельные стороны единого понятия, а теорией государства и права, дающей общее понятие, пригодное для каждой из специальных правовых дисциплин, которые оперируют этим понятием в различных аспектах (государственное право, административное право, колхозное и гражданское право, уголовное право).

Уголовное право не должно ставить перед собой задачи рассмотреть многостороннюю деятельность должностного лица и дать определение должностного лица, а должно ставить перед собою более ограниченную задачу — определить категорию специального круга субъектов должностных преступлений.

В этой связи и ставится вопрос: совпадают ли понятия «должностное лицо» и «субъект должностных преступлений», т. е. могут ли привлекаться к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные в главе «должностные (служебные) преступления», только служащие, выполняющие административно-хозяйственные и распорядительные функции в государственных учреждениях, предприятиях и колхозах, (должностные лица в собственном смысле слова) или же за преступления, предусмотренные данной главой, могут нести ответственность и другие лица.

Это один из наиболее спорных вопросов в теории советского уголовного права. Надо сказать, что и судебная практика непоследовательна в решении данного вопроса.

Эти противоречия коренятся в толковании первого примечания к ст. 109 УК РСФСР (и соответствующих примечаний к статьям УК других союзных республик), которое гласит:

«Под должностными лицами разумеются лица, занимающие постоянные или временные *должности* в государственном (советском) учреждении, предприятии, а равно в организации или объединении, на которые возложены законом определенные

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. III, изд. 1-е, М.—Л. 1930, стр. 12.

обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, профессиональных или других общегосударственных задач».

Из этого определения должностного лица следует, что субъектами должностных преступлений признаются не только должностные лица государственных учреждений и предприятий, но также должностные лица организаций и объединений, имеющих по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных и других общегосударственных задач.

Это определение должностных лиц объясняется спецификой советского государственного аппарата.

Деятельность профессиональных союзов, кооперативных объединений, организаций молодежи, спортивных и оборонных организаций, культурных, технических и научных обществ также, как и деятельность государственных учреждений и предприятий, подчинена единой задаче социалистического строительства.

Ответственность должностных лиц общественных организаций и объединений, в особенности кооперативных организаций, наравне с должностными лицами государственных учреждений и предприятий, не вызывает разногласий ни в современной теории советского уголовного права, ни в практике, а поэтому ответственность должностных лиц государственных и общественных организаций, предприятий и колхозов по главе о должностных преступлениях можно считать бесспорной. На это непосредственно указано в законодательстве УССР, БССР и др.

Совершенно правильно поэтому судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ЛССР своим определением от 27 января 1956 г. оставила в силе приговор народного суда Кулдигского р-на ЛССР от 11 января 1956 г., которым кассир общественной кассы взаимопомощи Н. был осужден по ст. 109 УК РСФСР⁸².

4. Спорным в советской уголовно-правовой науке является другой вопрос, а именно: кто в перечисленных учреждениях, организациях, объединениях и предприятиях является субъектом должностных преступлений, какими качествами, функциями, полномочиями должен обладать работник, чтобы он мог быть отнесен к категории субъектов должностных преступлений.

Как выше было показано, примечание первое к статье 109 УК РСФСР определяет должностное лицо, исходя из понятия

⁸² См. Определение по делу № 368 за 1956 г.

должности, но не дает определения понятия должности. В этой неопределенности понятия «должности» коренятся многие трудности в определении понятия субъекта должностных преступлений. Административисты под должностью понимают «всякое наименование в утвержденной должностной номенклатуре (или в типовых штатах)»⁸³. Однако в типовых штатах перечислена и *должность* уборщицы, машинистки, курьера, электромонтера, истопника и др. Административисты считают, что любой государственный служащий (не только должностное лицо в собственном смысле слова) занимает определенную должность⁸⁴.

Исходя из указанного примечания к ст. 109 УК РСФСР, различно толкуя понятие должности, советские криминалисты дают различное определение субъекта должностных преступлений.

Судебная практика же требует ясного и четкого определения круга лиц, которые могут быть субъектами должностных преступлений, в том числе и преступной халатности.

Наличие такого определения способствовало бы укреплению социалистической законности и единообразному применению советского закона.

Бесспорным является в теории советского уголовного права, что *все лица, охватываемые понятием «должностного лица» с точки зрения административного и колхозного права, являются субъектами должностных преступлений*. Этот вопрос бесспорен и в судебной практике.

5. Криминалисты, которые занимались рассмотрением должностных преступлений в двадцатых годах, как проф. Жижиленко, проф. Гюнтер и проф. Пионтковский, должностными лицами — субъектами должностных преступлений кроме того считали *всех служащих*, как бы ни была незначительна их функция в общей системе государственного устройства⁸⁵.

Таким образом, эти авторы исключали из понятия субъекта должностного преступления только рабочих.

В последние годы советские криминалисты различно трактуют категорию субъектов должностных преступлений.

Проф. Утевский без достаточного основания чрезмерно расширяет круг лиц, могущих быть субъектами должностных пре-

⁸³ См. С. Студеникин, Советская государственная служба, «Вопросы советского административного права», М., 1949 г., стр. 76.

⁸⁴ Советское административное право, учебник для ВУЗов, М., 1950 г., стр. 76.

⁸⁵ См. А. А. Жижиленко. Должностные (служебные) преступления, изд. 3-е, М., 1927 г., стр. 5—6.

Проф. А. Гюнтер, Должностные преступления, Харьков. 1928 г., стр. 4.
Пионтковский А. А., Советское уголовное право, т. II, Особенная часть, 1928 г., стр. 207.

ступлений, включая в круг субъектов должностных преступлений, во-первых, всех служащих (по терминологии Кодекса законов о труде), во-вторых, должностных лиц, работающих не на основе трудового договора и не являющихся служащими (например, народные заседатели, члены месткомов, фабкомов и т. д., члены ревизионных комиссий, члены постоянных междоветовственных комиссий и т. п.)⁸⁶; во-вторых, рабочих и колхозников, выполняющих поручения служебного характера государственных и общественных организаций⁸⁷.

Не говоря уже о том, что нельзя считать правильным расширение понятия должностного лица на счет рабочих и колхозников, не выполняющих административно-хозяйственные функции, само понятие «выполнения служебного характера поручений» предоставляется неясным, расплывчатым. Проф. Утевский не указывает на характер этих поручений и тем самым непомерно расширяет ответственность рабочих и колхозников. Бесспорным является, что преступления указанных рабочих и колхозников по их работе ни в коей мере не нарушают правильной деятельности государственного аппарата, а поэтому нет никакого основания для их привлечения к ответственности за должностные преступления. На практике точка зрения проф. Утевского означает возможность привлечения к уголовной ответственности по статьям о должностных преступлениях рядовых рабочих и колхозников, т. е. необоснованное и противоречащее закону распространение на них уголовной ответственности за должностные преступления, необоснованное усиление репрессии за небрежное отношение к работе рядовых рабочих и служащих.

Такое искусственное расширение понятия субъекта должностных преступлений не может способствовать укреплению социалистической законности и государственной дисциплины и ставит под сомнение целесообразность выделения должностных преступлений в отдельную главу, как это делают уголовные кодексы всех союзных республик.

Проф. Утевский делает свои выводы на основании того, что в нашей стране стираются грани между интеллигенцией, т. е. служащими и рабочими, что должно привести якобы к сближению служащих и рабочих с точки зрения их ответственности за преступления по службе или работе⁸⁸.

Трудно усмотреть зависимость между стиранием граней между социальными группами, рабочими и служащими и их

⁸⁶ См. проф. Б. С. Утевский, *Общее учение о должностных преступлениях*, М., 1948 г., стр. 374.

⁸⁷ Там же, стр. 394.

⁸⁸ См. проф. Б. С. Утевский, *Общее учение о должностных преступлениях*, М., 1948 г., стр. 391.

уголовной ответственностью, т. к. уголовная ответственность служащих не обусловлена характером умственного труда (в отличие от труда физического), а интересами обеспечения правильной работы государственного аппарата.

Труд многих рабочих в нашей стране, связанный с обслуживанием сложных машин и аппаратов, является скорее умственным, чем физическим.

Новаторы и рационализаторы производства несомненно выполняют не только физическую работу, но еще в большей мере умственную. Различие между физическим и умственным трудом в нашей стране не может являться критерием для проведения грани между рабочими и служащими.

Расширение круга субъектов должностных преступлений встречает справедливую критику среди большинства советских криминалистов.

В судебной практике Верховного суда СССР неоднократно указывалось на недопустимость привлечения к уголовной ответственности по главе о должностных преступлениях рабочих и колхозников.

Так по делу Мурадова⁸⁹, по делу Харитоновой⁹⁰, по делу Кодчиной⁹¹, по делу Семельковой⁹², по делу Радченко⁹³, по делу Воронцова и др.⁹⁴ и многим другим делам Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своих определениях записала, что рядовые рабочие и колхозники не могут быть привлечены к уголовной ответственности за совершение должностных преступлений.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Союза ССР по делу Багдасаряна сказано: «Суд применил в данном случае ст. 117 УК Грузинской ССР (халатность), следовательно рассматривал действия комбайнера, как действия должностного лица. С такой квалификацией можно было бы согласиться, если бы речь шла о действиях комбайнера, совершенных им в качестве начальника агрегата (комбайна и трактора), которому... подчиняются все, работающие на данном агрегате»⁹⁵.

⁸⁹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 6, стр. 35.

⁹⁰ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1943 г., Е., 1948 г., стр. 146.

⁹¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1944 г., М., 1948 г., стр. 193.

⁹² Там же, стр. 82—83.

⁹³ Судебная практика 1945 г., вып. IV (XX), стр. 7—8.

⁹⁴ Там же, вып. I (XVII), стр. 12.

⁹⁵ Судебная практика Верховного суда СССР, 1946 г. Вып. IV (XXVIII) М., 1947 г., стр. 12.

Совершенно правильно Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ЛССР не усмотрела состава преступной халатности в действиях санитарки К., которая, работая в Сигулдской районной больнице, неосторожно обращалась с лекарствами и ввела больным вместо гипертонической и масляной клизмы раствор соляной кислоты, причинив больной О. легкие, а больной Г. тяжкие телесные повреждения. Эти действия санитарки К. были правильно квалифицированы по ст. 145 УК РСФСР⁹⁶.

Не усмотрела Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ЛССР состава преступной халатности и в действиях Ш., который, работая дизелистом в мастерских Вараклянской МТС, производил обогрев замороженного водопровода в помещении дизельного отделения и в виду преступной небрежности поджег чердачное перекрытие. В результате возникшего пожара МТС был причинен ущерб на сумму 40018 рублей.

Преступление Ш. было квалифицировано по ст. ст. 16 и 79² УК РСФСР⁹⁷.

Привлечение рядовых рабочих и колхозников к уголовной ответственности за должностные преступления является серьезным нарушением социалистической законности, которое до сих пор в отдельных случаях имеет место.

Так, по приговору народного суда 3-го участка Городского района г. Баку *возчик* «Бакхлебторга» Фарапонов был осужден за преступно-халатное отношение к своим служебным обязанностям на один год лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 14 мая 1952 г. не усмотрела в действиях Фарапонова признаков халатности, поскольку полученный хлеб по количеству буханок он сдал правильно, отвез обратно на завод излишне полученный хлеб, и у него никакой недостачи не оказалось⁹⁸. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР не указала на то, что возчик не является должностным лицом и не может нести уголовной ответственности за халатное отношение к служебным обязанностям.

Народным судом 2-го участка Екабпилсского района ЛССР 10 марта 1949 года по ст. 111 УК РСФСР был осужден шофер спиртозавода Г., который завел грузовую автомашину с грузом спирта в гараж спиртозавода, где по его небрежности возник пожар, в результате которого сгорел гараж вместе с

⁹⁶ См. определение по делу № 732 за 1956 г.

⁹⁷ См. определение по делу № 735 за 1956 г.

⁹⁸ Судебная практика Верховного суда СССР 1952 г. № 8, стр. 15.

автомашинной и грузом спирта. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ЛССР от 23 апреля 1956 г. приговор народного суда по протесту заместителя прокурора Латвийской Республики в порядке надзора был изменен на основании ст. 83⁶ КЗОТ в части гражданского иска, однако на нарушение социалистической законности Верховный суд ЛССР не реагировал, не указал народному суду на недопустимость привлечения шофера к уголовной ответственности за преступление, субъектом которого может быть только должностное лицо, каким шофер не является⁹⁹.

6. Если вопрос о том, что рабочие и колхозники не могут быть субъектами должностных преступлений, можно считать в теории бесспорно решенным, то серьезные разногласия вызывает в теории вопрос о том, могут ли технические служащие, т. е. служащие, не наделенные административно-хозяйственными функциями, быть субъектами должностных преступлений.

Большинство советских криминалистов полностью исключает технических служащих из категории субъектов должностных преступлений, желая оградить таким образом некоторые категории низовых работников от неосновательного привлечения их к уголовной ответственности и полагая, что только служащий, обладающий значительными правами и существенными функциями, может причинить существенный вред работе государственного учреждения¹⁰⁰.

М. А. Гельфер, освещая рассмотренные Верховным судом Союза ССР дела о должностных преступлениях, приводит целый ряд примеров из практики Верховного суда, которые подтверждают вывод автора о том, что рабочие (мясорубы, комбайнеры, поварихи) и рядовые колхозники не могут быть субъектами должностных преступлений¹⁰¹.

Однако автор, посвятивший свою работу специально изучению судебной практики по указанному вопросу, не приводит ни одного примера из практики Верховного суда Союза ССР, кото-

⁹⁹ См. определение по делу № КИ-46 за 1956 г.

¹⁰⁰ См. Уголовное право, Учебник для юридических школ. М., 1947 г., стр. 239. М. А. Гельфер. Вопросы особенной части уголовного права в практике Верховного суда СССР, М., 1948 г., стр. 11.

В. Ф. Кириченко. О субъекте должностных преступлений. Советское государство и право. 1956 г., № 2, стр. 93—95. А. Б. Сахаров. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М., 1956, стр. 89—91.

Т. Л. Сергеева. Советское уголовное право в борьбе с бесхозяйственностью и расточительством. М., 1955, стр. 11—21.

¹⁰¹ См. М. А. Гельфер, Вопросы особенной части уголовного права в практике Верховного суда СССР, М., 1948 г., стр. 13—15.

рый свидетельствовал бы о том, что служащие, выполняющие техническую работу, не признаются субъектами должностных преступлений. Это не случайно. Автор не смог найти в судебной практике указаний, запрещающих привлечение рядовых служащих к уголовной ответственности по статьям УК, предусматривающим ответственность за должностные преступления.

И, наоборот, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 25 октября 1950 г. по делу Иванова считает должностным лицом сторожа хлебного комбината¹⁰², определение от 11 августа 1945 г. объездчика учлесхоза Хачатуряна¹⁰³, определение от 12 июня 1941 года перронного контролера Хазина¹⁰⁴, определение от 9 июня 1947 г. обменщицу почты Сидоренко¹⁰⁵.

По делу Гловой Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении записала: «...между тем, очевидно, что обязанности сторожа как и всякого иного должностного лица, имеют пределы, обусловленные характером возложенных на него обязанностей и соответствующими правилами внутреннего распорядка...»¹⁰⁶.

Такова же точка зрения Верховного суда ЛССР. Так определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ЛССР от 23 января 1956 г. оставлен в силе приговор народного суда Тукумского р-на, которым ночной сторож столярной мастерской Ремстройконторы Л. осуждена за преступную халатность по ст. 111 УК РСФСР за то, что она оставила охранять мастерскую свою малолетнюю дочь, по неосторожности которой возник пожар, причинивший ущерб на сумму 25672 руб.¹⁰⁷.

Определением от 28 января 1955 г. оставлен в силе приговор народного суда Балвского р-на ЛССР от 13 января 1955 г., которым обменщица почты Балвской конторы связи К. осуждена за преступную халатность по ст. 111 УК РСФСР за то, что она неоднократно теряла письма и газеты, а 27 ноября 1954 г. при обмене почты в почтовом вагоне получила по на-

¹⁰² Судебная практика Верховного суда СССР 1951 г., № 2, стр. 18.

¹⁰³ Судебная практика Верховного суда СССР 1945 г. вып. VIII (XXIV), стр. 6—7.

¹⁰⁴ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1941 г., М., 1947 г., стр. 86.

¹⁰⁵ Судебная практика Верховного суда СССР, 1947 г. вып. VIII (XII), стр. 17—18.

¹⁰⁶ Судебная практика Верховного суда СССР 1945 г. вып. VIII (XXIV), стр. 4. (Подчеркнуто мною — М. Б.).

¹⁰⁷ См. определение по делу, № 264 за 1956 г.

кладной страховой мешок, в котором было 7300 рублей, ценное письмо и 22 почтовых отправления, которые потеряла¹⁰⁸.

Следует учесть, что уголовные кодексы УССР, Тадж. ССР и Туркм. ССР¹⁰⁹ знают даже специальный состав преступной халатности — небрежное отношение должностных лиц органов связи к своим обязанностям, повлекшее за собой нарушение правильной работы органов связи, задержку в доставке или пропавшую почтовых отправлений, как-то: газет, ценных переводов, телеграмм, посылок.

Субъектами этого преступления могут быть только служащие органов связи; таким субъектом преступления может быть и обменщица почты.

Многие советские криминалисты считают, что действующее уголовное законодательство (примечание к ст. 109 УК РСФСР) не исключает ответственности рядовых служащих за должностные преступления. Так, проф. Трайнин считает, что любой служащий может быть субъектом должностного преступления¹¹⁰.

На такой же точке зрения стоит и Г. Р. Смолицкий, который указывает что «каждый советский служащий, несомненно, является должностным лицом»¹¹¹.

Таким образом, согласно этой точки зрения субъектом должностных преступлений и, в частности, субъектом преступной халатности являются служащие, занимающие по назначению или по выборам постоянные или временные должности в государственных или общественных учреждениях или предприятиях, а также лица, не являющиеся служащими, но выполняющие административно-хозяйственные обязанности в государственных, общественных или кооперативных предприятиях, колхозах или иных общественных организациях.

Так понимает субъекта должностных преступлений, как мы выше показали, действующая судебная практика. По этому пути пошли и авторы многих проектов УК СССР.

Редактированный Лениным декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» впервые конкретизировал понятие субъекта должностного преступления, относя к нему помимо «должностных лиц» Советского правительства, также «членов фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений кооперативов и профессиональных союзов и тому подобных учреждений и организаций, или *служащих в таковых*»¹¹².

¹⁰⁸ См. определение по делу, № 169 за 1955 г.

¹⁰⁹ См. Ст. 104¹, ч. 2 УК УССР; См. Ст. 107¹, УК Туркм. ССР; Ст. 135, ч. 2 УК Тадж. ССР.

¹¹⁰ См. Уголовное право, часть особенная, М., 1943 г., стр. 307.

¹¹¹ Г. Р. Смолицкий, «Должностные преступления», М., 1947 г., стр. 4.

¹¹² СУ 1918 г., № 35, ст. 436 (подчеркнуто мною — МБ).

Как же следовало поступить во всех выше приведенных случаях из судебной практики с точки зрения советских криминалистов, отвергающих возможность привлечения рядовых служащих к уголовной ответственности за должностные (служебные) преступления?

Поскольку судебная практика сталкивается со злостными нарушениями своих служебных обязанностей рядовыми служащими, в результате чего причиняется особо тяжелый ущерб государственным или общественным интересам, то некоторые авторы вынуждены искать «обходный путь», т. е. под тем или другим предлогом оправдать привлечение к уголовной ответственности рядовых служащих, причинивших тяжелый ущерб государственным или общественным интересам или интересам советских граждан.

Так Б. В. Здравомыслов полагает, что, если курьеру вручаются для доставки ценные бумаги и последним в пути следования эти бумаги утрачиваются, *может* быть поставлен вопрос об уголовной ответственности курьера за должностное преступление, ибо «на данный отрезок времени и в строго определенных пределах на него были возложены указанные в законе должностные функции»¹¹³.

Так, для того, чтобы обосновать ответственность за должностные преступления курьеров и уборщиц, сторожей и машинисток, бесспорно не наделенных административно-хозяйственными функциями, автору пришлось признать их фактически выполняющими должностные функции.

Такая постановка вопроса не может претендовать ни на убедительность, ни на принципиальное разрешение очень важного для судебной практики вопроса.

Затруднения и колебания при решении вопроса о круге субъектов должностных преступлений, вызванные нечеткостью формулировки должностного лица, данной в примечании к ст. 109 УК РСФСР, являются наглядным примером того, в какой мере состояние законности зависит от состояния действующих законов, их разработанности¹¹⁴.

7. В этой связи, однако, следует поставить вопрос о том, должен ли быть определен и как должен быть определен круг субъектов должностных преступлений в будущем уголовном кодексе Латвийской ССР?

Нельзя признать правильным попытку некоторых авторов отказаться от определения должностного лица в самом законе

¹¹³ Б. В. Здравомыслов, Должностные преступления. Учебное пособие для студентов ВЮЗИ. М., 1956 г., стр. 29.

¹¹⁴ См. М. С. Строгович. Теоретические вопросы советской законности. Советское государство и право, 1956 г., № 4, стр. 23.

под предлогом общеизвестности этого понятия и неизбежности расплывчатого, неточного определения, от которого мало пользы для практики¹¹⁵.

Если встать на такую точку зрения, то приходится признать и разноречивой в судебной практике неизбежным. Этот вопрос представляется вполне разрешимым в уголовно-правовом законодательстве, однако данные в проектах УК СССР последних лет определения должностного лица, согласно которым субъектами должностных преступлений признаются все служащие, представляются несколько слишком широкими. В будущем уголовном кодексе ЛССР следует четко очертить более узкий круг субъектов должностных преступлений, охватив этим понятием только лиц, выполняющих административные, хозяйственные, организационные и распорядительные функции в советском государственном аппарате. К этой категории лиц следует отнести и делопроизводителя, и счетовода, и секретаря, однако не может быть отнесен ни сторож, ни курьер и ни уборщица.

Ответственность за общественно-опасные действия этих служащих, причинивших тяжелый ущерб интересам советского государства, общества или советских граждан, следует предусмотреть в соответствующих нормах уголовного законодательства наряду со всеми прочими гражданами¹¹⁶.

§ 4. Субъективная сторона преступной халатности

1. Привлечение должностного лица к уголовной ответственности за наступившие в результате его действий общественно-опасные последствия возможно только при наличии вины.

Вина является одним из элементов, характеризующим субъективную сторону состава преступления, но вместе с тем является и субъективным основанием уголовной ответственности, отсутствие которого исключает уголовную ответственность.

Ст. 10 уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик предусматривают, что уголовной ответственности подлежат лишь те, кто действует умышленно или неосторожно, т. е. виновно.

Отсутствие в действиях субъекта умышленной или неосторожной вины означает и отсутствие самого состава преступления, что исключает уголовную ответственность.

На это обстоятельство неоднократно указывали наши судебные органы, имея в виду различные составы преступления, в частности, состав преступной халатности должностных лиц.

¹¹⁵ См. Советское государство и право, 1954 г., № 4, стр. 76.

¹¹⁶ См. В. Ф. Кириченко, О субъекте должностных преступлений. Советское государство и право. 1956 г., № 2, стр. 97—98.

Требование наличия вины в каждом отдельном случае привлечения лица к уголовной ответственности вытекает из интересов и задач правосудия в социалистическом государстве, а также из интересов охраны личности в Советском государстве.

2. Суд обязан по каждому делу для установления наличия конкретного состава преступления установить *определенную форму вины* в действиях обвиняемого.

В ряде составов законодатель непосредственно указывает на определенную форму вины, необходимую для наличия состава данного преступления. Отсутствие требуемой законом формы вины исключает состав этого преступления.

Целый ряд составов преступлений не содержит непосредственного указания на определенную форму вины, но все же дает основание для решения этого вопроса.

Так, некоторые составы содержат указание на цель или мотив преступления, тем самым предполагают умышленное совершение преступления. Об умысле свидетельствует, например, указание на «заведомость».

Некоторые преступления по своей сущности исключают возможность совершения их по неосторожности, например, хищение, изнасилование, взяточничество и др.

Для большинства составов должностных преступлений установление требуемой законом формы вины не вызывает особых затруднений, например, взяточничество, злоупотребление служебным положением и др. Это, как видно, и дало основание проф. Утевскому придти к выводу о том, что сравнительно с другими элементами состава должностных преступлений учение о субъективной стороне менее чревато сложными или спорными вопросами¹¹⁷.

По этой же причине, должно быть, вопросы, связанные с субъективной стороной преступной халатности, не получили в нашей теории достаточного освещения. На наличие целого ряда неразрешенных вопросов, связанных с субъективной стороной преступной халатности, указывают имеющиеся в нашей теории диаметрально противоположные точки зрения по вопросу о форме вины в составе преступной халатности.

Сама халатность понимается некоторыми криминалистами иногда как некая форма вины¹¹⁸.

Эта ошибочная точка зрения иногда встречается и в судебной практике. Так, в определении Судебной коллегии по уголов-

¹¹⁷ Проф. Б. С. Утевский, *Общее учение о должностных преступлениях*. 1948 г., стр. 394.

¹¹⁸ См. М. Д. Шаргородский, *Вина и наказание в советском уголовном праве*, стр. 11. М., 1945 г.

ным делам Верховного суда Союза ССР по делу Песнячевской указано: «Суд инкриминировал подсудимой неосторожную вину в виде халатности»¹¹⁹. Такая неточность в формулировке может создать неправильное впечатление, что кроме двух форм неосторожной вины, известных законодательству и теории советского уголовного права, — преступной небрежности и преступной самонадеянности, имеется еще третья форма неосторожной вины — халатность.

Но, раскрыв содержание этого определения Судебной коллегии, приходим к выводу, что речь идет не о третьей форме неосторожной вины, а о преступной небрежности.

Как уже было показано при разборе признаков, характеризующих объективную сторону состава преступной халатности, вопрос о том, являются ли «небрежность» и «недобросовестность» признаками, характеризующими объективную сторону состава преступной халатности, или эти признаки предопределяют определенную форму вины в составе преступной халатности, является в советской уголовно-правовой литературе спорным.

Те авторы, которые считают, что «небрежность» и «недобросовестность» являются признаками, характеризующими субъективную сторону преступной халатности, вместе с тем считают, что в состав преступной халатности законодателем включены признаки, указывающие на две возможные формы вины.

Так, по мнению проф. Меньшагина и др., небрежное отношение предполагает случаи, когда должностное лицо действует по неосторожности, т. е. когда лицо не сознает, что его действия являются упущением по службе. При этом и в отношении наступления вредных последствий вина может быть лишь неосторожной¹²⁰. При недобросовестном же отношении должностного лица к обязанностям по службе, психическое отношение к самому действию имеется в виду в форме умысла, а к наступлению вредных последствий — как в форме неосторожности, так и в форме косвенного умысла¹²¹.

Упомянутые авторы исключают только прямой умысел из круга возможных признаков, характеризующих субъективную сторону преступной халатности.

По мнению же проф. Пионтковского, халатное отношение к

¹¹⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1942 г. М., 1948 г., стр. 95.

¹²⁰ См. Уголовное право. Учебник для юридических школ, Юриздат, М 1947 г., стр. 250.

¹²¹ См. Уголовное право. Учебник для юридических школ. М., 1943, стр. 226.

службе с субъективной стороны может выражаться и в форме прямого умысла¹²².

Проф. Пионтковский считает, что все признаки, упомянутые в ст. 109 УК РСФСР, в том числе и соображения корысти или иной личной заинтересованности и заведомость наступления тяжелых последствий могут быть отнесены и к преступной халатности.

Так авторы, полагающие, что признаки «небрежность» и «недобросовестность» характеризуют субъективную сторону преступной халатности, допускают преступную халатность как преступление умышленное, даже с прямым умыслом.

Но и те авторы, которые полагают, что признаками «небрежность» и «недобросовестность» законодатель имел в виду обрисовать объективную сторону преступления, не дают правильного решения вопроса о субъективной стороне преступной халатности. Проф. Утевский полагает, что преступная халатность возможна как неосторожное и как умышленное преступление¹²³.

Не говоря уже о некоторой непоследовательности проф. Утевского¹²⁴, ошибка его состоит в том, что, рассматривая признаки «небрежность» и «недобросовестность» как признаки объективной стороны преступной халатности, проф. Утевский механически разрывает объективную сторону и субъективную, теряя из виду существующую между ними связь. Проф. Утевский считает небрежно и недобросовестно выполненную работу просто работой плохого качества, а потому утверждает, что плохого качества работа может быть выполнена и умышленно.

Но небрежная работа это не только низкого качества работа, это, как выше было показано, работа «спустя рукава», кое-как, запущенная работа, невнимательная работа. Небрежное действие — это действие необдуманное. Нельзя говорить о небрежной работе, невнимательности, если лицо желает достижения определенного преступного результата, предвидит его, стремится к нему.

Это относится и к недобросовестной работе. Недобросовестная работа — это бездушная, формальная работа, работа без учета существа дела. Но и недобросовестное, как и небрежное отношение, не имеет в виду работу, направленную к достижению преступного результата.

¹²² См. А. Пионтковский. Советской уголовное право т. II. Особенная часть. М., 1928 г., стр. 225.

¹²³ См. проф. Б. С. Утевский, Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948 г., стр. 402—403.

¹²⁴ См. Проф. Б. С. Утевский, «Вина в советском уголовном праве», М., 1950 г., стр. 307, также проф. Б. С. Утевский, Уголовное право. Библиотека народного судьи, М., Книга 2. М., 1949 г., стр. 111.

Поэтому нам представляется, что исходя из объективной стороны преступной халатности, но не разрывая механически объективную и субъективную сторону, только и можно установить психическое отношение должностного лица к последствиям его преступных действий.

Б. Р. Левин также считает, что преступная халатность не исключает не только эвентуального умысла, но возможна и с прямым умыслом, что по своему существу халатность — небрежное и недобросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей во многих случаях является преступлением, окрашенным мотивами личного порядка, обусловленным нежеланием напрягать и затрачивать свои усилия, энергию и волю в интересах службы¹²⁵.

Автор приводит следующие примеры из судебной практики Свердловской области, полагая, что во всех случаях речь идет о составе преступной халатности при наличии умышленной вины:

а) Гр-ка В., работая буфетчицей столовой, принимая хлеб от возчиков, систематически не взвешивала таковой, в результате чего у нее образовалась недостача в 60 кг хлеба;

б) Санитарный врач Ф. не контролировала качества продуктов, употребляемых в обслуживаемой ею столовой одного из заводов города Свердловска, в результате чего в пищу была допущена недоброкачественная рыба, а в другом случае недоброкачественные грибы, вызвавшие случаи отравления;

в) Старший контролер контрольно-учетного бюро Молотовского р-на г. Свердловска Ш. не проверил правильности подсчетов талонов продовольственных карточек, произведенных подчиненными ему контролерами. Подписывая акты о сжигании талонов, он не следил за их уничтожением, чем объективно предоставил возможность производить хищение талонов, а стало быть и продуктов.

Однако с комментариями автора и данным им анализом субъективной стороны приведенных преступлений нельзя согласиться.

Во всех приведенных автором случаях автор отрицает наличие вины неосторожной. «Гр-ка В., как и врач Ф., ... как и старший контролер Ш, *заведомо* допускали в силу тех или иных личных побуждений нарушение или отступление или неисполнение предписанных им инструкциями либо служебным долгом обязанностей службы», — пишет автор¹²⁶.

¹²⁵ Б. Р. Левин, «Общие должностные преступления в свете учения об административных актах», Ученые записки Свердловского юридического института. Том II, 1947 г., Свердловгиз, стр. 178.

¹²⁶ Там же стр. 179.

Исходя из неправильного анализа, автор приходит к неправильным выводам о возможности корыстной или иной личной заинтересованности в составе преступной халатности.

В чем ошибка проф. Утевского и Б. Р. Левина?

Говоря о форме вины в конкретном составе преступления, необходимо рассматривать психическое отношение лица к последствиям его действия (бездействия). Ст. 10 УК РСФСР, как и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик, говорит только о психическом отношении лица к *последствиям его действия или бездействия*.

«Единственное, от чего уголовный закон охраняет и может охранить объект — общественную ценность, — пишет проф. Трайнин, — это от ущерба... ущерба, *причиненный объекту... и является последствием*, образующим необходимый элемент каждого состава преступления»¹²⁷.

Последствие неотделимо от объекта преступления, который, в основном, определяет общественную опасность деяния. Поэтому для того, чтобы разрешить вопрос о том, какая форма вины требуется для данного состава преступления, необходимо исходить из рассмотрения психического отношения лица к последствиям своих действий, т. е. к ущербу, причиненному действиями обвиняемого правоохраненному объекту.

Если это положение и может встретить возражение со стороны сторонников существования так называемых формальных преступлений, для ответственности за которые закон не требует наступления определенных последствий, то в отношении состава преступной халатности такое возражение не может возникнуть.

Наша судебная практика, указывая на форму вины в составе преступной халатности, также имеет в виду психическое отношение лица к последствиям его действий.

Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Союза ССР по делу Унтилова сказано: «те или иные последствия могут быть вменены подсудимому при наличии причинной связи между действием или бездействием подсудимого и этими последствиями, если при этом *установлена его вина, т. е. если установлено, что он предвидел или должен был предвидеть последствия своего действия или бездействия*»¹²⁸.

Это надо всегда иметь в виду для правильной квалификации преступления.

В трех примерах, приведенных Б. Р. Левиным, мы усматриваем психическое отношение обвиняемых к наступившим обще-

¹²⁷ Проф. А. Трайнин, Учение о составе преступления, М., 1946 г., стр. 81—82 (подчеркнуто мною — МБ).

¹²⁸ Судебная практика 1946 г., вып. IV (XXVIII) М., 1947 г. стр. 22—23 (подчеркнуто мною — МБ).

ственно-опасным последствиям их преступной деятельности в форме неосторожности, точнее в форме преступной небрежности. Санитарный врач Ф., не контролировавший качества продуктов в обслуживаемой ею столовой, как и старший контролер Ш., не следивший за уничтожением талонов, а также буфетчица В., не взвешивавшая хлеб при его приеме, бесспорно не желали наступления тяжелых последствий в результате своего поведения и сознательно их не допускали; их вина состоит в том, что они не предвидели наступления тяжелых последствий, хотя должны были и могли их предвидеть.

Неосторожная вина и является *единственно возможной формой вины* в составе преступной халатности. На это указывает и наша судебная практика, но на ней остановимся ниже.

3. Однако кроме установления психического отношения лица к последствиям его деятельности, необходимого для признания наличия или отсутствия состава определенного преступления, судебные органы заинтересованы в установлении психического отношения лица и к самому действию, ибо действие является причиной результата. Установление психического отношения лица к самому действию помогает определению степени виновности лица, что обеспечивает в свою очередь индивидуализацию наказания.

В отношении самого преступного действия возможны все формы вины. Должностное лицо, небрежно выполняющее свои обязанности, в ряде случаев сознает ненадлежащее качество своей работы. В примерах из судебной практики, приведенных Б. Р. Левиным, санитарный врач Ф. сознавала, что она ненадлежащим образом выполняет свои обязанности по основной работе, ибо была занята совместительством.

Сознавая низкое качество своей работы или невыполнение определенных обязанностей, должностное лицо все же может не предвидеть обусловленных его действиями преступных последствий. Это возможно, например, в результате того, что должностное лицо не предвидит развития причинной связи.

Но умысел (прямой и косвенный) не является единственной формой вины в отношении самого действия (бездействия) должностного лица.

Такого вывода нельзя сделать также из остальных двух примеров, приведенных Б. Р. Левиным.

Из материалов дела, приведенных автором, нельзя сделать вывода об умышленно небрежной работе старшего контролера Ш. и буфетчицы В. Психическое отношение этих лиц к качеству их работы могло быть и в форме умысла, но не исключено и психическое отношение к самому действию в форме небрежности.

Различие в формах вины должностного лица к самому действию не имеет значения для правильной квалификации преступления, но не является безразличным для определения степени виновности лица и назначения наказания.

Для правильной оценки степени общественной опасности преступления и самого преступника установление психического отношения лица к самому действию является необходимым.

В результате оценки всей совокупности признаков, характеризующих само действие, последствие, личность обвиняемого и психическое отношение его к наступившим последствиям, а также и к самому действию, суд приходит к выводу о степени общественной опасности лица и совершенного им преступления.

Для уяснения этой точки зрения представляется полезным провести параллель между психическим отношением лица к своему действию и последствиям при неосторожном убийстве. Форма вины при неосторожном убийстве сомнений не вызывает — это бесспорно неосторожная вина в форме преступной небрежности или преступной самонадеянности. Наличие умысла исключает состав неосторожного убийства.

Но исключает ли состав неосторожного убийства психическое отношение лица в форме умысла к самому действию, причинившему смерть другого лица?

Лицо может умышленно стрелять в цель, сознавать, что оно стреляет и желать выстрелить в цель.

Для наличия состава неосторожного убийства безразлично, произошел ли выстрел, вызвавший смерть, по небрежности лица или в результате умышленной стрельбы в цель ради достижения другого результата.

Для наличия состава неосторожного убийства необходимо, чтобы лицо, причинившее смерть, предвидело возможность наступления таких последствий, но легкомысленно надеялось их избежать, или не предвидело, хотя должно было и могло их предвидеть.

В этой связи интересно привести дело Чиликова и Маслова. По делу установлено, что шофер Чиликов, будучи в нетрезвом состоянии, зашел в будку дежурного нарядчика гаража, расположенную недалеко от переходной дорожки, и предложил находившему в будке шоферу Маслову испробовать имевшиеся у них пистолеты системы «Парабеллум» и «ТТ». Сначала Чиликов произвел два выстрела из пистолета системы «Парабеллум» по шапке Маслова, при этом одна пуля застряла в бревне стены, а другая прошла навылет. Несмотря на это, Маслов сделал выстрел из пистолета «ТТ» в повешенную на тот же гвоздь шапку

Чиликова. Он попал в паз бревенчатой стены. Пуля прошла навывлет и ранила студентку 1-го курса Политехнического института Попову, которая от полученного ранения скончалась¹²⁹.

Психическое отношение Чиликова и Маслова к самому действию сомнений не вызывает. Они сознавали, что стреляют в шапку и желали выстрелами испробовать свое оружие, т. е. психическое отношение к действию было в форме прямого умысла.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР их действия правильно квалифицировала по ст. 139 УК РСФСР, т. е. усмотрела состав неосторожного убийства, так как они не предвидели, хотя должны были и могли предвидеть возможность наступления в действительности наступивших последствий.

Назначая наказание, советский суд бесспорно учет и психическое отношение стрелявшего к самому действию, ибо оно свидетельствует о степени общественной опасности преступника и совершенного им преступления.

Пример по делу о неосторожном убийстве приводится для проведения грани между психическим отношением обвиняемого к самому действию и к последствиям. В то время как психическое отношение к последствиям в форме умысла или неосторожности дает возможность провести четкую грань между составом умышленного и неосторожного убийства, психическое отношение к самому действию наряду с другими признаками, как было показано выше, дает возможность судить о степени общественной опасности лица.

Различное психическое отношение должностного лица к недобросовестно выполняемым им обязанностям по службе и последствиям, наступившим в результате таких действий, можно проследить на следующем примере из судебной практики народного суда Пролетарского р-на г. Риги.

Врач Р., будучи дежурным врачом приемного отделения 1-й Рижской городской клинической больницы, узнав о прибытии тяжело больного Яхлакова из урологического отделения, направленного туда с ее ведома с диагнозом «почечно-каменная болезнь», больного не осмотрела, не проверила причину возвращения больного из урологического отделения, не прочла истории его болезни, составленной врачом урологического отделения, вновь направила его в урологическое отделение и не заинтересовалась в дальнейшем его судьбой. Вследствие несвоевре-

¹²⁹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1948 г., вып. II, Москва, 1948 г., стр. 15—16.

менного диагностирования перитонита и несвоевременного операционного вмешательства больной Яхлаков скончался¹³⁰.

Конечно, врач Р. сознавала безответственность своего отношения к порученной работе, преступно-недобросовестное отношение к своим обязанностям, бездушное отношение к судьбе тяжело-больного человека, однако она не предвидела возможности наступления в результате ее безответственного отношения смерти человека, хотя обязана была предвидеть такую возможность. Разве может встать вопрос о том, что врач Р. желала смерти пациента Яхлакова или даже сознательно допускала наступление его смерти? Конечно, нет.

Аналогичный вывод можно сделать и по делу В., которая была осуждена народным судом Даугавпилсского р-на ЛССР 1 июня 1956 г. по ст. 109 УК РСФСР. Ветфельдшер Илукстского р-на В., осмотрев забитого в колхозе «Гайсма» большого теленка и установив диагноз — «гастроэнтерит», мясо не отправила в лабораторию для производства исследования, а в акте забоя указала, что оно годно к употреблению в пищу. На основании этого акта мясо было распродано колхозникам, в результате чего члены семьи колхозника Д. от употребления мяса в пищу заболели, а его дочь Ксаверия от острого отравления умерла. И в этом случае различно психическое отношение ветфельдшера В. к составлению акта забоя и установлению пригодности мяса забитого теленка в пищу и наступившим в результате ее действий тяжелым последствиям — заболеванию нескольких колхозников и смерти девочки.

Правильно разобравшись в этом вопросе, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ЛССР переквалифицировала преступление В. со ст. 109 на ст. 111 УК РСФСР¹³¹.

Различие между психическим отношением к самому действию (бездействию) должностного лица и к последствиям этого действия и следует иметь в виду при квалификации преступления должностного лица, т. е. при решении вопроса, имеется ли в данном конкретном случае состав преступной халатности или другого преступления.

Для определения наказания за преступную халатность необходимо учесть и степень общественной опасности преступления путем анализа всех обстоятельств дела, в том числе и психического отношения должностного лица к самому действию.

Еще более рельефно выступает различие между психическим отношением должностного лица к самому действию и к случай-

¹³⁰ См. приговор народного суда Пролетарского р-на г. Риги по делу Р., от 26. IX—1956 г.

¹³¹ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ЛССР № 2305 за 1956 г.

ным последствиям, т. е. к общественно-опасным последствиям, которые лицо не предвидело и по обстоятельствам дела не должно было и не могло предвидеть, или хотя бы и должно было, но не могло предвидеть.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР не усмотрела наличие состава преступной халатности в действиях Шестакова, который, уходя от загруженного продуктами вагона для оформления документов, не поставил охрану к вагону, в результате чего замок был сломан и из вагона был похищен мешок сахарного песка весом 69 кг и баллон растительного масла.

Судебная коллегия в своем определении указала, что Шестаков, отлучившись от вагона по служебной необходимости на короткое время, вагон закрыл на замок; вагон оставался на железнодорожной станции, где находилась железнодорожная охрана и где поезда с грузами стоят без специальной охраны у каждого вагона. Поэтому Шестаков не мог предвидеть, что в его отсутствие будет сломан замок, которым был заперт вагон¹⁸².

Если рассматривать изолировано психическое отношение Шестакова к его действиям в приведенном примере, то в них можно усмотреть умысел. Шестаков сознательно оставил загруженный продуктами вагон без охраны. Но в виду того, что Шестаков не мог предвидеть последствий своих действий, в действиях Шестакова Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР не усмотрела состава преступления.

4. Правильное решение вопроса о форме вины в составе преступной халатности не является только теоретическим вопросом. Это вопрос большой практической важности, ибо от его решения зависит правильная квалификация преступления. Субъективная сторона преступной халатности дает возможность провести грань между этим преступлением и родственными ему преступлениями.

Только исходя из правильного анализа объективной стороны преступной халатности, не разрывая объективную и субъективную стороны и правильно устанавливая психическое отношение должностного лица к общественно-опасным последствиям небрежно или недобросовестно выполненных им обязанностей, можно решить вопрос о форме вины в составе преступной халатности.

Поэтому и следует придти к выводу, что преступно-халатное отношение к служебным обязанностям не может быть умышленным деянием, что оно всегда — деяние неосторожное.

¹⁸² Судебная практика Верховного суда СССР 1947 г., вып. I (XXXV), стр. 23.

На это неоднократно указывала и наша судебная практика. Так, в постановлении Пленума Верховного суда Союза ССР по делу Кинькаева сказано, что *халатность предполагает вину неосторожную*¹³³.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Акоюяна сказано: «Халатность может быть инкриминирована, как и любое иное преступление, лишь при наличии вины, причем, *поскольку это касается халатности, вины неосторожной*»¹³⁴.

На это же указывается в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Долидзе¹³⁵ и др.

В определении Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР по делу Круглова указано, что «действия были совершены Кругловым умышленно, а умышленное нарушение должностным лицом финансовой дисциплины должно рассматриваться как злоупотребление служебным положением, а не как халатность»¹³⁶.

Аналогично определение Верховного суда СССР от 11 апреля 1951 г. по делу Козиева, действия которого неправильно были переqualифицированы Верховным судом Узб. ССР на ч. 1 ст. 143 УК Узбекской ССР (халатность). Козиев сознательно грубо нарушил Устав сельхозартели, разбазарил колхозные земли и семенной фонд и грубо нарушил принципы демократии, предусмотренные Примерным уставом сельхозартели¹³⁷.

Таким образом, приходим к выводу, что для состава преступной халатности *единственно возможной формой вины является неосторожная вина*.

5. Основной формой вины в составе преступной халатности является преступная небрежность.

Для преступной небрежности в отличие от всех других форм вины характерно *непредвидение* последствий своего деяния. Отсутствие предвидения исключает возможность со стороны должностного лица избежать наступление преступного результата.

Психическая связь должностного лица с последствиями его действий (бездействия) при преступной халатности характеризуется отсутствием предвидения последствий своих действий.

а) Отсутствие предвидения общественно-опасных послед-

¹³³ Судебная практика Верховного суда СССР, 1946 г., вып. X (XXXIV), М., 1947 г., стр. 17.

¹³⁴ Судебная практика Верховного суда СССР 1945 г., вып. VII (XXIII) М., 1946 г., стр. 8 (подчеркнуто мною — МБ).

¹³⁵ Судебная практика Верховного суда СССР 1950 г., № 6, стр. 7.

¹³⁶ Судебная практика Верховного суда СССР 1950 г., № 1, стр. 22—23.

¹³⁷ Судебная практика Верховного суда СССР 1951 г., № 9, стр. 15.

ствий своих действий со стороны должностного лица заслуживает осуждения со стороны социалистического государства только в том случае, если должностное лицо должно было предвидеть общественно-опасные последствия своих действий.

Это записано в самом законе. Ст. 10 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик) предусматривает для преступной небрежности два момента: отрицательный — лицо не предвидело последствий своих поступков — и положительный (нормативный) — лицо должно было предвидеть их.

Должное поведение каждого советского гражданина наполнено морально-политическим содержанием. Основные правила должного поведения установлены статьями Советской Конституции и остальными советскими законами, а также нормами социалистической морали и правилами общежития. Должное поведение каждого должностного лица, кроме того, обусловлено лежащими на нем обязанностями.

Возложенные на должностное лицо обязанности обуславливают не только определенное поведение, определенное качество работы должностных лиц, но и определенное психическое отношение их к своим обязанностям, к своему долгу.

Советский суд, решая вопрос о том, должно ли было конкретное должностное лицо, причинившее общественно-опасные последствия, предвидеть их наступление и общественно-опасный характер, исходит из конкретных условий работы данного должностного лица. Это положение в советской уголовно-правовой литературе разногласий не вызывает.

б) Спорным в советской уголовно-правовой литературе является другой вопрос — вопрос о том, достаточно ли для наличия преступной небрежности установить долженствование предвидеть, т. е. исходить из объективного критерия или же наряду с объективным критерием необходимо учесть и субъективный критерий — *возможность* предвидения конкретным субъектом причиненных его действиями общественно-опасных последствий.

Большинство советских ученых стоит на той точке зрения, что для наличия преступной небрежности как формы вины необходимо установление не только того, что лицо *должно* было, но и того, что оно *могло* предвидеть последствия своих действий. На этой точке зрения стоит и судебная практика. Верховный суд СССР в своих определениях по целому ряду дел указал на необходимость установления в каждом конкретном случае, *могло ли конкретное лицо в конкретных условиях предвидеть возможность наступивших общественно-опасных последствий*, т. е. указал на то, что *возможность предвидения обуслов-*

ливается объективной обстановкой, в которой действует лицо, и субъективными свойствами конкретного лица.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР не усмотрела наличия преступной небрежности в действиях Песнячевской, ибо она *не могла* предвидеть непригодность шкафа для хранения ценностей и того, что к нему подходят посторонние ключи¹³⁸.

Эти объективные обстоятельства в данном случае лишали возможности Песнячевскую предвидеть имевшее место хищение ценностей.

В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Солнцева сказано, что Солнцева, малограмотный человек, не знакомый со всеми требованиями отчетности, не могла предвидеть последствий своих действий¹³⁹, т. е. Солнцева не обладала такими субъективными качествами, которые дали бы ей возможность предвидеть наступление тяжелых последствий.

Аналогично определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 22 августа 1951 г. по делу Филиппова¹⁴⁰, и др.¹⁴¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что советский суд, решая вопрос о наличии или отсутствии в действиях обвиняемого неосторожной вины в форме преступной небрежности, исходит из того, *должно ли было и могло ли* данное конкретное лицо предвидеть общественно-опасные последствия своих действий, т. е. учитывает обязанности конкретного должностного лица, а также объективные и субъективные условия данного конкретного случая: обстановку, время и место действия и личные свойства самого обвиняемого.

6. Хотя основной формой вины в составе преступной халатности является преступная небрежность, нет никаких оснований для отрицания в составе преступной халатности неосторожной вины в форме преступной самонадеянности.

Самонадеянность, согласно статье 6 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», состоит в предвидении последствий своих действий, соединенном с легкомысленной надеждой предотвратить их. Предвидение об-

¹³⁸ См. Сборник Постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1942 г., М., 1947 г., стр. 95.

¹³⁹ См. Сборник Постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1944 г., М., 1948 г., стр. 144.

¹⁴⁰ Судебная практика Верховного суда СССР 1951 г., стр. 18.

¹⁴¹ Судебная практика Верховного суда СССР 1945 г., вып. VIII (XXIV), М., 1947, стр. 8.

Судебная практика Верховного суда СССР 1945 г., вып. IV (XX), М., 1946 г., стр. 9.

щественно-опасных последствиях своих действий при самонадеянности отличается от предвидения общественно-опасных последствий при умысле тем, что в первом случае субъект предвидит только *вероятность* их наступления, соединенное с легкомысленной надеждой их предотвратить. Надежда предотвратит наступление последствий своих действий предполагает расчет самого субъекта на определенные конкретные обстоятельства: свои собственные действия или действия других лиц, а также события, которые в действительности оказываются недостаточными для предотвращения преступного результата¹⁴².

Опубликованная судебная практика Верховного суда СССР знает случаи преступной халатности при наличии вины в форме преступной самонадеянности.

Так, Копорский был осужден за то, что, работая заведующим Кзыл-Кумским хлопковым пунктом, он, получив сообщение, что вода в реке Нарын вышла из берегов и создалась угроза, что она унесет хлопок в мешках, во-время не принял достаточных мер, в результате чего 67 мешков хлопка оказались унесенными водой.

Не подлежит сомнению, что Копорский предвидел возможность того, что 67 мешков хлопка могут быть унесены водою, но в то же время он легкомысленно надеялся предотвратить эти последствия, хотя принятые им меры для их предотвращения и не были достаточными¹⁴³.

Основанием для уголовно-правового упрека как при небрежности, так и при самонадеянности является невнимательная оценка фактических условий, причем при самонадеянности субъект неправильно оценивает и те обстоятельства, которые должны были по его расчетам предотвратить наступление тяжелых последствий.

Вина в форме преступной самонадеянности имеет место также в другом примере из судебной практики Верховного суда СССР.

Писарев предан суду по ст. 111 УК РСФСР за то, что он, будучи заведующим баржей пиломатериалов, а затем коммерческим директором лесозавода, преступно-халатно относился к выполнению государственного плана погрузки и выгрузки вагонов. В результате этого не был выполнен государственный план погрузки, за что был начислен большой штраф.

Линейный суд признал Писарева виновным в том, что он принимал недостаточные меры к обеспечению фронта погрузки

¹⁴² См. В. Я. Лившиц, К вопросу о понятии эвентуального умысла. Советское государство и право, 1947 г., № 7, стр. 35—36.

¹⁴³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР за 1943 г. М., 1948 г. стр. 91.

и выгрузки вагонов рабочей силой и, зная, что на заводе нет продукции, тем не менее давал заявки на подачу вагонов¹⁴⁴.

Писарев, давая заявки на подачу вагонов при отсутствии на заводе готовой продукции и будучи осведомлен об этом, конечно, предвидел возможность простоя вагонов, но он легкомысленно надеялся предотвратить простой вагонов, предпринимая различные меры к обеспечению фронта погрузки и выгрузки вагонов, но принятые им меры оказались недостаточными.

7. Точное установление признаков субъективной стороны преступной халатности является необходимой предпосылкой правильной квалификации целого ряда должностных преступлений, правильной социально-политической и юридической оценки этих преступлений.

Признаки, характеризующие субъективную сторону преступной халатности, дают возможность отграничить данное преступление от саботажа — сознательного неисполнения своих обязанностей или умышленно небрежного их исполнения с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, от хищения государственного и общественного имущества, совершенного путем должностного присвоения или растраты¹⁴⁵ или путем заведомого невоспрепятствования должностным лицом совершению растраты подчиненным лицом¹⁴⁶, от злоупотребления служебным положением¹⁴⁷, обмеривания и обвешивания¹⁴⁸, бездействия должностного лица.

На последнем вопросе необходимо несколько остановиться, так как полагаем, что в будущий уголовный кодекс Латвийской ССР должны быть внесены некоторые изменения в определение бездействия власти или должностного лица. Обрисовка состава бездействия власти в ныне действующем законодательстве не дает возможности определить с достаточной четкостью всех признаков состава бездействия власти, в частности, не дает

¹⁴⁴ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР 1940 г., Москва — 1941 г., стр. 173.

¹⁴⁵ См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 8, стр. 30. Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 5, стр. 21—22, Судебная практика Верховного суда СССР, 1950 г., № 5, стр. 3—5, Судебная практика Верховного суда СССР, 1950 г., № 6, стр. 1—2., Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., стр. 15.

¹⁴⁶ См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 12, стр. 15.

¹⁴⁷ Судебная практика Верховного суда СССР 1950 г. № 6, стр. 7. Судебная практика Верховного суда СССР 1949 г. № 6, стр. 34. Судебная практика Верховного суда СССР, 1946 г., Вып. V (XXIX) М., 1947 г., стр. 8—10.

¹⁴⁸ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1941 г. М., 1947 г., стр. 72. Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 8, стр. 18. Судебная практика Верховного суда СССР, 1948, Вып. III. М., 1948 г., стр. 18—19.

возможности определить, является ли это преступление умышленным или неосторожным.

Если считать бездействие власти преступлением неосторожным¹⁴⁹, тщетно искать разграничение между составом бездействия власти и преступной халатности, ибо по своим объективным признакам состав преступной халатности полностью поглощает состав бездействия власти. Само существование состава бездействия власти как неосторожного преступления наряду с преступной халатностью представляется лишним целесообразности. Бездействие власти, как преступление неосторожное, не должно быть предусмотрено в будущем уголовном кодексе ЛССР, вернее оно должно быть поглощено составом халатности, что следует отразить в самом законе, соответствующим образом сформулировав признаки состава преступной халатности. Если же бездействие власти считать преступлением только умышленным¹⁵⁰, тогда выделение состава бездействия власти может быть целесообразным. Однако умышленное бездействие власти отличается от злоупотребления служебным положением, как преступления, совершенного в форме активной деятельности (ст. 109 УК РСФСР), только пассивной формой его совершения.

В этой связи неоправданным является объединение в одной статье состава бездействия власти и преступной халатности в законодательстве РСФСР и некоторых других союзных республик.

В состав бездействия власти в будущем уголовном кодексе ЛССР должен быть включен признак, указывающий на умышленную форму вины, и соответствующим образом изменена санкция этой статьи. Может встать вопрос и об объединении состава бездействия власти и злоупотребления служебным положением.

II. ВИДЫ ПРЕСТУПНОЙ ХАЛАТНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Уголовный кодекс РСФСР, как и большинство уголовных кодексов других союзных республик, предусматривает, кроме уже описанного нами простого вида преступной халатности, квалифицированный (более общественно опасный) вид преступной халатности (часть первая статьи 112 УК РСФСР и со-

¹⁴⁹ См. А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий М., 1946 г., стр. 150.

¹⁵⁰ См. Проф. Гютнер, Должностные преступления, Харьков, 1928 г. стр. 34.

ответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик), и менее общественно опасный вид преступной халатности (часть вторая ст. 112 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

Анализ этих видов преступной халатности необходим для решения вопроса о путях дальнейшего развития уголовного законодательства ЛССР с целью обеспечения успешности борьбы со всеми видами преступной халатности и единообразного применения закона.

Квалифицированный вид преступной халатности предусмотрен всеми кодексами союзных республик, за исключением УК БССР, который знает только два вида преступной халатности: простой и менее опасный вид.

Менее опасный вид преступной халатности предусмотрен всеми кодексами союзных республик за исключением УК Туркм. ССР.

Советская уголовно-правовая литература¹⁵¹ и судебная практика¹⁵² пользуются различной терминологией для обозначения указанных трех видов преступной халатности.

Представляется наиболее приемлемым для обозначения трех видов преступной халатности пользоваться терминами: простой вид преступной халатности, квалифицированный вид преступной халатности и менее опасный вид преступной халатности.

Кроме указанных трех видов преступной халатности, уголовные кодексы некоторых союзных республик предусматривают еще специальные виды преступной халатности.

Так, уголовные кодексы УССР, Узб. ССР, Груз. ССР, Аз. ССР предусматривают состав бюрократизма, уголовные кодексы Тадж. ССР и Туркм. ССР, как уже указывалось, предусматривают составы преступной халатности работников связи.

Анализируя любой из видов преступной халатности, следует иметь в виду те выводы, которые вытекают из детального анализа простого вида преступной халатности.

Говоря о простом виде преступной халатности указывалось, что основной состав преступной халатности, предусмотренный ст. 111 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других

¹⁵¹ См. Уголовное право. Учебник для юридических школ. М., 1947 г., стр. 251. Советское уголовное право. Учебник для юридических школ, 1941 г., стр. 166. Проф. А. Гюнтер, «Должностные преступления». Харьков, 1928 г., стр. 40. Проф. А. Трайнин, Учение о составе преступления. М., 1946 г., стр. 56.

¹⁵² См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 8, стр. 31. Судебная практика Верховного суда СССР, М., 1947 г., вып. X (XXXIV), стр. 17.

союзных республик, имеет в виду невыполнение должностным лицом конкретных служебных обязанностей или недобросовестное выполнение конкретных обязанностей, в результате чего наступили по неосторожности должностного лица тяжелые последствия, т. е. причинен тяжелый ущерб государственным или общественным организациям или интересам советских граждан.

Санкция за простой вид преступной халатности по уголовному кодексу РСФСР — лишение свободы на срок до трех лет.

УК УССР и УК БССР предусматривают альтернативную санкцию: лишение свободы на срок до трех лет или принудительные работы. УК Туркм. ССР карает простой вид халатности лишением свободы на срок до пяти лет:

§ 1. Квалифицированный вид преступной халатности

Уголовный кодекс РСФСР определяет квалифицированный вид преступной халатности как халатное отношение к служебным обязанностям, в результате которого последовал развал руководимого должностным лицом центрального аппарата управления или таких же хозяйственных государственных аппаратов производства, торговли, кредита и транспорта.

1. Объект квалифицированного вида преступной халатности несколько отличается от объекта простого вида преступной халатности. Объектом преступной халатности квалифицированного вида является само *функционирование* центральных аппаратов управления или центральных государственных аппаратов производства, торговли, кредита и транспорта.

Для раскрытия содержания этого объекта необходимо уточнить целый ряд вопросов.

Во-первых, необходимо уяснить, что законодатель имеет в виду под *центральным* аппаратом управления или *центральным* государственным аппаратом производства, торговли, кредита и транспорта.

Уголовные кодексы союзных республик, например, ст. 100 УК УССР, ст. 145 УК Узб. ССР, как и УК РСФСР редакции 1922 года, говорят наряду с руководящими *центральными* также о руководящих *местных* органах управления или таких же (т. е. руководящих) хозяйственных государственных органах производства, снабжения, распределения, торговли или транспорта.

Большинство советских ученых толкует понятие центрального аппарата управления распространительно¹⁵³.

¹⁵³ См. А. Пионтковский, Советское уголовное право, Особенная часть, М., 1928 г., стр. 218. А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская. Уголовный

Эта точка зрения представляется правильной. Основанием для отнесения какого-либо органа к центральным является его руководящая роль в отношении других, подчиненных ему органов. В этом отношении более последовательной является обрисовка квалифицированного вида преступной халатности в УК УССР:

Во-вторых, необходимо остановиться на толковании понятия хозяйственных *государственных* аппаратов производства, торговли, кредита и транспорта. Этот вопрос может быть правильно разрешен только, исходя из специфики советского государственного аппарата. Как уже было подробно изложено применительно к определению объекта преступной халатности простого вида, советский государственный аппарат в *широком* смысле составляют не только государственные, но также и общественные учреждения и организации трудящихся. Советское государство заинтересовано в обеспечении функционирования не только хозяйственных государственных аппаратов, но также и кооперативных аппаратов.

Поэтому нет никакого основания отказаться от привлечения к уголовной ответственности лиц, возглавляющих кооперативные хозяйственные организации в тех исключительных случаях, когда в результате их преступной деятельности наступил развал руководимой ими кооперативной организации.

Таким образом следует прийти к выводу, что объектом квалифицированного вида преступной халатности является само функционирование руководящего центрального или местного аппарата управления, как государственного, так и общественного.

2. Само действие (бездействие) должностного лица в составе квалифицированного вида преступной халатности не отличается от действия (бездействия) в составе простого вида преступной халатности.

Особо тяжкие последствия небрежного или недобросовестного отношения должностного лица к его служебным обязанностям, а именно *развал* руководимого должностным лицом центрального аппарата управления или хозяйственных аппаратов производства, торговли, кредита и транспорта, являются отличительным признаком более опасной формы преступной халатности. Этим преступлением наносится наиболее тяжелый ущерб правильной деятельности центрального аппарата управления.

кодекс РСФСР. Комментарий. М., 1946 г., стр. 156. Уголовное право. Особая часть. М., 1943 г. стр. 284. А. П. Трайнин. Уголовное право. Часть особенная. М., 1927 г., стр. 241. Г. Р. Смолицкий. Должностные преступления. М., 1947 г., стр. 36.

Развал аппарата означает невозможность или сильно затруднительную возможность его дальнейшего функционирования при создавшихся условиях, т. е. доведение аппарата до такого состояния, при котором он не может дальше нормально функционировать, утратил свою способность руководить надлежащим образом подчиненными ему учреждениями.

Для наличия состава квалифицированного вида преступной халатности необходимо, чтобы указанные в законе последствия — развал руководящего центрального или местного аппарата управления и хозяйства — наступили в результате действия (бездействия) должностного лица, т. е. для состава квалифицированного вида преступной халатности, как и для любого другого состава преступления, необходима причинная связь. Отсутствие причинной связи между действием (бездействием) должностного лица и последствием, даже при наличии указанных в законе последствий, исключает состав преступления.

3. Устанавливая круг субъектов квалифицированного вида преступной халатности, следует исходить из объекта этого преступления. Как было установлено, объектом квалифицированного вида преступной халатности является функционирование руководящих аппаратов управления государством и хозяйством.

Развал или полное расстройство руководящего аппарата управления или таких же хозяйственных аппаратов — это ущерб, наносимый охраняемому уголовным законом объекту преступления. Такой ущерб объекту путем использования своего положения по службе может причинить не каждое должностное лицо этих аппаратов, а только такое, которое выполняет определенные функции руководства и которое обладает значительными полномочиями. Поэтому УК РСФСР говорит *только* о руководителях учреждения, как о возможных субъектах квалифицированного вида преступной халатности. На такой же точке зрения стоит Верховный суд Союза ССР¹⁵⁴.

Руководить деятельностью учреждения или предприятия может и коллегиальный орган. В таком случае члены этого коллегиального органа также могут быть субъектами квалифицированного вида преступной халатности.

4. Субъективная сторона квалифицированного вида преступной халатности ничем не отличается от субъективной стороны простого вида преступной халатности. Для наличия состава квалифицированного вида преступной халатности необходимо, чтобы руководитель центральным или местным аппаратом управления или хозяйства предвидел возможность наступления преступного результата и легкомысленно надеялся его предот-

¹⁵⁴ См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 2, стр. 3.

вратить или же не предвидел его, хотя должен был и мог его предвидеть, т. е. необходимо наличие неосторожной вины. К самому факту невыполнения своих служебных обязанностей или недобросовестному выполнению психическое отношение может быть и в форме умысла, что необходимо учесть при установлении степени вины руководителя учреждения.

Согласно части первой ст. 112 УК РСФСР квалифицированный вид преступной халатности наказывается лишением свободы на срок не ниже двух лет. Такую же санкцию предусматривает УК УССР, УК Аз. ССР, УК Ар. ССР, УК Тадж. ССР. УК Узб. ССР предусматривает лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества (ст. 145 УК Узб. ССР); УК Туркм. ССР — лишение свободы на срок до десяти лет с конфискацией имущества.

Часть первая ст. 112 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик почти не применяются в судебной практике.

В опубликованной практике Верховного суда СССР за последние 16 лет не встречается ни одного случая осуждения должностного лица за это преступление. Не знает ни одного случая осуждения по ч. 1 ст. 112 УК РСФСР и судебная практика ЛССР.

Это безусловно не является случайностью, а обусловлено закономерностями нашего общественного и государственного развития, мероприятиями Коммунистической партии и Советского правительства по совершенствованию государственного аппарата.

Нет никаких оснований для перенесения такого или сходного с ним состава преступной халатности в будущий уголовный кодекс ЛССР.

Соответствующим изменением в обрисовке состава простого (основного) вида преступной халатности и внесением некоторых изменений в санкцию соответствующей статьи можно достичь поставленные законодателем задачи по обеспечению правильной деятельности государственного аппарата.

§ 2. Менее опасный вид преступной халатности

Часть вторая ст. 112 УК РСФСР, как и соответствующие статьи УК других союзных республик, предусматривает уголовную ответственность должностных лиц за халатное отношение к исполнению служебных обязанностей, не повлекшее за собой тяжелых последствий, не причинившее значительного ущерба правильной деятельности государственного аппарата. Содержа-

ние менее опасного вида преступной халатности устанавливается путем исключения признаков, предусмотренных ст. 111 и ч. 1 ст. 112 УК РСФСР.

Таким образом, менее опасный вид преступной халатности предусматривает небрежное или недобросовестное отношение должностного лица к своим служебным обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные незначительные упущения по службе.

Менее опасный вид преступной халатности знают и уголовные кодексы других союзных республик, которые также, как уголовный кодекс РСФСР, не дают описания этого состава, а указывают только на отсутствие признаков, необходимых для наличия простого и квалифицированного вида преступной халатности.

Анализ признаков менее опасного вида преступной халатности дан выше при рассмотрении признаков объективной стороны простого вида преступной халатности (ст. 111 УК РСФСР).

Для состава менее опасного вида преступной халатности, как и для состава простого вида преступной халатности необходима причинная и виновная связь между действиями (бездействием) должностного лица и наступившими последствиями, причем менее опасный вид преступной халатности может быть только при отсутствии тяжелых последствий. Как уже было показано, это вопрос факта, который решается судом с учетом совокупности обстоятельств и условий места и времени.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР в своем определении по делу Писарева указала, что преступление Писарева должно быть квалифицировано по ст. 111 УК РСФСР, а не по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР, т. к. *в результате халатного отношения Писарева к выполнению возложенных на него обязанностей производству причинен значительный ущерб*¹⁵⁵.

Санкция за менее опасный вид преступной халатности — исправительно-трудовые работы на срок до одного месяца или увольнение от должности или лишение на срок до двух лет права занятия руководящей или ответственной должности, или возложение обязанности возместить причиненный вред или общественное порицание.

Часть 2 ст. 112 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик применяются в судебной практике очень редко. Халатность при отсутствии признаков, предусмотренных ст. 111 УК РСФСР, как об этом

¹⁵⁵ Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного суда Союза ССР, 1940 г., Москва, 1941 г., стр. 17.

свидетельствует судебная практика, влечет за собой в большинстве случаев только дисциплинарное взыскание.

Так в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 19 октября 1955 г. по делу Чакиряна указывается на неосновательное осуждение его за действия, не выходящие за пределы служебного проступка.

Чакирян признан виновным в том, что, работая начальником автостанции Ахани-Тагра, он, вследствие халатного отношения к своим служебным обязанностям, утерял билеты на право проезда в автобусе в количестве 93 тысячи штук.

Судебная коллегия отметила в своем определении, что «поскольку действиями Чакиряна не причинено ущерба ни государству, ни частным лицам, не было оснований привлекать его по этому делу к уголовной ответственности, а следовало ограничиться мерами дисциплинарного воздействия»¹⁵⁶.

Верховный суд отказался от применения ч. 2 ст. 112 УК РСФСР, хотя признаки, указанные в этой статье, имеются в действиях Чакиряна.

Аналогично определение от 22 декабря 1954 г. и по делу Головановой, в котором указано, что действия Головановой следовало бы квалифицировать по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР, однако для предъявления Головановой этого обвинения нет достаточных оснований¹⁵⁷.

Аналогичны и определения по целому ряду других дел.

До издания постановления ВЦИК и СНК СССР от 28 мая 1928 г. уголовный кодекс РСФСР, как и уголовные кодексы других союзных республик, предусматривал разграничение между преступной халатностью и дисциплинарным проступком в самом законе. Халатность при отсутствии признаков простого и квалифицированного вида преступной халатности составляла по УК РСФСР 1926 г. дисциплинарный проступок.

Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 28 мая 1928 г. ст. 112 УК РСФСР была дополнена второй частью, согласно которой халатность при отсутствии признаков простого и квалифицированного вида преступной халатности составляет менее опасный вид преступной халатности.

Это создает необходимость разграничить менее опасный вид преступной халатности от дисциплинарного проступка, что на практике иногда и затруднительно.

В советском уголовном праве вопрос о разграничении должностного преступления и дисциплинарного проступка разрешается, исходя из понятия преступления по советскому уго-

¹⁵⁶ Судебная практика Верховного суда СССР, 1956 г., № 1, стр. 12.

¹⁵⁷ Судебная практика Верховного суда СССР, 1955 г., № 2, стр. 19.

ловному праву. Характерным признаком преступления является его общественная опасность. В примечании к ст. 6 УК РСФСР сказано, что не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи особенной части настоящего кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного.

Об этих двух признаках «маловажности» и «отсутствии вредных последствий» говорит и ст. 6 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик».

Примечание к ст. 112 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик предусматривают дисциплинарную ответственность за те служебные упущения и проступки, которые по степени серьезности не требуют применения наказания. Степень же серьезности упущения может быть определена значительностью самого служебного нарушения и наличием и степенью тяжести наступивших последствий.

Из этих признаков и надо исходить при разграничении менее опасного вида преступной халатности и дисциплинарного проступка.

Верховный суд Союза ССР неоднократно указывал, что для разграничения состава преступной халатности и дисциплинарного проступка суд должен учитывать характер совершенного действия, тяжесть наступивших последствий, а равно и личность обвиняемого.

По делу Кинькаева, в результате небрежности которого фабрика «Дукат» лишилась борова весом в 122 кг., Пленум Верховного суда Союза ССР в своем постановлении указал, что «совокупность всех обстоятельств дает основание прийти к выводу, что в силу примечания 1 к ст. 112 УК РСФСР Кинькаев должен быть освобожден от уголовной ответственности по данному делу, причиненный же им ущерб может быть возмещен в порядке гражданского иска»¹⁵⁸.

Аналогично и постановление Пленума Верховного суда СССР от 15 апреля 1949 г. по делу Купрякина¹⁵⁹.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Серебро¹⁶⁰, а также в постановлении Пленума по делу Мораловой подчеркивается, что вопрос об уголовной или дисциплинарной ответственности должностного лица должен разрешаться не только на основе оценки инкриминируемого действия или бездействия и наступивших последствий, но и с учетом личности

¹⁵⁸ Судебная практика Верховного суда СССР, 1946 г., вып. X (XXXIV), Москва, 1947 г., стр. 17.

¹⁵⁹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 6, стр. 15—16.

¹⁶⁰ Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 5, стр. 11.

обвиняемого и его деловых качеств по выполнению им своих служебных обязанностей¹⁶¹.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по уже приведенному делу Головановой указано, что «для предъявления Головановой обвинения по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР нет достаточных оснований», так как она не имела опыта в торговле и в качестве буфетчицы работала менее двух месяцев¹⁶².

Из анализа приведенных выше постановлений Пленума Верховного суда СССР и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР следует, что в случае отсутствия предусмотренных законом (ст. ст. 111 УК РСФСР) тяжких последствий в результате невыполнения должностным лицом своих обязанностей или недобросовестного их выполнения Верховный суд исключает любой из составов преступной халатности, а рассматривает такую халатность как дисциплинарный проступок. Такова же судебная практика Верховного суда ЛССР.

Нет необходимости в сохранении состава менее опасного вида преступной халатности в будущем уголовном кодексе ЛССР.

Замена уголовной ответственности за менее опасные должностные преступления мерами дисциплинарного и административного порядка предусмотрена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. об амнистии, который обосновывает необходимость пересмотра уголовного законодательства упрочением советского общественного и государственного строя, повышением благосостояния и культурного уровня населения, ростом сознательности граждан, их честным отношением к выполнению своего общественного долга.

Интересы социалистической законности требуют, чтобы грань между преступной халатностью и дисциплинарным проступком была бы установлена самим законодателем. Это исключит возможность колебаний в судебной практике.

§ 3. Специальный состав преступной халатности (Бюрократизм)

1. Как было показано выше, уголовные кодексы некоторых союзных республик выделяют специальные составы преступной халатности.

¹⁶¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, 1943 г., Москва, 1948 г., стр. 30.

¹⁶² См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1955 г. № 2, стр. 20.

Уголовные кодексы УССР, Узб. ССР, Груз. ССР и Азб. ССР предусматривают состав бюрократизма, причем уголовные кодексы УССР и Узб. ССР отводят составу бюрократизма отдельную статью, в то время как уголовные кодексы Аз. ССР и Груз. ССР объединяют в одной статье составы преступной халатности и бюрократизма.

УК Арм. ССР не раскрывает признаков состава бюрократизма и упоминает о бюрократизме только наряду с менее опасным видом преступной халатности, создавая таким образом впечатление, якобы бюрократизм составляет только менее общественно опасную форму преступной халатности.

Это не соответствует действительному положению вещей, т. к. последствия в составе бюрократизма могут быть и тяжелыми, когда о наличии обстоятельств, уменьшающих общественную опасность деяния, не может быть и речи.

Уголовные кодексы Грузинской, Узбекской, Украинской и Азербайджанской ССР различают в зависимости от тяжести наступивших последствий простой вид бюрократизма и менее опасный вид бюрократизма. Уголовный кодекс Аз ССР различает даже три вида бюрократизма: простой, квалифицированный и менее опасный вид.

Бюрократизм это формальное отношение к порученному делу, недобросовестное отношение к своему долгу, безразличное отношение к интересам страны, бездушное отношение к запросам трудящихся. Бюрократизм — это канцелярщина и чиновничье равнодушие, в результате коотрого наносится огромный ущерб интересам нашей Родины, социалистическому строительству, размаху рационализаторского движения, новаторству. В результате бездушного отношения к нуждам и запросам трудящихся со стороны некоторых недостойных работников нашего аппарата советским людям наносится значительный ущерб.

«Бюрократизм, вообще взятый, — говорит В. И. Ленин — может означать канцелярщину, волокиту, бумажность, отписки»¹⁶³.

В другом месте В. И. Ленин писал: «Бюрократизм означает подчинение интересов *дела* интересам *карьеры*, обращение сугубого внимания на *местечки* и игнорирование работы...»¹⁶⁴.

Канцелярско-бюрократические методы работы характеризуются подменой живого оперативного руководства и проверки исполнения общими бумажными циркулярами, не учитывающими специфических условий и особенностей работы отдельных звеньев, излишним администрированием, отсутствием воспита-

¹⁶³ В. И. Ленин, Соч., т. 8, изд. 4-е, стр. 278.

¹⁶⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 7, изд. 4-е, стр. 335.

тельной работы. Бюрократические методы работы подавляют живую инициативу, все то новое, что ломает установленные традиции, нормы; шаблоны и правила.

Борьба с бюрократизмом ведется на всем протяжении существования Советского государства с самых первых лет после Октябрьской революции.

«Возьмите вопрос о бюрократизме, — писал В. И. Ленин, и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918-го года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху донизу, мы еще не ощущаем этого зла.

Проходит еще год. На VIII съезде РКП, 18—23 марта 1919 года, принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о *«частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя»*¹⁶⁵.

12 апреля 1919 года был издан декрет о государственном контроле. В этом декрете говорилось: «Старый бюрократизм разбит. Но бюрократы остались. Войдя в советские учреждения, они внесли туда дух косности и канцелярской волокиты, беспхозяйственности и распушенности.

Советская власть заявляет, что она не потерпит бюрократизма, в каких бы формах он ни проявлялся, что она изгонит его из советских учреждений решительными мерами»¹⁶⁶.

В. И. Ленин раскрывает экономические корни бюрократизма: «раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность; отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними»¹⁶⁷.

Прошло почти сорок лет с тех пор, как В. И. Ленин писал эти строки. Экономические корни бюрократизма давно уничтожены. Наша страна стала великой индустриальной державой, страной самого крупного и механизированного сельского хозяйства, страной, в которой проложены не только тысячи и тысячи километров железных дорог, но в которой преобразуется сама природа, создается мощный фундамент коммунизма. Наряду с этой гигантской стройкой пяти пятилеток создавался

¹⁶⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 32, изд. 4-е, 330.

¹⁶⁶ С. У., 1919, г., № 12, ст. 122.

¹⁶⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 32, изд. 4-е, стр. 330.

новый советский человек. Невиданный рост культуры и образования в нашей стране создал новую советскую интеллигенцию, преданную Родине, самоотверженно строящую коммунистическое общество.

Государство пролетарской диктатуры является государством самой широкой и подлинной демократии. Советский аппарат государственной власти основан на принципах широкого и непосредственного участия масс в управлении государством.

Советский государственный аппарат служит интересам всего народа, проводит разностороннюю хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу.

На работу в советские учреждения пришли тысячи и тысячи людей, воспитанных Коммунистической партией.

Они отдают свои силы и знания великому делу строительства коммунизма, работают сознательно и творчески, проявляют личную инициативу в борьбе за осуществление заданий партии и правительства, вместе с рабочими и крестьянами строят коммунистическое общество.

Но покончено ли у нас уже с бюрократизмом?

Элементы бюрократизма в отдельных звеньях нашего государственного аппарата еще имеют место, они продолжают извращать деятельность советских учреждений.

«Ваша ошибка, писал В. И. Ленин Соколову, — думать, что его (бюрократизм — М. Б.) можно, как «нарыв», сразу уничтожить, «стереть с лица земли».

Это ошибка. Можно прогнать царя, — прогнать помещиков — прогнать капиталистов. Мы это сделали. Но нельзя «прогнать» бюрократизм в крестьянской стране, нельзя «стереть с лица земли». Можно лишь медленным, упорным трудом его **уменьшить**. ...«Сбросить» нарыв такого рода **нельзя**. Его можно лишь **лечить**, хирургия в этом случае абсурд, **невозможность**; только **медленное лечение** — все остальное шарлатанство или наивность»¹⁶⁸.

«Если перед вами выходят и говорят — «покончим с бюрократизмом», то это есть демагогия, говорил В. И. Ленин. — Это чепуха. С бюрократизмом мы будем бороться долгие годы, и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, *потому что для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность, поголовное участие* в Рабоче-крестьянской инспекции»¹⁶⁹.

¹⁶⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 35, изд. 4-е, стр. 419.

¹⁶⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, изд. 4-е, стр. 47 (подчеркнуто мною — М. Б.).

«Борьба с бюрократизмом потребует десятилетий. Это труднейшая борьба...», писал В. И. Ленин¹⁷⁰.

Случаи бюрократического отношения к своему долгу до сих пор причиняют существенный вред государственным интересам и интересам советских граждан. Бюрократизм до сих пор тормозит развертывание творческой инициативы масс, развитие производительных сил страны, дальнейшее привлечение трудящихся к повседневному практическому участию в управлении государством — тормозит превращение всех трудящихся в сознательных строителей социалистического общества, выполнение величественной программы хозяйственного и культурного строительства, намеченной XX съездом КПСС. Причину этому следует искать, с одной стороны, в пережитках капитализма в сознании некоторых работников нашего аппарата, а с другой стороны, в некотором ограничении советской демократии, недостатками в ее осуществлении, которые были связаны с влиянием культа личности. Поэтому неустанная и решительная борьба с бюрократизмом сейчас нужна более чем когда-либо.

О возмутительных фактах волокиты с внедрением ценнейших изобретений в практику нашей промышленности, бездушном отношении к жалобам трудящихся и пренебрежительном отношении к письмам трудящихся сообщает наша пресса.

Таких работников, которые не вникают в суть дела, а только отписываются и расписываются, а за бумагой не видят живого человека, правильно называют «заместителями работников»¹⁷¹.

Как указано в постановлении СНК УССР, от 15. IV. 21 г., такие работники делают «в глазах населения бесцельным всякое обращение к власти»¹⁷², ибо невнимание к нуждам трудящихся со стороны отдельных чинов заслоняет от широких масс трудящихся действительную природу пролетарского государства.

В обращении ЦК КПСС к избирателям в связи с выборами в Верховный Совет СССР в марте 1954 года сказано, что «Партия ведет и будет вести непримиримую борьбу со всеми проявлениями бюрократизма и волокиты в отдельных звеньях советского аппарата, с фактами невнимательного, пренебрежительного отношения к нуждам и запросам трудящихся, будет неустанно укреплять социалистическую законность, ограждающую священные и незыблемые права граждан нашей Родины, записанные в Конституции СССР»¹⁷³.

¹⁷⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 32, изд. 4-е, стр. 35.

¹⁷¹ Д. Заславский, «Руку приложил... закорючка», «Правда», № 89, от 30 марта 1950 г.

¹⁷² См. СУ, УССР, 1921 г., № 14, ст. 383.

¹⁷³ «Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям», Госполитиздат, 1954, стр. 19.

Намеченные ЦК КПСС мероприятия по ликвидации всех последствий культа личности приведут и к искоренению бюрократических методов руководства в государственном аппарате. Развитие и совершенствование социалистической демократии, усиление контроля за работой советского аппарата со стороны масс, преодоление излишнего централизма в руководстве хозяйством, укрепление законности, дальнейшее развертывание самостоятельности всех трудящихся — это пути, обеспечивающие успешность борьбы с бюрократизмом.

Еще в 1922 году в письме А. Д. Цюрупе «О новой постановке работы СНК и СТО» В. И. Ленин писал:

«Борьба с тинной бюрократизма и волокиты проверкой людей и проверкой фактической работы; беспощадное изгнание лишних чиновников, сокращение штатов, смещение коммунистов, не учащих делу управления всерьез — такова должна быть линия наркомов и СНКома, его преда и замов»¹⁷⁴.

«Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики»¹⁷⁵, — учил В. И. Ленин.

В борьбе с бюрократизмом, косностью и рутинной огромное значение имеет критика трудящимися работы отдельных звеньев советского аппарата. Критика трудящихся отражает заботу широких народных масс об интересах государства, свидетельствует об активном участии трудящихся в управлении государством.

Еще более упорную и решительную борьбу с бюрократизмом должна вести наша пресса, которая, невзирая на лица, должна выносить проявления бюрократизма на суд советской общест-венности.

Но несомненно велика и роль советского суда и советского уголовного права в борьбе с бюрократизмом.

«А к суду за волокиту привлекали? — спрашивает В. И. Ленин. — Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз придти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадили их в тюрьму за волокиту?»¹⁷⁶.

«Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности,

¹⁷⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 35, изд. 4-е, стр. 465.

¹⁷⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 33, изд. 4-е, стр. 200.

¹⁷⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 32, изд. 4-е, стр. 404—405.

а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим»¹⁷⁷.

В. И. Ленин подчеркивал воспитательное значение публично-го суда над бюрократизмом «не столько ради строгого наказания», а «ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»¹⁷⁸.

В. И. Ленин считал, что зачастую и выговор и общественное порицание, вынесенное судом, может быть достаточным наказанием¹⁷⁹, что только «в случаях вины более значительной необходимо отстранение от должности, предание суду, постановка через НКЮст демонстративных, ярких процессов»¹⁸⁰.

В резолюции пятнадцатого съезда ВКП(б) о работе ЦКК—РКИ указано на необходимость неуклонно преследовать «всеми мерами, вплоть до привлечения к суду, всех служащих государственного аппарата (как коммунистов, так и беспартийных), виновных в пренебрежительном, барском, высокомерном отношении к посетителю»¹⁸¹.

В резолюции шестнадцатого съезда ВКП(б) по отчету ЦКК и РКИ указывалось на необходимость, беспощадно карая виновных в бюрократизме, организовать массовый контроль работы органов управления и поставить под жесткую критику масс бюрократические язвы и недостатки аппарата¹⁸².

Наша судебная практика знает отдельные случаи привлечения к уголовной ответственности за формально-бездушное отношение к своим служебным обязанностям, повлекшее тяжелые последствия¹⁸³. Знает отдельные случаи привлечения к уголовной ответственности за формально-бюрократические методы работы и судебная практика ЛССР.

Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ЛССР от 18 ноября 1955 года по делу Л. сказано, что санитарный врач Л. формально-бюрократически выполнял свои обязанности, не принимал никаких действенных мер к администрации столовой № 58 и не ставил вопроса о ликвидации антисанитарного состояния в филиале этой столовой, а ограничивался составлением нескольких актов о незначительных нарушениях, в результате чего пища приготавлилась

¹⁷⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 3-е, стр. 414.

¹⁷⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 3-е, стр. 412.

¹⁷⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 3-е, стр. 412 и 415.

¹⁸⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 33, изд. 4-е, стр. 304.

¹⁸¹ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, часть II, изд. 7-е, стр. 324.

¹⁸² Там же, стр. 773.

¹⁸³ См. Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 3, стр. 5
Судебная практика Верховного суда СССР, 1956 г., № 1, стр. 11.

в исключительно антисанитарных условиях, что повлекло отравление нескольких рабочих завода ВЭФ¹⁸⁴.

Однако этот вопрос совершенно не разработан в уголовно-правовой литературе. Нет ни одной статьи за последние пятнадцать лет, в которой бы ставился вопрос о борьбе с бюрократизмом в уголовно-правовой плоскости, хотя наше советское законодательство знает даже специальные составы бюрократизма. Эти составы не подвергались анализу ни на страницах наших журналов, ни в специальных монографиях, посвященных должностным преступлениям, ни даже в учебниках по особенной части советского уголовного права.

Действующая судебная практика по данному вопросу не обобщена и не проанализирована.

Такое отношение к проблеме борьбы с бюрократизмом свидетельствует о недооценке советскими криминалистами роли советского суда в деле искоренения чиновничьего отношения к служебным обязанностям, роли судебного разбирательства как воспитательного фактора.

Представляется, что назрела необходимость освещения вопроса об уголовной ответственности за бюрократизм по действующему советскому уголовному законодательству с тем, чтобы наметить пути разрешения этого вопроса в будущем уголовном кодексе Латвийской ССР.

Нерешенным в нашем законодательстве является вопрос о том, необходимо ли для осуществления борьбы с бюрократизмом мерами уголовного права выделение специального состава бюрократизма в уголовном кодексе, или же на основании состава преступной халатности должностных лиц может быть в достаточной степени обеспечена борьба с бюрократизмом.

Состав бюрократизма, как он обрисован уголовными кодексами союзных республик, как будет показано ниже, является конкретизированным составом преступной халатности, при чем обрисовка состава бюрократизма вызывает значительное затруднение.

Так, уголовный кодекс Груз. ССР (ст. 117) определяет бюрократизм, как формальное, не вызываемое требованием закона или соображениями целесообразности, отношение к служебной деятельности, результатом коего явилось неосновательное откладывание или затягивание дел, или вообще нарушение нормальной деятельности государственных учреждений, предприятий или организаций.

Как было показано, «формальное, не вызываемое требованием закона или соображениями целесообразности, отношение»,

¹⁸⁴ См. Определение по делу, № 3087 за 1955 г.

которое предусматривает состав бюрократизма, это один из видов недобросовестного отношения к служебным обязанностям, предусмотренного составом преступной халатности.

Последствия же в виде откладывания или затягивания дел или вообще нарушения нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий ничем не отличаются от тяжелых последствий, которые предусмотрены составом преступной халатности. Объектом преступной халатности является правильная деятельность государственного аппарата. Тяжелые последствия это ущерб правильной деятельности государственного аппарата, т. е. те же последствия, которые имеет в виду состав бюрократизма по уголовному кодексу Груз. ССР.

Уголовный кодекс Груз. ССР в составе бюрократизма не предусматривает формального отношения к нуждам трудящихся, хотя понятие бюрократизма охватывает и формальное отношение к нуждам трудящихся.

Уголовный кодекс Узб. ССР устанавливает ответственность только за пренебрежительное отношение к нуждам и запросам трудящихся, то есть неосновательное оставление без движения жалоб и заявлений трудящихся, задержку по маловажным формальным мотивам их рассмотрения, передачу их в другие органы без достаточной необходимости, исключительно формальное решение вопросов, связанных с удовлетворением нужд или защитой интересов трудящихся, без учета существа дела. Таким образом, уголовный кодекс Узб. ССР предусматривает не состав бюрократизма, а фактически еще более конкретизированный состав преступной халатности — *пренебрежительное отношение к нуждам трудящихся* (ст. 145¹).

Пренебрежительное отношение к нуждам трудящихся это одна из форм проявления недобросовестного отношения должностного лица к своим служебным обязанностям, причинившее ущерб правильной деятельности государственного аппарата и законным интересам граждан, то есть одна из форм проявления бюрократизма.

Наиболее полную обрисовку состава бюрократизма дает уголовный кодекс УССР (ч. 1 и ч. 2 ст. 99¹).

Уголовный кодекс УССР определяет бюрократизм, как формальное отношение к исполнению служебных обязанностей, обнаружившееся в игнорировании государственных или общественных интересов или порождающее волокиту или аппаратную замкнутость в разрешении вопросов, игнорирующую контроль широких масс, а равно пренебрежительное и невнимательное отношение к трудящимся.

Формальное отношение и игнорирование государственных интересов, как и пренебрежительное отношение к трудящим-

ся — это и есть недобросовестное отношение к служебным обязанностям. Волокита и аппаратная замкнутость как результат формального отношения к своим обязанностям предусмотрены также составом преступной халатности.

Статья 99¹ УК УССР не только определяет состав бюрократизма, но дает политическую характеристику советского государственного аппарата как аппарата, которому чужда кастовая замкнутость, который не мыслим без контроля широких масс.

Отдельные виды бюрократизма по уголовным кодексам союзных республик отличаются не только обрисовкой диспозиций, но отличаются и санкциями за это преступление. Наказание за простой вид бюрократизма по уголовным кодексам Груз. ССР и Аз. ССР — лишение свободы сроком до трех лет.

Санкция за простой вид бюрократизма по ст. 99¹ УК УССР — принудительные работы с запрещением занятия должности в государственных учреждениях и предприятиях на срок до пяти лет, а при особо отягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок до трех лет с запрещением занятия должности в государственных учреждениях и предприятиях на срок до пяти лет. За менее опасный вид бюрократизма предусмотрено общественное порицание с опубликованием в печати или увольнение от должности с запрещением занятия должностей в государственных, общественных учреждениях и предприятиях на срок до трех лет.

Ст. 145¹ Узб. ССР предусматривает за пренебрежительное отношение к нуждам и запросам трудящихся — лишение свободы на срок до трех лет или увольнение от должности или общественное порицание.

Бюрократизм квалифицированного вида (при наличии тяжких последствий) карается лишением свободы на срок не ниже одного года (ч. 2, ст. 146 УК Аз. ССР.)

Анализ некоторых видов бюрократизма по уголовным кодексам союзных республик дает возможность сделать, во-первых, вывод о том, что *признаки этих составов несмотря на различные их формулировки, полностью охватываются составом преступной халатности.*

Анализ состава бюрократизма по уголовным кодексам союзных республик дает возможность, во-вторых, сделать вывод и о том, что действие (бездействие) *в составе бюрократизма это в основном не небрежное, а недобросовестное выполнение своих обязанностей.*

Оба эти вывода представляются существенными. На их основе можно сделать и последующие выводы о том, что, во-первых, нет никаких оснований для введения в будущий уголовный кодекс Латвийской ССР состава бюрократизма как

специального состава преступной халатности; во-вторых, — что в обрисовке состава преступной халатности необходимо оставить указание на *недобросовестное* выполнение своих обязанностей. Это последнее положение следует подчеркнуть потому, что в одном из проектов уголовного кодекса СССР¹⁸⁵ «недобросовестное» отношение из признаков состава преступной халатности исключено.

В нашей литературе (вне связи со статьей проекта), проф. Утевский писал о том, что небрежность не отличается от недобросовестности, что в судебной практике термином недобросовестность никогда не пользуются¹⁸⁶. Как было показано выше, что, хотя «небрежность» и «недобросовестность» являются признаками объективной стороны состава преступной халатности, а не двумя формами вины, между ними качественное различие. Судебная практика пользуется термином «недобросовестное» отношение и чаще всего именно для обозначения формально-чиновнического (бюрократического) отношения к обязанностям (дело Шароновой и др.).

Однако в будущем уголовном законодательстве следовало бы в самом законе указать, что понятием недобросовестного отношения охватывается и формально-бюрократическое отношение должностного лица к служебным обязанностям. Этим самым было бы выполнено указание В. И. Ленина о необходимости разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных в бюрократизме, а, с другой стороны, была бы устранена возможность толкования недобросовестного отношения в качестве признака субъективной стороны халатности.

Советский закон является сам по себе воспитательным фактором, а поэтому указание в самом законе на преступность и наказуемость формально-чиновнического или бюрократического отношения к государственным и общественным интересам или интересам советских граждан будет способствовать искоренению этого преступления, обеспечению гарантиями права граждан, внедрению идей законности в сознание людей.

* * *

Рассмотрев основные виды преступной халатности по уголовному кодексу РСФСР и по уголовным кодексам других союзных республик (простой, квалифицированный и менее опасный вид преступной халатности, а также специальный состав преступной халатности, бюрократизм), можно сделать вывод о том, что отдельные уголовные кодексы союзных рес-

¹⁸⁵ См. Проект УК СССР, 1947 г., стр. 161.

¹⁸⁶ См. проф. Б. С. Утевский. Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948 г., стр. 402.

публик отличаются не только по обрисовке отдельных видов преступной халатности, но и по санкциям.

Представляется целесообразным для наиболее эффективной борьбы с преступной халатностью должностных лиц в будущем уголовном кодексе Латвийской ССР предусмотреть всего один состав преступной халатности, которым бы охватывались все виды преступной халатности.

Можно предложить следующую редакцию статьи, обрисовывающей состав преступной халатности:

Преступная халатность, то есть невыполнение или недобросовестное (формально-бюрократическое) выполнение должностным лицом возложенных на него по службе обязанностей, причинившее по его неосторожности существенный ущерб государственным или общественным интересам или законным интересам граждан — карается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года.

Преимущество предложенного определения преступной халатности по сравнению с ныне существующими состоит в следующем:

1. В самом законе дается четкое описание всех признаков объективной и субъективной стороны преступной халатности, что является гарантией единообразного применения уголовного закона.

2. Эта обрисовка состава преступной халатности исключает необходимость выделения различных по степени опасности видов преступной халатности, т. к. альтернативная санкция статьи дает возможность определять меру наказания в зависимости от степени общественной опасности совершенного должностного преступления.

3. Предлагаемая обрисовка состава преступной халатности исключает необходимость и в специальном составе преступной халатности (составе бюрократизма), в то же время обеспечивает должное воспитательное воздействие советского уголовного закона.

4. Указание на наказуемость только *преступной* халатности и перечисление всех признаков преступления в законе дает возможность провести четкую грань между преступной халатностью должностных лиц и дисциплинарным проступком и исключает необходимость в специальном примечании, оговаривающем ненаказуемость халатности, не выходящей за рамки дисциплинарного проступка.

5. Предлагаемая редакция состава преступной халатности исключает необходимость в самостоятельном составе бездействия должностного лица, который поглощается составом преступной халатности.

Доцент, канд. юрид. наук А. А. Лиеле

ПРОБЛЕМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В жизни Советского государства всё возрастающее значение приобретает культурно-воспитательная работа, ибо для построения коммунистического общества необходимо не только создание мощной экономической базы, но и всестороннее развитие и укрепление правосознания и нравственности.

Уже неоднократно указывалось, что успешная воспитательная работа находится в известной зависимости от развития экономики, как основной предпосылки повышения культурного уровня народа.

Однако, наряду с влиянием всё улучшающихся материальных условий жизни общества, необходимо и непосредственное воздействие на сознание людей идеологическими, педагогическими, а так же иными средствами нравственного влияния. Это необходимо в силу известной самостоятельности традиций и навыков прошлого, некоторой автономности сознания и нравственности по отношению к экономике.

Поэтому задачам воспитания, вопросам укрепления правосознания и нравственности, в настоящее время уделяется большое внимание.

Нельзя сказать, чтобы во всех областях государственной и общественной работы эти задачи были уже решены.

Одной из таких областей, где воспитательные цели поставлены, но их осуществление не может быть признано удовлетворительным, является уголовное судопроизводство.

В данной статье делается попытка осветить положение в этой области, показать необходимость и возможность поднятия уровня воспитательной значимости уголовного судопроизводства.

Большой вклад в работу построения коммунистического общества вносит судебная деятельность по борьбе с правонарушениями, преступностью, пережитками прошлого.

Советский суд, применяя нормы права, способствует установлению нравственно должного поведения; сознательного отношения к общественной собственности, труду, личности граждан, выполнению правил общежития и т. д.

Этот процесс благотворного воздействия судебного применения правовых норм выражается в следующем.

Новые, высшие нормы нравственности, новые социалистические представления, например, о личности человека, о труде, собственности, правилах общежития, как известно, зарождаются и развиваются в передовых слоях общества и претворяются в право. Применение права в судопроизводстве способствует распространению и укреплению этих передовых представлений во всем обществе. Применение правовых норм — это наиболее действенный способ внедрения передовых воззрений и идей, выраженных в праве.

К примеру взять отношение к труду. Эта идея ясно выражена в ст. 12 Конституции СССР: «Труд — дело чести каждого трудоспособного гражданина». Конкретизирована эта идея, это передовое моральное требование отношения к труду, между прочим, и в ряде уголовно-правовых норм.

Естественно, что советский суд, применяя эти нормы, наказывая их нарушителей, содействует внедрению передовых воззрений на труд, закрепленных в праве, развивает правосознание и вместе с тем способствует распространению в массах одного из требований коммунистической морали: работай так, чтобы это было делом твоей чести. Сознательный труд — честь; недисциплинированность, халатность, тунеядство — бесчестье. Сознание этого правила должно перейти в кровь и плоть всех членов общества. Достижению такой цели в большой мере способствует суд.

Из сказанного следует, что деятельность советского суда по применению норм уголовного права способствует укреплению должного отношения к труду, к личности, общественной собственности, к выполнению правил общежития и т. д.; укрепляет социалистическое правосознание и нравственное сознание людей.

Теперь можно спросить — исчерпываются ли применением норм права воспитательные задачи советского

суда? Все ли в воспитательном смысле достигнуто, если осужден виноватый, а невиновный оправдан?

Попытаемся ответить в дальнейшем на этот вопрос.

Но прежде чем идти далее, нужно уже сейчас сказать, что воспитательная значимость судопроизводства, в области применения правовых норм, зависит не только от того, какие нормы применяются, но, главным образом, от того, кто и как их применяет. Права в этом отношении М. П. Карева: «Самые совершенные нормы, детально предусматривающие все гарантии проведения в жизнь тех или иных принципов социалистической нравственности, в случае неправильного применения их некачественным, некультурным судьей или работником милиции, не только теряют свое воспитательное значение, но иногда могут привести и к обратному результату»¹.

Что мы наблюдаем в нашей практике судебного применения права?

Уровень правильности этого применения в настоящее время тревоги не вызывает². Кассационная и надзорная практика на сегодня отмечает меньше нарушений материального и процессуального права, чем это было ранее. Квалификация персонального состава судей постоянно растет: теперь уже значительная часть судей — с высшим юридическим образованием. В Латвии имеются народные судьи, приговора которых не отменяются вышестоящим судом в течение года и более.

В области правильного применения норм права достигнут сравнительно высокий уровень, и уже одно это — соблюдение законности в судебной работе — имеет большую воспитательную ценность как фактор укрепления правосознания.

Однако все ли это, что мы можем требовать от суда на настоящем этапе развития нашего государства?

Конечно, нет, ибо правильное применение, соблюдение норм права, это только первая необходимая предпосылка судебного воспитательного влияния на преступника и на общество, достигаемого непосредственно проведением судебного заседания.

¹ М. П. Карева, «Право и нравственность в социалистическом обществе», М. 1951, стр. 170.

² В этом нас убеждает всё снижающееся количество отмененных приговоров вышестоящими судами. Кроме того, среди оснований отмены, лишь незначительная часть падает на неправильное применение правовых норм. Например, по Латвийской ССР, среди кассационных оснований удельный вес неправильного применения права незначителен. Количество отмененных приговоров народного суда из числа обжалованных снизилось с 20,7% в 1953 году до 12,3% в 1955 году. В последнем квартале 1955 г. количество в кассационном порядке отмененных приговоров упало уже до 9,7%. В 1956 году еще более окрепла стабильность приговоров, и количество отмененных, по сравнению с 1955 годом, снизилось еще на 1,7%.

Следует еще отметить, что нравственное влияние именно примененя права зависит не только от законности и обоснованности судопроизводства, и не только от общекультурного уровня судебной работы, но и от того, насколько широкую гласность получает уголовный процесс. Здесь большее значение имеют такие факторы, как количество и состав присутствующих при разбирательстве дела в суде, выездные сессии суда, общественное обсуждение процесса и его результатов, печать³.

Далее — в меру ли всех воспитательных возможностей осуществляется сегодня двуединая задача наказания и воспитания, записанная в статье 3 Закона о судостроительстве?

И здесь приходится ответить отрицательно: воспитательная сторона судопроизводства отстает; ей до сих пор уделяется совершенно недостаточное внимание, хотя уже в первые годы Советской власти В. И. Ленин указывал на воспитательную сторону работы советского суда, как на более важную ее часть⁴.

Попытаемся вкратце проверить утверждение о неудовлетворительном состоянии воспитательной стороны судопроизводства, осветив сколько-нибудь положение в Латвийской ССР.

Искать ответа на этот вопрос в примерах снижения преступности и исправления преступников было бы неправильно. В уменьшении количества преступлений и исправлении осужденных значительное участие принимают и другие факторы: общественные организации, школа, печать, кино, учреждения, в которых осужденные отбывают наказание и др.

Искать ответа на вопрос приходится в других направлениях: во-первых — в направлении непосредственной оценки качества судопроизводства и, во-вторых, — оценки руководства воспитательной стороной уголовно-процессуальной деятельности народного суда, как основного звена нашей судебной системы.

Искать обоснованного ответа в обоих этих направлениях не легко, ибо нет каких-либо особых регистраторов нравственного влияния судопроизводства.

Можно, например, проверить законность и обоснованность

³ В этой области положение, например, в Латвийской ССР не так благополучно. Печать освещает деятельность суда слабо. Общественное обсуждение недостаточно развито. Что же касается выездных сессий, то за первые 4 месяца 1956 года в Министерство Юстиции ЛССР поступили данные о выездных сессиях народных судов только в 19 случаях по всей республике. Присутствовали на них в общей сложности 6847 человек, на отдельных судебных заседаниях от 50 до 500 человек. В нескольких случаях отдельные участники процесса (защитники) своими выступлениями резко снижали воспитательное качество судоговорения.

⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 191.

приговора, его прочитав и сравнив с материалами дела, но как узнать ту воспитательную силу, которая сопровождала вынесение этого приговора? Здесь самое надежное средство — непосредственное наблюдение. Картину, которую в этом отношении дает протокол судебного заседания, нельзя считать достаточно ясной.

Очевидно, именно в виду этих обстоятельств воспитательная сторона уголовного процесса выпадает из поля зрения основного органа, руководящего судами первой инстанции, а именно — вышестоящего суда (в Латвии — Верховного Суда ЛССР). Вышестоящий суд занимается вопросами законности и обоснованности судопроизводства, вопросами правильного применения закона.

Таким образом, кассационная и надзорная проверка работы суда первой инстанции мало используется для стимулирования воспитательной сущности этой работы, которую требует закон (ст. 3 Закона о судоустройстве) и всё развитие нашего общества.

Вышестоящий суд непосредственно руководит только выполнением одной части карательно-воспитательной цели суда, предусмотренной законом. Иных возможностей действующее уголовно-процессуальное законодательство и всё построение судопроизводства вышестоящему суду почти не представляет.

В этой связи уместно вспомнить, что в действующих уголовно-процессуальных кодексах союзных республик не выражено даже самое понятие воспитания. Например, ст. 257 УПК РСФСР, говорящая о праве председательствующего руководить ходом судебного заседания, обязывает направлять судебное следствие только в сторону наиболее способствующую раскрытию истины, умалчивая об обязанности судьи заботиться и о достижении воспитательной цели в производстве. В этом отношении некоторые УПК стран народной демократии сделали шаг вперед⁵.

Таким образом, по действующим порядкам, вышестоящий суд как бы не причастен к заботе об удельном весе непосредственной воспитательной сущности производства в суде первой инстанции. Вышестоящий суд участвует в этом лишь косвенно — лишь в границах воспитательного значения самой законности и обоснованности судопроизводства.

Это и удостоверяют публикуемые определения коллегий Верховного Суда СССР по отдельным делам, в которых мы не найдем замечаний о воспитательной стороне судебной работы.

⁵ См. например «Закон об уголовном судопроизводстве в Германской Демократической Республике», где в § 2 прямо подчеркнута воспитательная задача уголовного процесса и изложено её содержание.

Лишь в некоторых из руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР упоминается воспитательное значение уголовного процесса, да и то лишь вскользь и в общих чертах.

Что же касается судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР, то трудно найти частное определение, в котором обращалось бы внимание на воспитательную сторону работы народного суда по конкретным делам, в связи с их проверкой в кассационном или надзорном порядке.

Непосредственную нравственную значимость судопроизводства наиболее успешно можно воспринять и оценить лишь присутствуя в самом судебном заседании. Такую возможность в большей мере, чем Верховный Суд, имеет Министерство Юстиции в лице своих ревизоров. На основании их наблюдений и опыта Министерству Юстиции открывается большой простор для проверки воспитательной стороны судебного разбирательства и руководства ею, для создания методики этой работы. Такую же возможность имеют руководящие органы Прокуратуры.

Что же показывает практика?

Из просмотра большого количества актов ревизий народных судов, явствует, что воспитательная сторона судопроизводства стоит очень далеко от центра внимания ревизоров Министерства Юстиции Латвийской ССР. Оценку качества работы народного суда ревизоры в подавляющем большинстве случаев сводят к следующим показателям:

- 1) количество рассмотренных дел в целом и по отдельным категориям преступлений;
- 2) количество кассационных обжалований;
- 3) количество отмененных приговоров;
- 4) количество выездных сессий;
- 5) количество отчетов перед избирателями;
- 6) количество и характер нарушений материального и процессуального закона.

Вне количественности проверяется лишь правильность карательной политики.

О правильности, уровне, характере, воспитательной, если так можно сказать, политики — ни слова. В проверке выполнения судами задачи наказания — воспитания, вторая её часть забыта.

Среди многих десятков актов ревизий народных судов, составленных ревизорами Министерства Юстиции Латвийской ССР за 1955 и 1956 годы, лишь в отдельных случаях, как редкое исключение, встречаются конкретные оценки воспитательной стороны судебного процесса. Но и эти единичные оценки формальны, написаны без какого либо проникновения в сущность вопроса, без анализа, без суждений, без предложений.

Вот дословно одна из них:

«Судебный процесс, как со стороны внешней обстановки, так и в отношении соблюдения процесса ведется культурно; вскрывает не только виновность лица, но и обстановку, в которой возникло преступление, и личность подсудимого, оказывая на присутствующих в зале слушателей процесса впечатление, содействующее осуществлению судом своей воспитательной роли»⁶.

Акты ревизий народных судов не отображают нравственного содержания судебного производства по уголовным делам, форм и методов, в каких оно проявляется, недочетов и достижений в этой области.

Примерно то же самое пришлось бы говорить и относительно проверок, осуществляемых Прокуратурой Латвийской ССР. И здесь основное: проверка законности, соблюдения процессуальных требований и правил, проверка доказательности речи прокурора, поддерживающего государственное обвинение.

Методический совет Прокуратуры Союза ССР уже в течение нескольких лет в качестве практического пособия публикует сборники под названием: «Речи государственных обвинителей», которыми пользуются и работники Прокуратуры Латвийской ССР. В этих сборниках представлены наиболее удачные обвинительные речи из текущей судебно-прокурорской практики, должностные речи служить образцами для других судебных ораторов. Прочитав и проанализировав эти публикации, приходится делать не слишком утешительный вывод: подавляющее большинство в качестве образцов предлагаемых обвинительных речей как по стилю так и по содержанию лишены живого нравственного нерва. О самых потрясающих преступлениях в этих речах повествуется столь же бесстрастно как о хищении куля пшеницы из колхозного амбара.

Вряд ли было бы правильно считать, что эти публикации в должной степени, способствуют усилению воспитательной значимости выступления прокурора на суде.

С другой стороны публикованные речи государственных обвинителей убеждают в неудовлетворительном состоянии практической судебной речи в целом, если ее рассматривать с точки зрения нравственной силы⁷.

Такое положение причинно связано со следующим.

В инструктивном материале Министерства Юстиции Латвийской ССР, Прокуратуры Латвийской ССР, Прокуратуры

⁶ Акт ревизии Нарсуда 1 уч. Московского района гор. Риги, за 1955 год, составленный старшим ревизором.

⁷ Необходимо отметить, что в некоторых новейших публикациях судебных речей прокуроров нравственной значимости дела и характеристике подсудимых уделяется уже должное внимание. (См. например, речь Л. Н. Смирнова по делу Закалинского и др. «Судебные речи прокуроров» Т. 1956 г., сборник № 1.).

СССР, как и в инструкциях ранее изданных бывшим Министерством Юстиции СССР, нет конкретных директив по укреплению воспитательной стороны судопроизводства. Общие указания имеются, но они повторяют общеизвестные положения Закона о судостроительстве. В ведомственном инструктивном материале руководящих органов юстиции и прокуратуры нет никаких указаний на конкретные формы и методы нравственного влияния при рассмотрении уголовных дел; такая методика не разработана ни практически, ни теоретически.

В результате далеко не все судьи, прокуроры, адвокаты, говоря о народных заседателях, отдают себе отчет в том, как, какими методами, какими способами и приемами добиваться лучшего нравственного результата судебного разбирательства. На судебных заседаниях мало объединенных усилий перечисленных лиц, их осознанного взаимодействия в воспитательном направлении. Плохо знающий дело прокурор, несознательный защитник легко разрушают достигнутое судом. Или наоборот — усилия прокурора остаются бесплодными перед недостаточно компетентным или невнимательным судьей.

Без сознательного взаимодействия суда, прокурора и адвоката, если они участвуют, трудно ждать высокого нравственного результата от судебного процесса.

Необходимое руководство отсутствует и в этом направлении.

Практике последних 10—15 лет неизвестны, например, случаи совместных широких совещаний работников прокуратуры, адвокатуры и суда, хотя именно на таких совещаниях могли бы обрисоваться конкретные методические формы нравственной направленности судебного разбирательства.

Подобными вопросами обычно не занимаются и участники судебного заседания; их внимание поглощает процесс доказывания, процессуальное состязание, применение права, хотя такой треугольник — судья, прокурор, адвокат — мог бы изредка обсуждать воспитательную сторону совместной работы. Конечно не в смысле какой-то судебно-прокурорско-адвокатской коллегии по уголовным делам. Дифференциация суда и сторон естественна и необходима, однако она не препятствует совместной воспитательной работе.

На практике иногда происходит иначе: надеются, что следует лишь с достоверностью установить по делу истину, найти виновного, определить степень его ответственности, не ошибиться в применении права и все нравственное содержание судебной работы появится само собой. О воспитательных задачах судопроизводства серьезно вспоминают разве только при проведении процессов на местах — выездных сессиях народного суда.

Конечно, было бы неправильно утверждать, что нет образцовых судей, прокуроров, адвокатов, что нет судебных процессов, глубоко воздействующих на взгляды и поведение людей.

Взять к примеру судебный процесс об убийстве 15-летним учеником 660-й московской школы Борисом Журавлевым из хулиганских побуждений на вечере самодеятельности студента Виктора Кузьмина. Все советское общество всколыхнул этот процесс. Суд над убийцей превратился в суд над хулиганством, распушенностью, зазнайством небольшого числа нашей молодежи. Этот судебный процесс учил все общество «различать худое и грязное, распознавать подлеца и негодяя — и не только распознавать, но и страстно браться с ним»⁸.

Это был исключительной значимости процесс, проведенный на исключительном морально-политическом уровне.

Никто не станет сомневаться, что хулиганство — это зло, в борьбе с которым наряду с наказанием необходимо использовать средства нравственного влияния как на подсудимого, так и на общество.

Как же проходят нередко эти процессы в наших судах?

Чтобы не ссылаться на личные наблюдения, привожу выдержку из статьи Ильи Сельвинского.

«Маленький зал нарсуда. Секретарь, явно думая о чем-то своем, но привычно шевеля губами, читает дело Харитонов, Ивана Александровича (20 лет, русский, беспартийный, рабочий, под судом и следствием не состоял), о привлечении его к уголовной ответственности на основании статьи 74 УК. Человек 10—12 зрителей равнодушно слушают протокольную повесть о «геройстве гражданина Харитонова». Означенный Харитонов И. А. такого-то числа подошел на улице к гражданке Наталии К. и сунул ей за воротник дохлую мышь. Как установлено следствием, у подсудимого с гражданкой К. никаких отношений не имелось, и знакомы они до этого случая между собою не были. Препровождаемый в отделение милиции Харитонов нанес милиционеру оскорбление действием путем плевка, а в самом отделении умышленно (и преднамеренно) разбил электрическую лампочку.

— «Подсудимый Харитонов! — обращается судья сухим, бесстрастным голосом. — Виновным себя признаете?

— Что мышь, признаю, а что неуважение к обществу, того не было. Какое тут общество?

Суд удаляется на совещание, зрители ждут полчаса, суд появляется, все встают, суд объявляет приговор. После этого

⁸ Литературная газета № 73 от 21/VI 1955 г. «Преступление и выводы из него», статья Ф. Вигдоровой. См. также в журнале «Социалистическая законность», 1955 г. № 9, статью «Отцы и дети».

переходят к слушанию дела Писковитина, Спиридона Павловича... о привлечении его по той же 74-й статье Уголовного Кодекса. Новое дело слушается тем же порядком, о старом уже забыли.

И никого не взволновал вопрос о том, почему молодой человек, подойдя к незнакомой девушке, позволил себе такую гнусную выходку. Какое душевное движение могло толкнуть Харитонову на плевков в лицо милиционеру, выполняющему свой долг? И вообще: откуда у парня неуважение к обществу, неуважение, которого он не признает и даже иногда не понимает, но которое фактически налицо?»⁹

Какое нравственное влияние оказал так поставленный процесс, и на кого?

Подобный вопрос задавали и в группе студентов, наблюдавших за ходом рассмотрения дела по обвинению Селезнева по ст. 74 ч. II УК РСФСР в народном суде III участка Кировского района гор. Риги в начале 1956 года под председательством и. о. народного судьи Т.

Суд может выполнять свою работу внешне безукоризненно: соблюдать все процессуальные нормы, установить истину, безошибочно применять право и в то же время эта работа может быть почти полностью лишена нравственного, воспитательного содержания.

Формальность в отправлении правосудия способствует не развитию и укреплению в общественном сознании нравственных требований, а, наоборот, их затускнению.

Сонливость и обыденщина на суде нетерпимы, иначе суд спускается до уровня обывателя, не утруждающего себя ни проблемой причин преступления и личности подсудимого, ни моральной оценкой деяния. Мышление обывателя не идет далее буквы закона и соответствующего этой букве наказания.

Великий ущерб воспитательным задачам судопроизводства причиняет деление процессов на «большие» и «малые», ибо воспитывать нужно на малых делах, чтобы на их почве впоследствии не возникали большие.

Каковы же выводы из этой краткой характеристики положения в области осуществления воспитательных целей судебного производства по уголовным делам?

Выводы следующие.

По большинству уголовных дел наши судебные органы в своей повседневной работе не допускают искажения требований материального и процессуального закона; это подтверждают как ведомственная проверка судебной работы, так и практика

⁹ *Илья Сельвинский*, На суд общественности, Литературная газета от 10/III, 1955 г., № 30.

вышестоящих судов по проверке законности и обоснованности приговоров судов первой инстанции. Кривая нарушений законности в самых судебных органах идет вниз. Следовательно, в этом смысле воспитательное воздействие п р и м е н е н и я правовых норм возрастает.

Однако может ли это обстоятельство служить доказательством того, что работа народного суда вполне удовлетворяет воспитательным требованиям? Очевидно — нет. Не редко в популярных брошюрах, журнальных статьях, должное воспитательное качество судебной деятельности принимается за аксиому. Этого недостаточно, чтобы разобраться в вопросе.

Любому практическому работнику органов юстиции, не желающему приукрашивать действительность, известно, что не все наши народные суды и не все работники прокуратуры и адвокатуры, принимающие участие в разбирательстве уголовных дел, насыщают свою процессуальную деятельность глубоким нравственным содержанием. Утверждать, что наши народные судьи, прокуроры, поддерживающие обвинение по уголовным делам, и защитники — адвокаты полностью осуществляют воспитательную цель уголовного процесса, значит принимать желаемое за сущее и культивировать самоуспокоенность.

На настоящем этапе развития нашего социалистического государства, при непрерывном росте материального и культурного уровня масс, уровень работы вчерашнего дня не может удовлетворять ни на одном участке государственной или общественной деятельности. Это в полной мере относится и к осуществлению воспитательных целей судопроизводства в судебном заседании.

Что же мы видим на практике?

По приёмам и методам, проведение судебного заседания ныне мало отличается от работы народного суда лет пятнадцать тому назад. Однако действующие процессуальные нормы не исключали возможности сообщить судебному разбирательству более глубокое нравственное содержание.

Не будет большой ошибки в утверждении, что такое положение в значительной мере объясняется тем, что органы, уполномоченные законом к руководству судебной работой и ее контролю, почти не обращали внимания на нравственную сущность разбирательства уголовных дел. В ведомственном материале нет ни развития ни детализации требований ст. 3 Закона о судостроительстве. Инструктивные указания по вопросам осуществления воспитательных целей судебного разбирательства все еще отсутствуют.

Примерно так можно обрисовать в самых общих чертах по-

ложение в области осуществления воспитательных целей судебного производства на практике.

Следующий вопрос, требующий уяснения, это вопрос о состоянии нашей юридической литературы по исследуемой проблеме.

В дальнейшем и будет сделана попытка разобраться в этом вопросе, чтобы обосновать возможность научно-методической разработки проблемы, обозначенной названием данной статьи.

Естественно, что такая попытка, предпринимаемая впервые, не может претендовать на исчерпывающую полноту освещения поставленных вопросов.

II

В течение по крайней мере 20 последних лет решение вопросов воспитательного содержания судопроизводства было оставлено полнейшему самотёку. Не только органы, руководящие судебной работой, но и научная мысль также серьезно не интересовалась о том, как суд справляется со своими воспитательными задачами, идет ли развитие этой важнейшей стороны уголовного процесса в ногу со всем развитием социалистического общества, какие методы и средства используются для достижения нравственного влияния судопроизводства, чем и как должно и можно его углубить, как поставлено руководство этой стороной судебной работы, ее контроль и т. п.

На подобные вопросы напрасно искать ответа в нашей литературе.

В нашей юридической литературе, включая монографии последних лет, детально разрабатывающие вопросы судебного права, проблеме нравственного влияния судопроизводства уделяются лишь одинокие стандартные фразы, в большинстве случаев воспроизводящие известное положение ст. 3 Закона о судостроительстве или известные высказывания М. И. Калинина о воспитательной роли советского суда. Как самостоятельная проблема осуществление воспитательных задач судопроизводства изучению не подвергалось. Теоретических исследований в этой области нет.

Некоторым исключением являются: монография М. К. Каревой «Право и нравственность в социалистическом обществе», 5-я глава которой содержит соображения о воспитательной роли социалистического правосудия и моральном значении судебного приговора, и введение работы А. Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве».

Непосредственно вопросам воспитательной роли советского суда посвящены лишь популярные брошюры, например, работа А. А. Волина «Воспитательная роль советского суда», М. 1951, П. Элькинда «Воспитательная роль советского суда», М. 1953, И. Д. Перлова «Советский суд в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей», М. 1954, но эти брошюры не ставят себе целей научного исследования.

Идеи, вокруг которых разворачивается исследование любых вопросов советского уголовного процесса во всех почти без исключения монографических работах последних лет, это — вопросы установления по делу истины, вопросы доказывания, вопросы обоснованного наказания виновного, вопросы соблюдения законности и процессуальных гарантий в судопроизводстве. Следовательно, изучению подвергается лишь одна часть двуединой задачи осуществления правосудия: изучаются лишь пути и средства, обеспечивающие правильное и обоснованное применение наказания.

Почему же внимание ученых не привлекает воспитательная сторона судопроизводства? Если непосредственное исследование той части судебной работы, которую В. И. Ленин называл «более важной», и на которую прямо указывает ст. 3 Закона о судостроительстве, оставлена втуне, тому должны быть какие-то основания.

Может быть изучение этого вопроса как самостоятельной проблемы вообще невозможно и заниматься ею стало быть нелепо? Или самое изучение в принципе возможно, но на пути стоят непреодолимые препятствия?

Попытаемся разобраться в этих вопросах.

Как одну из причин неисследованности осуществления воспитательных целей судебного производства можно назвать общепринятый стиль изучения вопросов судопроизводства, а именно: изучение их в разрезе непосредственного содержания действующего процессуального права. Поскольку же действующие процессуальные кодексы союзных республик вопросов воспитательного порядка совершенно не затрагивают, они в центр угла не ставятся и в исследованиях. Надо полагать, что это — одно из оснований, почему вопросы воспитательного содержания судопроизводства до сих пор переносятся из науки в область популярных брошюр.

Конечно нельзя считать неправильным такое изучение судопроизводства, где вопросы уголовного процесса рассматриваются как вопросы законом предусмотренного движения уголовного дела, долженствующего обеспечить изобличение преступника и его наказание, при соблюдении всех процессуальных гарантий.

Как раз наоборот — на законность судопроизводства, на охрану прав граждан в процессе в настоящее время обращается усиленное внимание¹⁰.

Однако это не препятствует изучению вопросов советского уголовного процесса в более тесной связи с воспитательными и его задачами. Не может быть также методических возражений рассматривать осуществление воспитательных целей судебного производства по уголовным делам как самостоятельный предмет исследования, если это может обеспечить более детальное изучение вопроса.

Как на препятствие к самостоятельному исследованию названной проблемы можно было бы, далее, сослаться на отсутствие непосредственного материала, в достоверных формах отображающего нравственное содержание и воспитательный итог судопроизводства, ибо непосредственно документировать нравственное влияние невозможно.

Конечно, если по проблеме нет достоверного материала, изучение ее затруднительно или даже невыполнимо. Но дело в том, что также данные всё-таки можно найти.

Правда, на первый взгляд кажется, что отсутствует материал, документирующий нравственную сторону судопроизводства, но ведь имеются протоколы судебных заседаний, судебные приговоры, акты ревизий судебных органов, стенограммы и публикации речей государственных обвинителей и защитников, корреспонденции, заметки, статьи в газетах и журналах, общественное обсуждение судебных процессов, а в конечном счете возможно и их непосредственное наблюдение.

В науке, как и в судебных делах, косвенные доказательства не уступают прямым. Следовательно, нет оснований считать изучение нравственного содержания судопроизводства научно невозможным. Как раз наоборот — налицо все возможности изучения современного состояния, а поэтому и возможности изыскания путей улучшения работы на этом участке воспитательной работы.

Чтобы закончить рассмотрение предполагаемых причин долготелетнего уклонения от такого изучения, нужно особо указать на то обстоятельство, что некоторые наши теоретики более или менее определенно придерживаются той точки зрения, что воспитательные цели правосудия достигаются и исчерпываются соблюдением законности, т. е. точным осуществлением процессуальных правил, кропотливым анализом доказательств с уста-

¹⁰ См. ж. «Коммунист» за 1956 г. № 11 «Укрепление социалистической законности и юридическая наука» и № 14 — статью В. Николаева «Преодоление неправильных теорий в уголовном праве».

новлением истины по делу, правильным применением наказания.

Для примера можно взять хотя бы работу Д. С. Перлова «Судебное следствие в советском уголовном процессе» (М. 1955 г.). Осуществление воспитательных целей судопроизводства здесь подчиняется то «тщательному и глубокому исследованию всех доказательств» (стр. 38, 39), то ставится в зависимость от раскрытия истины по делу (стр. 52), плана судебного следствия (стр. 100), порядка допроса подсудимого и свидетелей (стр. 121).

М. С. Строгович в монографии «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» (М. 1955), как и в большинстве своих работ, роль и значение уголовного процесса сводит к доказыванию и установлению истины, при соблюдении процессуальных гарантий.

Н. Н. Полянский в своей работе «Вопросы теории советского уголовного процесса» (М. 1956 г.), исследуя ряд актуальнейших проблем уголовного процесса, в III главе, посвященной задачам советского правосудия, делает замечания о воспитательном значении судебного разбирательства уголовных дел, но они кратки (всего 2—3 страницы), трафаретны, и остаются почти незаметными в общей проблематике исследования¹¹.

Большинство же новейших монографических исследований, а также учебники по советскому уголовному процессу, вопросы нравственного содержания судопроизводства обходят почти полным молчанием¹².

Нравственное содержание судебного производства в этих трудах трудно разглядеть в сложной ткани анализа процессуальных действий и правил по их осуществлению. Воспитательная сущность уголовного процесса, необходимые условия и методы теряются в других вопросах, выдвигаемых на первый план.

Не оспаривая значения и необходимости рассмотрения отдельных проблем советского уголовного процесса с позиций,

¹¹ См. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, изд. МГУ, 1956 г., стр. 60—62.

¹² См., например: Н. М. Гореватый, Подготовка и проведение судебного следствия, М., 1955; Р. Д. Рахунов, Свидетельские показания в советском уголовном процессе, М. 1955; И. Д. Перлов, Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе, М. 1956; Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, М. 1956; Г. М. Миньковский, Пределы доказывания в советском уголовном процессе, М. 1956; А. И. Вишберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М. 1956 и др.

избранных названными авторами, приходится сказать следующее.

Неясность, неполноту, недостаточность в исследовании вопросов нравственной сущности и значения процесса можно устранить лишь при диаметрально противоположном подходе.

Весь комплекс процессуальных вопросов, связанных с осуществлением воспитательных целей судебного производства, нужно рассматривать как самостоятельную проблему, которая подлежит решению в судебном заседании, и с точки зрения этой проблемы освещать процессуальное содержание судебного разбирательства. Возможность такого направления в отдельных исследованиях, в науке уголовного процесса забыта, а оно столь же необходимо, как при исследовании любой другой проблемы, например, при исследовании судопроизводства в аспекте необходимости и возможности установления объективной истины, или в аспекте других предпосылок обоснованного и справедливого наказания.

Никогда не удастся подойти вплотную к проблеме воспитательной сущности судопроизводства, а тем более — изыскать пути усиления его нравственного влияния, если эту проблему не изучать как самодовлеющую, как одну из конечных, самостоятельных задач уголовного процесса, а не только попутно, мимоходом вспоминая о ней при исследовании других вопросов.

Это тем более необходимо, если учесть, что точное соблюдение процессуальных правил, доказательство истины по делу, являясь необходимым фундаментом судопроизводства, сами собою еще не обеспечивают и не исчерпывают нужного нравственного влияния.

Процессуальная форма — это лишь законное русло производства, которое, будучи заполнено точным соблюдением процессуальных норм, может остаться и без живого нравственного содержания.

III

Изучение проблемы осуществления воспитательных целей судебного производства в условиях полной неразработанности вопроса, потребует кропотливого труда. Небезинтересно наметить его пути и вехи.

Естественная исходная точка в таком предприятии — детальное ознакомление с современным состоянием судебно-воспитательной работы, как основой дальнейшего суждения о путях и методах ее улучшения.

В первом разделе данной статьи указанные факты конечно

недостаточны; они могут послужить лишь некоторым стимулом к исследованию проблемы.

В каком же виде можно себе представить такое ознакомление с положением дела в области нравственного влияния судопроизводства?

Чтобы попытка детально осветить современное состояние судебно-воспитательной работы дала положительные результаты, необходимо определить те границы, в которых вообще мыслимо и возможно проявление нравственного влияния судопроизводства, а затем изучить положение вещей в этих границах.

Каковы эти границы, что их определяет?

Такие границы могут обозначать реально возможные пути и способы нравственного воздействия судопроизводства на сознание подсудимого, с одной стороны, и на сознание граждан с другой.

Вместе с тем эти, далее названные, способы с достаточной определенностью укажут границы и содержание изучения проблемы в целом.

Границы, в которых вообще мыслимо и возможно проявление нравственного влияния судопроизводства определяют те каналы, по которым суд способен повлиять на исправление и перевоспитание преступника, на искоренение пережитков прошлого и утверждение передовых представлений о праве и нравственности в массах.

Таковыми каналами, т. е. способами нравственного воздействия на подсудимого и на общество в уголовном процессе представляются следующие три пути.

1. Нравственное влияние уголовного права на подсудимого и общество

Этот способ — пропаганда советского социалистического права посредством применения правовых норм, в частности, норм уголовного закона.

Уголовный закон содержит основные требования морально правильного поведения людей. Распространение знания уголовного закона и правильного понимания в нем выраженных требований происходит различно. Наиболее действенная форма — его применение (осуществление) в уголовном процессе, ибо лучшим образом убеждает наглядность конкретного примера. Основное условие достижения воспитательного эффекта в этом отношении это п р а в и л ь н о с ь, безошибочность п р и м е

нения закона, полнота, правильность и законность всего уголовного судопроизводства, и, как результат — стабильность судебного приговора. Незнание, нерадивость или недобросовестность в применении права, а, как следствие — необоснованность и ошибки в судопроизводстве, влекущие отмену приговоров, — плохая услуга распространению знания и уважения уголовного закона. Одна из лучших форм укрепления социалистического правосознания это — правильное и обоснованное применение правовых норм, носителей передовых социалистических идей и взглядов.

2. Непосредственное нравственное влияние судопроизводства на подсудимого и присутствующих при рассмотрении дела

Что определяет этот путь, как проверить практическое его осуществление?

Непосредственное нравственное влияние судоговорения определяется не только обще- и специально предупредительным значением наказания, но всей судебной процедурой, всем разбирательством дела. Для этого второго пути нравственного воздействия судебного производства не так важен вопрос применения права, как вопрос о том кого, за что и как судят. Яркое выявление факта преступления, умелая демонстрация на суде всего позора и безнравственности содеянного, моральное изобличение преступника — вот обычный метод достижения непосредственного нравственного влияния.

В этом смысле процессуальная форма, доказывание, установление истины, лишь обязательные условия, по контурам которых должна проявиться картина преступления (состава преступления в целом) и нравственного облика подсудимого. Эта картина постепенно вырисовывается на отдельных этапах судебного разбирательства — и в судебном следствии, и в прениях сторон и получает свое законное выражение при оглашении приговора.

Выявление в судебном процессе морального лица подсудимого на фоне совершенного им преступления — одно из самых существенных условий достижения нравственного влияния как на общественное сознание, так и на самого преступника. Даже в производстве, оканчивающемся оправдательным приговором или применением условного наказания эти факторы не теряют своего смысла.

Разумеется, такую цель можно достичь лишь при целе-

устремленности взаимодействия суда, обвинителя и защитника. Возможность и необходимость такого взаимодействия по вопросам нравственного содержания процесса обусловлена е д и н с т в о м в о с п и т а т е л ь н ы х з а д а ч, равно стоящих как перед судом, прокурором, так и адвокатом. При любом расхождении в вопросах доказывания эта их общая задача остается единой и незыблемой.

Таковы общие положения, определяющие нравственное влияние по рассматриваемому второму пути.

Возможна ли практическая проверка их осуществления при существующих условиях? Препятствий к этому нет. Подробный анализ таких документов как протокол судебного заседания, стенограммы и публикации речей государственных обвинителей и защитников, судебный приговор, акты проверки и ревизий судебных органов, составляемые на основании изучения материалов и непосредственных наблюдений процесса, директивный материал руководящих органов юстиции — в достаточной степени должен выявить состояние судебной работы в этом направлении.

3. Опосредствованное нравственное воздействие судопроизводства на общественное сознание

Этот путь нравственного влияния уголовного процесса наиболее важен, ибо распространяет его на все общество, воздействует в конечном итоге на общественное сознание в целом.

Проводниками морального содержания судопроизводства в массы являются: участники процесса, присутствующие на судебном заседании или общественном обсуждении его результатов, сообщения в печати; в конечном счете такими проводниками становятся все граждане, имеющие свое нравственное суждение по конкретному уголовному делу.

Это путь гласности, путь создания общественного мнения как силы, в которой должны раствориться и постепенно исчезнуть последние остатки пережитков прошлого. Но нельзя забывать, что колыбель этого общественного мнения — зал суда, и что присутствующие не в одинаковой мере из всех условий и обстоятельств процесса черпают свои впечатления.

Для выяснения положения вещей на этом участке влияния судебного производства нужно установить, в каких процессуальных действиях с наибольшей силой проявляется нравственное содержание судебного производства и какие именно элементы, какие факты в наибольшей степени привлекают внимание слу-

шателей, воздействуют на их сознание, и, следовательно, имеют дальнейшее продвижение по названному выше каналу, а затем — разобраться в том, какое качество имеют эти элементы в судебной практике, т. е. какое внимание обращается на них при рассмотрении дела.

Другими словами — необходимо определить те данные процесса, которые служат главными носителями нравственного содержания производства, и заботиться об их безупречности и силе (то ли это кропотливый анализ доказательств с установлением истины и доказанностью обвинения, то ли это речи обвинителя и защитника, убедительность приговора или мера наказания, применяемая судом). Ведь даже самый внимательный из слушателей, или заинтересованный участник, или объективный журналист не распространяет далее сведений о всех перипетиях уголовного дела. Это не только невозможно технически, но и потому, что сознание людей склонно удерживать лишь известный круг фактов судебного дела. Эти факты наиболее интенсивно воздействуют на слушателей, формируют их моральное суждение и служат теми образами, посредством которых они передают эти свои моральные суждения о процессе.

Определив эти данные, уже легко проверить, какое внимание на них обращается в практической судебной работе, а затем, если окажется нужным, искать средства усиления их значимости.

Вопрос, следовательно, в том, можно ли с достоверностью указать на такие основные носители нравственной силы судебного процесса, которые в конечном счете выступают в качестве организаторов общественного мнения?

Попробуем ответить на этот вопрос.

Каждому известно по собственному опыту и наблюдению повседневной жизни, о чем именно по уголовному делу интересуется общественность и какие факты из судебного заседания главным образом доводятся до общественного сознания присутствовавшими на процессе.

Это — сущность и причины преступления, личность (характеристика) преступника и примененное судом наказание.

Другие факторы производства, отдельно взятые, например, такие как анализ доказательств, установление истины, речи обвинителя и защитника в целом, мотивировка приговора и др., после судебного заседания, в дальнейшем продвижении нравственного влияния судопроизводства, как передатчики этого влияния, играют уже совсем второстепенную роль.

В устах бывших слушателей процесса они представляют

интерес для сравнительно узкого круга лиц, к тому же лишь редкий участник судебного заседания в состоянии передать далее содержание, смысл и значение этих факторов.

С точки зрения основных носителей (передатчиков) нравственной силы судебного процесса, итог всего кропотливого разбирательства уголовного дела сводится к немногим данным, иногда долго не теряющимся в мелочах будней. Самые веские, так сказать живучие из этих данных, оставляющие иногда долгий и глубокий след в сознании людей, это выше перечисленные: сущность преступления, личность преступника и примененное судом наказание.

Отсюда понятно, что судебное заседание, наряду с рассмотрением других вопросов, должно давать такое интенсивное освещение сущности конкретного преступления и личности преступника, такое нравственное обоснование наказания, чтобы успешно повлиять на образование правильного общественного мнения.

Чтобы достичь цели, освещение сущности преступления должно быть сугубо конкретным, должно вскрывать конкретно его общественную опасность, моральную нетерпимость в социалистическом обществе, а не лишь по абстрактной норме права устанавливать противоправность действий подсудимого.

Должное освещение сущности преступления совпадает с выяснением на судебном заседании всего содержания состава преступления в таком понимании, как это определено в итогах дискуссии по вопросам состава преступления¹³. Но общественная опасность деяния, его противоправность и вина подсудимого должны быть выявлены с большой убедительностью, и вместе с тем простотой, открывающей нравственному взору слушателей суть преступления так, чтобы она оставила глубокий след в сознании. В яркой и полной обрисовке сущности преступления значение имеют как судебное следствие, прения сторон так и мотивировка приговора. Задача состоит в том, чтобы самая суть преступления выступала выпукло, а не тонула в доказывании и других проявлениях состязательного процесса.

Между прочим такое умение выявить нравственную сторону деяния можно наблюдать в судебных речах многих дореволюционных русских судебных ораторов¹⁴.

Относительно личности преступника следует сказать, что правильной характеристикой будет лишь в

¹³ См. журнал «Советское государство и право», 1955 г. № 2, передовая статья — О состоянии и задачах науки советского уголовного права.

¹⁴ См. Судебные речи известных русских юристов, М., 1956.

том случае, если она будет даваться на фоне совершенного преступления, а не лишь на основании различных справок, как это нередко имеет место в судебной практике. Справочная характеристика подсудимого и характеристика его сводящаяся к перечислению анкетных данных — не могут в необходимой степени осветить личность преступника, однако именно так поступают многие наши государственные обвинители¹⁵. Вот минимум вопросов, подлежащих выяснению при характеристике подсудимого: сущность его преступных действий, его роль в преступлении, мотивы деяния, бытовой и общественно-политический облик¹⁶.

Личность преступника вырисовывается полностью не только в процессе судебного следствия; этому должны послужить главным образом прения сторон. Характеристика подсудимого в речах государственного обвинителя и защитника должна быть не противоречивой, а дополняющей. Противоречивые характеристики подсудимого со стороны прокурора и адвоката подрывают одну из основ убедительности приговора и наказания, а вместе с тем и воспитательной направленности судопроизводства.

Что же касается наказания, как третьего слагаемого в общем знаменателе моральной силы производства, то правильным освещением первых двух (сущности преступления и личности преступника) суд должен создать его нравственное обоснование.

Распространено мнение (особенно среди представителей уголовного права), преувеличивающее воспитательную значимость наказания в смысле общего предупреждения.

Примененное судом наказание несомненно принадлежит к тем факторам судопроизводства, которыми интересуется общественность. Оно доходит до общественного сознания и действует предупреждающе на отдельных граждан. Однако такое предупреждение или устрашение, отдельно взятое, предполагает неизменность преступных склонностей и воздержание от их осуществления единственно из страха перед наказанием. Если предупреждение (устрашение) рассматривать изолированно, как самостоятельный воспитательный фактор, то окажется, что это недостаточное средство развития общественного сознания и борьбы с пережитками прошлого. Всякое устрашение апеллирует не к сознательности субъекта, предполагая её развитие,

¹⁵ См. «Речи государственных обвинителей», сборники, составляемые Методическим советом Прокуратуры СССР, за годы 1950—1956.

¹⁶ Государственный обвинитель в советском суде, Госюриздат, М., 1954 г., стр. 278.

а наоборот: предполагает постоянство, неизменность преступных склонностей этого субъекта¹⁷.

Примененное судом наказание, как один из факторов влияния на общественное мнение, приобретает большую воспитательную значимость, будучи морально обосновано должным освещением преступления и личности преступника. Лишь в такой связи наказание можно рассматривать, наравне с другими вышеуказанными факторами, как стимул развития и укрепления нравственного сознания, постепенного преобразования человека.

В судебном разбирательстве, как оно проводится по большинству уголовных дел, сущности преступления и личности преступника уделяется совершенно недостаточное внимание. В этом можно убедиться по протоколам судебных заседаний или присутствия на процессах в народном суде.

Если сущность преступления, личность преступника и примененное судом наказание — данные, обычно попадающие из судебного процесса на суд общественного мнения, т. е. организующие это мнение, то лишь эти данные в совокупности главным образом и могут претендовать на общепредупредительное значение, могут повлиять на широкий круг так называемых «неустойчивых», дисциплинировать их сознание.

То же самое нужно сказать и о печати, одном из наиболее важных рычагов создания общественного мнения — и через печать до широких масс доходят, на их сознание воздействуют главным образом те же, только что перечисленные факторы из всего судопроизводства: сущность преступления, личность (характеристика) преступника и примененное судом наказание.

Каков же вывод? — Вывод может быть только один: если известны факторы, через которые судебное производство по уголовным делам способно повлиять на мнение, сознание масс, то, следовательно, именно на эти факторы при судебном разбирательстве и следует, с воспитательной точки зрения, обращать особое внимание.

Из всего сказанного по вопросу о путях нравственного воздействия судебного производства на подсудимого и общество следует, что сколько нибудь исчерпывающе судить о совре-

¹⁷ См. по этому вопросу: *М. Д. Шаргородский*, Вопросы наказания в проекте уголовного кодекса СССР, журнал «Советское государство и право», 1955 год № 1 стр. 53: «Было бы неправильно исходить из того, что угроза наказанием воздействует на всех или на подавляющее большинство граждан. Большинство граждан Советского Союза руководствуется в своем поведении отнюдь не нормами Уголовного кодекса, а сознанием того, что преступные действия противоречат интересам социалистического общества, принципам социалистической морали и нравственности и тем самым с их собственными интересами, взглядами и убеждениями».

менном состоянии судебно-воспитательной работы по уголовным делам представляется возможным по следующим критериям:

1) по тому, в какой мере распространению знания уголовного закона и правильному его пониманию, а вместе с тем укреплению правосознания способствует судебное разбирательство;

2) по силе и качеству непосредственного нравственного воздействия судебного производства на подсудимого и присутствующих;

3) по обеспеченности положительного влияния судебного производства на общественное мнение через присутствовавших в зале судебного заседания, печать и общественное обсуждение процесса;

4) по тому, как поставлено руководство воспитательной стороной судебной работы, и её контроль.

Достоверность и полнота ответов на эти вопросы определит правильность суждения о качестве осуществления воспитательных задач в судебном разбирательстве.

Уяснение и более подробный анализ рассмотренных путей нравственного влияния на подсудимого, на присутствующих в зале суда и на общество, проверка их применения на практике, поможет изысканию лучших способов использования воспитательных возможностей разбирательства уголовных дел.

IV

Для определения воспитательной значимости судебной работы, для выявления более совершенных методов её, недостаточно установить пути, каналы, по которым судопроизводство может влиять на подсудимого и на общество. Это только первый, начальный этап (впрочем, конечно, этап методический), точка отправления изучения проблемы. Существо же её разработки должно составить исследование методов и приемов осуществления нравственного влияния по этим каналам.

По этому вопросу — о приёмах и методах воспитательной направленности судопроизводства, — автору этих строк доводилось беседовать как с руководящими практическими работниками органов юстиции Латвии, так и рядовыми судьями. И многие из них говорят: таких приемов и методов нет, они невозможны: судья должен творчески подходить к каждому конкретному делу.

Возможна ли методика воспитательной направленности судопроизводства, или это искусство избранных?

Разумеется немислимо абстрактное создание раз навсегда установленных рецептов нравственного воздействия суда. В этом смысле правы, утверждающие, что в воспитательной работе необходим живой, творческий подход. Всякое творчество, однако, подчинено определенным закономерностям и методам, тем более в уголовном процессе. В суде не должно быть места случайностям, субъективизму, индивидуальному настроению, хорошему или плохому расположению духа судьи, прокурора, адвоката при решении вопросов процесса. Уголовный процесс характеризует целеустремленность, строгая определенность действий в границах процессуальных правил, использование ясно осознанных методических и тактических приемов, как например, при проверке, анализе и оценке доказательств, с целью установления истины.

Почему же в таком случае достижение воспитательных целей следует прятать под неясный ярлык индивидуального творчества?

Как довод в пользу свободного «творческого» подхода (в воспитательном значении) обычно выдвигается неповторимое разнообразие уголовных дел. Ход мыслей при этом таков: при несходности явлений было бы нелогично методически устанавливать приемы воздействия на них с целью достижения одних и тех же (воспитательных) результатов; разнообразие преступлений и преступников приводит к необходимости исключительно «творческого» воспитательного подхода.

Этот довод практически необоснован.

Дело в том, что при всем разнообразии преступлений, в и д ы их не так уж разнообразны¹⁸. При отсутствии тождества уголовных дел и преступников, большинство преступлений сходны по своим типическим чертам.

Они сходны как по способам и целям совершения (например — хищение общественного имущества с корыстной целью), так и по характеру проявляющихся в них пережитков прошлого (например — корыстное отношение к общественному благу).

Действительно нет во всех отношениях одинаковых преступников с равнозначными моральными и умственными

¹⁸ В этом значении в народных судах обычно варьируют дела 4—5 основных категорий преступлений: дела о хищениях социалистической собственности, о хулиганстве, дела частного обвинения и др. Общая сумма этих уголовных дел, по отдельным народным судам Латв. ССР в 1954 и 1955 годах колеблется примерно от 66% до 90% всех рассмотренных уголовных дел. (В эти процентуальные выражения входят также дела о нарушениях трудовой дисциплины, в то время наказуемых).

качествами, однако многие преступники совершают преступления из одинаковых побуждений.

Если разнообразие преступников требует к их личности индивидуального психологического подхода, то тождество видов и мотивов преступления — должно быть одним из оснований, на котором может строиться методика. (Далее будут указаны и другие основания). Приемы и методы нравственного влияния не могут не соответствовать отдельным видам преступлений при однообразии мотивов их совершения. Другими словами — разработка методики воспитательного влияния судопроизводства должна иметь в виду отдельные виды преступлений и дифференцироваться соответственно этим видам.

Так, например, совершенно очевидно, что приемы и методы воспитательного воздействия на преступника и общество не могут быть такими же при рассмотрении уголовных дел о хищении социалистической собственности и дел о хулиганстве; по делам частного обвинения они должны отличаться от приемов нравственного влияния на лиц, совершивших, например, должностной подлог и т. д. В одном случае острое воспитательного влияния будет направлено на искоренение недостойного и корыстного отношения к общественному благу, в другом — против открытого неуважения к обществу, в третьем его предметом будут нарушение правил социалистического общежития и т. д.

Поэтому следует признать возможным исследование и разработку методики воспитательного воздействия судопроизводства дифференцированно по отдельным видам преступлений, с учетом в этих преступлениях проявляющихся пережитков прошлого.

Ясность в такой методике насущно необходима особенно по тем видам преступлений, которые в судебной работе принято называть основными (хищения государственного, общественного и личного имущества, хулиганство, дела частного обвинения и др.), тем более, что совокупность этих видов преступлений составляет большинство всех преступных деяний, а вместе с тем в их мотивах наиболее ощутимо проявляются пережитки прошлого.

Такую методику, конечно, нельзя представлять себе как набор строго выработанных схем, на подобие канвы, по которой остается лишь вышить узор. Ни схемы, ни трафареты здесь непригодны. Судебный процесс в его воспитательной целеустремленности должен строиться с учетом всего разнообразия, всех индивидуальных особенностей конкретного дела, но с знанием определенных основ достижения наилучшего воспитательного результата.

Это одно из направлений методической разработки вопроса. Необходимое различие в воспитательном содержании судопроизводства в зависимости от видов преступлений и мотивов их совершения, однако, не исчерпывает методические возможности разработки вопроса о нравственном влиянии судопроизводства.

Можно перечислить целый ряд и других, возможных и необходимых направлений методической разработки вопросов нравственного влияния уголовного процесса.

Сюда относятся, например, следующие вопросы:

об участии представителей общественности в судебном заседании и обсуждении состоявшегося судопроизводства по месту работу осужденного;

об организации и проведении выездных сессий народного суда;

о взаимодействии суда, обвинителя и защитника, с целью повышения нравственного значения судебного разбирательства;

о более целеустремленном (в воспитательном смысле) использовании печати, освещающей результаты судопроизводства;

о применении условного наказания с последующим наблюдением за осужденным и содействием его исправлению;

об избрании судом не только меры наказания, но и установлении режима его отбытия.

и ряд других вопросов.

Отдельной методической разработки потребует судебное рассмотрение дел о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними.

Если разнообразие преступлений и преступников приводит к необходимости творческого воспитательного подхода в судебном разбирательстве, то, с другой стороны, указанные черты типичности и однообразия позволяют надеяться на возможность определенных методов, приемов, форм воспитательной направленности судопроизводства, как в целом, так и по отдельным категориям преступлений.

V

При исследовании методов и способов воспитательного судебного воздействия на подсудимого, на присутствующих и на массы необходимо отказаться от представления, распространенного в популярных брошюрах, что судья воздействует на обвиняемого и присутствующих уже потому, что он судья,

что виновные осознают свою вину перед обществом и государством уже потому, что они наказаны «в меру действительной вины»¹⁹. Таких идеальных судей и идеальных преступников нет.

Для достижения какого либо нравственного результата судебного производства необходимо, помимо всего ранее сказанного, учитывать некоторые общие условия.

Первое из таких условий: сообразование стиля производства с личностью подсудимого и составом присутствующих в зале заседания.

Хороший судья — всенародный учитель, однако учитель с повседневно меняющейся аудиторией. Срок его непосредственной педагогики по каждому конкретному уголовному делу короткий — лишь несколько часов. Не учитывать особенностей состава этой аудитории (наряду со спецификой преступления и совершившего его лица), значит отказать от действительного влияния судебного разбирательства на присутствующих, а через их посредство на общественное сознание — на правосознание и на укрепление моральных требований в массах.

Другое из основных общих условий нравственного влияния уголовного процесса, это культура судебной работы с точным соблюдением всех процессуальных гарантий граждан. Высокий культурный уровень — это большая организующая и дисциплинирующая сила, способная убедить, заставить поверить присутствующих в справедливость судебного приговора, требований права. А это необходимая предпосылка распространения им своего убеждения далее.

Следующее общее условие: отсутствие нравоучений. Несмотря на воспитательные цели, на суде не место нравоучениям, назиданиям, дидактике, рассуждениям на нравственные темы. Недопустимо это потому, что такие «поучения» достигают своей цели лишь в очень редких случаях, и то при условии, если их произносят люди пожилые, которые убеждают нас силой своего жизненного опыта. Не отвлеченные нравоучения, а само разбирательство дела должно стать «высоким нравственным уроком» подсудимому и присутствующим. Именно его проведение должно обнажить перед лицом общественности весь позор и нетерпимость преступления.

Общим условием приходится считать и следующее положение: всякое, и самое малое, уголовное дело должно быть подготовлено к слушанию с учетом предыдущего опыта. «Судья постоянно должен быть занят изучением своих ошибок, своих

¹⁹ П. Элькинад, Воспитательная роль советского суда. Ленинград, 1953. стр. 14—15.

промахов»²⁰, чтобы добиться повышения воспитательного уровня своей работы.

Подготовка дела к слушанию предполагает, между прочим, выяснение морального облика подсудимого до начала заседания. Иначе будет невозможно правильно поставить уже с самого начала процесс. Соответствующие объективные данные должны быть собраны предварительным расследованием. Стиль производства не может и не должен быть одинаковым при рассмотрении дела о подсудимом, случайно отклонившемся от морально правильного поведения, и при рассмотрении дела о безусловном мерзавце, морально разложившемся человеке, грубо попирающем требования социалистического правопорядка и нравственности²¹.

Резюмируя изложенное, можно наметить следующие точки отправления при исследовании проблемы осуществления воспитательных целей судебного производства по уголовным делам:

1. Изучение применяемых и возможных способов нравственного влияния судебного рассмотрения уголовного дела на подсудимого и на присутствующих в зале заседаний, с анализом значения и взаимодействия как отдельных этапов судебного разбирательства (судебное следствие, прения сторон, вынесение приговора), так и отдельных субъектов процессуальной деятельности (суд, обвинитель, защитник).

2. Изучение применяемых и возможных способов нравственного влияния судебного рассмотрения уголовного дела на общественное сознание по различным каналам осведомления: через присутствующих на разбирательстве дела, через печать; путем мало практикуемого приглашения на рассмотрение дела представителей с места работы подсудимого; путем организации выездных сессий на место его работы — предприятие, учреждение и т. д.

3. Изучение специфики, особенностей нравственного влияния в обоих названных направлениях при рассмотрении отдельных категорий уголовных дел (особенно по делам о хищениях социалистической собственности, о хулиганстве; по делам частного обвинения — оскорбление, клевета и т. д.; по делам о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними).

4. Изучение воспитательной значимости наказания (в частности — вопросы условного наказания и *de lege ferenda* — установления судом режима отбытия наказания).

²⁰ См. В. Шалагинов, «Судья», ж. Новый мир, 1951, № 10.

²¹ См. там же.

Перед научной мыслью стоит сложная и трудная задача исследования проблемы осуществления воспитательных целей в судебном производстве по уголовным делам, решить которую методом абстрактных суждений невозможно.

Задача состоит в том, чтобы определить в практической работе уже существующие методы, применяемые нашими лучшими судьями, проложить пути распространения этого опыта и, если окажется возможным, изыскать новые, более совершенные приёмы, отвечающие уровню современного развития социального общества.

IV

КРИМИНАЛИСТИКА КРИМИНАЛИСТИКА

Ст. преп. И. Индулен

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА В КООПЕРАТИВНОЙ ТОРГОВЛЕ

На базе преимущественного роста тяжелой промышленности — основы развития всех отраслей социалистической экономики — с каждым годом увеличивается производство предметов народного потребления, большая часть которых распределяется через торговую сеть. В Директивах XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР предусмотрено увеличить розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли примерно на 50 процентов при более высоком росте розничного товарооборота на селе. Основной торговой организацией в сельской местности является потребительская кооперация.

Потребительская кооперация призвана не только удовлетворять постоянно растущие запросы колхозников на предметы личного потребления, но и обеспечивать сельское население строительными материалами, некоторыми средствами производства, необходимыми как в коллективном, так и в личном хозяйствах. Потребительская кооперация производит заготовку сельскохозяйственного сырья, организует добычу рыбы и т. д. Поэтому понятна забота нашей партии и правительства о том, чтобы потребительская кооперация постоянно улучшала свою работу.

В системе потребительской кооперации наряду с честными тружениками все еще встречаются люди, посягающие на социалистическое имущество, подрывающие своим антиобщественным поведением советскую торговлю.

Строжайшее соблюдение социалистической законности является одной из предпосылок хорошей работы потребительской кооперации. «Опыт показывает, что малейшее ослабление со-

диалистической законности враги Советского государства пытаются использовать для своей подлой, подрывной работы»¹.

Немалое количество общественного имущества расхищается в системе кооперативной торговли. Борьба за ликвидацию хищений социалистического имущества, борьба за выполнение указаний партии и правительства, является одной из основных задач органов прокуратуры. Необходимо добиться такого положения, чтобы каждый случай хищения был вскрыт, а ущерб, нанесенный потребительской кооперации, — возмещен.

Практика показывает, что большинство хищений в системе потребкооперации совершается материально ответственными лицами, а вскрываются эти хищения путем проведения ревизий. Большинство уголовных дел возбуждается по материалам ревизий.

Какие из следственных действий могут быть первоначальными по такого рода делам?

Под первоначальными следственными действиями мы понимаем работу следователя, *направленную на отыскание минимума данных, необходимых для построения хотя бы одной версии совершенного преступления, или вызванную необходимостью немедленного обеспечения сохранности данных для следствия, могущих быстро исчезнуть.*

Получив материалы возбужденного уголовного дела о хищении общественного имущества в кооперативной торговле, следователь обязан немедленно принять дело к своему производству. Необходимо внимательно и вдумчиво просмотреть материалы дела, обращая внимание на возможные недостатки в проведении ревизии и в оформлении актов; выяснить, присутствовало ли материально-ответственное лицо при инвентаризации, дало ли оно свои объяснения по вопросам недостачи; была ли реальная возможность осуществить инвентаризацию в сроки, указанные в акте инвентаризации и т. д.

Вот примеры внимательного подхода к результатам инвентаризации.

Следователь, анализируя ревизионные материалы, усомнился в правильности акта инвентаризации, где было отмечено наличие на базе 90 тонн соли и проведение инвентаризации в течение трех дней. Следователь вызвал ревизора. Оказалось, что соль вообще не взвешивалась, а была учтена «на глаз». При перевешивании оказалось, что соль была в значительно меньшем количестве.

¹ Н. С. Хрущев — Отчётный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, Госполитиздат, 1956, стр. 109.

Другой случай. В акте инвентаризации значилось в наличии 3.840 бутылок. При повторной проверке выяснилось, что инвентаризационная комиссия проверила только ящики, находившиеся на краю штабеля, а остальные ящики в штабеле не проверяла и они оказались пустыми.

По материалам ревизии можно, например, установить, что при инвентаризации зафиксированы такие товары, которые вообще не поступили или значатся в большем количестве, чем поступили. В таких случаях нужно неотлагательно предложить провести повторную инвентаризацию.

Так, заведующая магазином № 4 Вишковского потребительского общества Г. за короткое время с 1 июля по 1 октября 1954 года присвоила товаро-материальных ценностей на сумму 1.648 руб. 71 коп. В целях сокрытия недостачи Г. одолжила от другого заведующего магазином ящики из под конфет и положила в них камни и гвозди. При первой инвентаризации не проверили упаковку и отметили в наличии конфеты согласно этикеткам. Следователь обратил внимание на то, что такие конфеты вообще не поступали в магазин, и при повторной инвентаризации ящики были вскрыты. Таким образом подлог был установлен².

Получив материалы уголовного дела, возбужденного в процессе производства инвентаризации или документальной ревизии, следователь начинает расследование, не дожидаясь окончания ревизии или инвентаризации. Целесообразно, чтобы следователь интересовался ходом инвентаризации или ревизии, знакомился с положением на обследуемых объектах. Этим он обеспечит правильный подбор и оформление материалов, необходимых для расследования, поможет ревизорам выявить подложные документы, носящие следы подчисток или травления и своевременно осуществить сбор материалов, направляемых на экспертизу. Следователь, вооруженный знаниями криминалистики, может оказать также существенную помощь ревизорам в деле обследования самих объектов. Так, например, бывают случаи, когда в целях сокрытия хищения некоторые материально ответственные лица наполняют бутылки из-под водки водой, покрывают сургучом закупорку и ставят на нее оттиск самодельной печати. Зная признаки самодельных или на заводе изготовленных печатей, следователь обратит внимание на подделку, в то время как ревизор может и не обнаружить подделки. Кроме того, интересуясь ходом инвентаризации или ревизии, следователь может получить представление о характере и способе хищения и соответственно с этим построить план расследо-

² Народный суд Даугавпилсского района, дело № 1-81/54.

вания, немедленно провести те или иные действия (обыск, арест материально ответственного лица, возможно совершившего хищение, наложение ареста на имущество и т. д.).

Приняв к производству дело о хищении со взломом, следователь, в первую очередь, обязан осмотреть место преступления и после окончания осмотра сразу же назначить инвентаризацию и документальную ревизию, сочетая их со следственными действиями.

В зависимости от характера материалов дела должны осуществляться соответствующие следственные действия. Первыми следственными действиями по делам о хищениях и растратах в потребительской кооперации могут быть: обыск, наложение ареста на имущество виновных и осмотр места преступления. Вместе с тем должны немедленно осуществляться все меры, направленные к розыску и изъятию похищенного имущества.

Интересы общества требуют, чтобы нанесенный потребительской кооперации ущерб был возмещен, а поэтому следователь обязан, не дожидаясь окончания расследования, наложить арест на имущество лиц, подозреваемых в совершении хищения и при расследовании обеспечить возможность взыскания также с общего имущества, которым обвиняемый владеет совместно с другими лицами. На основании изучения уголовных дел рассматриваемой категории можно сделать вывод, что в случаях отсутствия в начале расследования подозрения на кого-либо в хищении целесообразно аресту подвергнуть имущество материально ответственного лица, так как в подавляющем большинстве случаев хищения совершают они сами.

По материалам дела, где организация потребительской кооперации сообщает об обнаруженной во время ревизии недостаче у материально-ответственного лица, следователь обязан среди первоначальных следственных действий предусмотреть обыск у материально ответственного лица как по месту работы, так и по месту жительства. Обыск является следственным действием, направленным на отыскание необходимых для раскрытия преступлений и разоблачения преступников вещественных доказательств, следов или скрывшихся лиц. Вещественные доказательства в виде похищенного добра или ценностей, приобретенных в результате реализации похищенного имущества, могут быть спрятаны у родственников и знакомых виновного. Если к моменту производства обыска обыскиваемые сумели переправить вещественные доказательства в другое место, то в результате обыска могут быть обнаружены следы пребывания этих вещей у других

лиц. Такие следы могли, например, остаться на пыльном полу на чердаке, в кладовой, погребе и т. д. Обыск по месту работы виновного должен проводиться в целях обнаружения еще не реализованных похищенных ценностей, оставшихся от них следов — тары, ярлыков, упаковочного материала, документов, различного рода записей в блокнотах, на стенах и т. п., могущих пролить свет на совершенное преступление. Аналогичные цели стоят перед обыском по месту жительства самого виновного, а также его родственников и знакомых.

Вот наглядный случай:

7 апреля 1955 года у заведующей складом Руенского райпотребсоюза Б. была обнаружена недостача 7 мешков с мукой. Тут же было сообщено об этом в прокуратуру, и следователь начал расследование с допроса Б., чему последовал обыск на квартире Б. На чердаке было обнаружено 6 мешков похищенной муки³.

В зависимости от характера дела необходимо решать вопрос, где прежде всего следует произвести обыск — у одного или одновременно у нескольких лиц и в нескольких местах.

О направлении материалов ревизии в прокуратуру, как правило, становится известно виновному, который имеет возможность своевременно принять меры к сокрытию похищенного, предупредить своих сообщников, подготовить «свидетелей». Тем не менее должен последовать немедленный обыск: во-первых, потому, что преступник мог еще не всё спрятать, и, во-вторых, могут быть обнаружены такие важные для дела предметы, на которые виновное лицо не обратило внимания.

Для того, чтобы при обыске обнаруженные предметы, документы и т. п. имели уличающее значение, разоблачали виновного, целесообразно, в первую очередь, кратко допросить материально-ответственное лицо о причинах недостачи. Допрос должен быть проведен внезапно по месту нахождения допрашиваемого. Если при этом последний сошлется на утерю документов или на то, что не успел к отчету приложить некоторых документов и т. д., то обнаружение при обыске этих документов в первом случае или необнаружение их во втором случае может изобличить виновного во лжи и быстро привести к раскрытию преступления. Если же допрос провести только после обысков, то допрошенный, зная, что при этом найдено, сможет построить версии, значительно затрудняющие дальнейшее расследование.

³ Нарсуд Руенского района, дело № 46-55.

Непосредственно после допроса следует пригласить понятых и обыскать само материально ответственное лицо. Личный обыск нужно проводить не торопясь, тщательно — вплоть до белья и тела обыскиваемого. Правильно указывает С. С. Ордынский, что «при производстве обыска не следует пренебрегать даже малозначительными на первый взгляд предметами, как использованные билеты в кино и театр, железнодорожные, трамвайные и автобусные билеты и т. п., так как путем их осмотра и наведения справок в транспортных учреждениях можно затем получить данные, указывающие на место нахождения данного лица в определенное время и таким путем проверить его объяснения об алиби и др.»⁴.

Всё обнаруженное при личном обыске подлежит точной фиксации в протоколе обыска (реквизиты документов, особенно торговых, достоинство купюр денежных знаков, количество страниц записной книжки и т. д.). Кроме того всё обнаруженное нужно сфотографировать, что однако на практике редко встречается. Между тем такой фотоснимок может быть использован при допросе свидетелей для уточнения происхождения обнаруженных предметов, поскольку они не всегда изымаются при обыске следователем, считающим их в момент обыска не имеющими значения по делу. В дальнейшем же эти предметы могут стать необходимыми. В таких же целях фотоснимок может быть направлен в другие органы прокуратуры и милиции, выполняющие отдельные требования по делу.

После производства личного обыска должен следовать обыск места работы подозреваемого в хищении. Нельзя ограничиваться обыском только непосредственно самого помещения места работы — обыск должен быть распространен также на смежные и соседние помещения, так как нередко преступник, скрывая следы преступления, хранит похищенное, подложные документы, остатки товаров, тару и т. д. в чужом помещении, иногда даже без ведома хозяина этого помещения. Для этого следователь обязан, по возможности, перед выходом на место обыска получить сведения о характере помещений, о входах, телефонной связи, о наличии погребов, чердака, двора, подсобных строений и т. д. Практика знает немало случаев, когда следователь прошел мимо разыскиваемых предметов в силу незнания им места расположения помещений. Ценности могут быть спрятаны среди пустой тары в складском помещении, под дровами, в погребе, в средствах транспорта и т. д.

Заранее следует подумать о подборе понятых, чтобы среди

⁴ С. С. Ордынский, Расследование хищений в торговых организациях, М., 1954 г., стр. 40—41.

них не оказались лица, заинтересованные в исходе обыска и могущие помешать успешному его производству. Особенность производства обыска по делам о растратах и хищениях в кооперативной торговле, возбужденным по материалам ревизии, состоит в обнаружении различного рода документов и записей (адресов, телеграмм, записей о движении товаров, отметок о должниках и т. д.), а также пустой тары, ярлыков, ценников и т. п.

Как правило, по делам о хищении общественной собственности материально-ответственные лица прибегают к подлогу счетных документов, причем чаще всего подделке подвергаются оправдательные документы, как-то: накладные, приходно-расходные ордера, приемо-сдаточные акты, счета на отпуск товаров, акты о порче товаров и др. Фабрикуя подлоги, преступники изготовляют целиком фиктивные документы, либо вносят в подлинные документы изменения графического или технического характера. Необходимо иметь в виду, что бланки накладных, счетов и т. п. свободно продаются в магазинах. Для совершения подделки используются различного рода травящие реактивы, копировальная бумага, различные письменные принадлежности, типографский шрифт, самодельные печати, острые предметы для подчисток, пустые бланки и т. д. Средства, при помощи которых могли бы быть совершены подлоги, должны обратить на себя внимание следователя при производстве любого обыска, а также при осмотре места совершения преступления. Обнаружение таких средств может иногда стать решающим для раскрытия преступления. Кроме того следует иметь в виду, что у преступника могли сохраниться подлинные документы, вместо которых были изготовлены подложные. Безусловно, что и эти документы подлежат изъятию, так как они представляют серьезную улику по делу.

Изъятию подлежат уличающие преступника различного рода записи, например, о выдаче товаров в долг, о взаимобразно полученных товарах, номера телефонов и адреса соучастников, обнаруженные на штукатурке или обоях стен, на дверях, прилавках, на таре и т. д.

Сами же ценности, похищенные или приобретенные на похищенное, как правило, по такого рода делам по месту работы не находятся. Место обнаружения предметов необходимо сфотографировать способами, рекомендуемыми судебно-оперативной фотографией.

Составляя протокол производства обыска, следует со всей тщательностью описать все обнаруженное, особенно документы, черновые записи и т. д., указав точно их реквизиты. Записи на

штукатурке стен или других предметах, которые не поддаются изъятию, нужно дословно перенести в протокол и сфотографировать методом масштабной фотографии. Фотографирование нужно производить особенно тщательно, меняя условия (направление света, экспозицию); такой снимок может понадобиться для производства графической экспертизы.

После обыска по месту работы заподозренного нужно обыскать его квартиру.

Именно так поступил следователь Лимбажской прокуратуры А. Получив 11 января 1954 года дело о недостатке товаро-материальных ценностей на 21.008 руб. 10 коп. у заведующей магазином № 6 Л., следователь немедленно произвел обыск по месту работы и жительства Л. На квартире Л. были обнаружены различные записи телефонов, фамилий, незаполненные бланки, накладные, акты на списание товаров и т. д. После обыска следователь описал имущество и арестовал Л. Обнаруженные при обыске документы и записи помогли следователю быстро и хорошо расследовать дело⁵.

К обыску следователь должен хорошо подготовиться. Для сложных обысков составляется письменный план. Подготовка заключается в первую очередь в том, чтобы следователь, изучив материалы дела, хорошо был осведомлен о разыскиваемом предмете. Так, например, если по материалам дела усматривается хищение серого бостона, то при обыске нужно иметь в виду не только отрез такого материала, но и готовую одежду из разыскиваемого материала. Следователю должно быть известно количество или размер похищенного. Как правило, у виновного лица отсутствуют недостающие, т. е. похищенные товары, но могут быть деньги, недавно приобретенные ценные домашние предметы, носильные вещи, облигации и другие ценности. Драгоценные изделия могут быть спрятаны в самых неожиданных местах, в специально изготовленных тайниках. Они могут находиться во время обыска и при самих обыскиваемых. Например, бухгалтер Ш., изблеченный в хищении вместе с торговыми работниками, держал у себя дома приобретенные преступным путем золотые вещи (часы, браслеты, портсигар и др.) в чемодане, который, как это выяснилось впоследствии, был привязан за окном, выходящим в темную шахту двора. Таким образом, при первом обыске преступнику удалось укрыть ценности.

В подготовку следователя к обыску входит подробное ознакомление с местом расположения помещений. Это весьма важное условие. Так, преступник, проживавший в одной из комнат

⁵ Нарсуд Лимбажского района — дело № 1—12/54.

квартиры, держал похищенные и иные ценности в чемоданах у своих соседей. Квартира имела два входа, расположенные в противоположных концах. Следовательно не учел это обстоятельство, и пока он осматривал комнату виновного, соседи, предполагая возможность обыска и у себя, унесли похищенные вещи из квартиры. В данном случае следователь обязан был поставить охрану у входных дверей и в коридоре квартиры, приказать всем проживающим в этой квартире не покидать свои места и обыск распространить на всю квартиру.

Обыск нужно производить тщательно, ни одно место не оставлять неосмотренным. Естественно, что следственный чемодан должен быть под рукой. Широко нужно применять судебную фотографию, как одно из важнейших средств фиксации. При обыске рекомендуется делать по крайней мере два фотоснимка: один должен запечатлеть место обнаружения розыскиваемого предмета и другой — сам предмет. Как в одном, так и в другом случае применяется масштабная фотография.

После безрезультатного обыска квартиры заподозренного необходимо произвести обыск у его близких родственников и знакомых, у которых могут храниться разыскиваемые предметы. Тактика обыска по рассматриваемой нами категории дел в основном такая же, как по другим делам. Следует подчеркнуть лишь, что обыск будет иметь больший успех, если он будет проведен внезапно. Это относится также к обыскам, производимым у нескольких лиц одновременно, т. е. когда места обысков расположены отдаленно друг от друга и невозможно организовать обыски так, чтобы об одном из них не стало известно в других местах. Такие обыски называются групповыми. При этом, исходя из количества обысков, назначается и количество обыскиваемых. Для этой цели приглашаются сотрудники милиции или другие следователи органов прокуратуры. Групповой обыск должен быть тщательно подготовлен. Подготовка заключается в следующем. Следователь, ведущий дело, обязан подробно ознакомить всех участников с задачей обыска, с характером мест обыска, с охраной, организуемой на местах обыска, и назначить время начала производства обыска. Он должен кратко изложить сущность дела и обратить внимание на обстоятельства, могущие иметь значение для успешного обыска.

Обыск, кажущийся наиболее важным, производится самим следователем, ведущим дело. Координирующим звеном является прокурор, к которому могут поступить сведения о происшествиях во время обысков, например, о том, что во время обыска удалось скрыться кому-либо, или о том, что обыскиваемый успел по телефону передать куда-то какие-то сведения и т. п.

В таких случаях прокурор должен дать соответствующие распоряжения органам милиции.

Расхитителями кооперативного имущества часто являются продавцы магазинов. Они, как известно, не несут материальной ответственности, что создает для них благоприятные условия для хищения. Нужно иметь в виду, что в связи с этим материально-ответственные лица — заведующие магазинами — нередко ссылаются в процессе расследования дела на возможное хищение продавцами. Одним из методов проверки причастности продавцов к хищению является обыск. Однако он будет иметь успех только в случае своевременности его проведения. Поэтому целесообразно планировать производство обыска у этих лиц наряду с производством обыска у материально-ответственных лиц. Обыск необходимо осуществлять немедленно после безрезультатных обысков у материально-ответственных лиц.

Обыски, как правило, должны производиться в присутствии хозяина помещения и обязательно в присутствии не менее двух понятных. Этого требует статья 177 УПК РСФСР. В случае отсутствия хозяина помещения (например, скрывшегося, находящегося в больнице, в длительной командировке и т. д.) обыск может быть произведен и без него, но при этом обязательно должен присутствовать проживающий в этой квартире родственник или кто-нибудь из посторонних, если нет родственников. При обысках, производимых в помещениях учреждений или предприятий, обязательно должен присутствовать представитель этого учреждения или предприятия.

Ст. 177 УПК РСФСР требует, чтобы обыск, кроме случаев, не терпящих отлагательства, производился днем. Это требование закона имеет положительное значение для тактики обыска. Днем достигаются наилучшие результаты, так как этому в значительной степени способствует хорошее освещение. В то же время при искусственном освещении помещение освещается неравномерно, создаются обманывающие тени. Это не только действует утомляюще на обыскивающего, но может сказаться и на результатах обыска — может остаться незамеченным розыскиваемый объект. Кроме того необходимо уважать право граждан на отдых. Поэтому, если нет острой надобности, обыск не следует производить ночью.

После обыска необходимо подвергнуть допросу лица, у которых обнаружено искомое. Важно их допросить немедленно, в целях воспрепятствования подготовке к допросу, возможному сговору с другими соучастниками преступления или свидетелями и уклонению от явки на допрос.

Весьма положительные результаты дает иногда повторный обыск. Похищенные ценности не остаются долго запрятанными,

преступники должны их реализовать. Поэтому после безрезультатно произведенного обыска преступник как правило считает похищенное добро «вне опасности» и изымает его из укрытия, переносит по месту своего жительства, выносит его на рынок и т. п. Разыскиваемые предметы в таких случаях могут быть обнаружены следователем путем производства внезапного повторного обыска.

По делу П. — заведующей магазином № 2 Елгавскогго потребительского общества, растратившей 36.085 руб. 12 коп., 31 января 1952 года были произведены обыски у В. и Д., однако они результатов не дали. 29 мая 1952 года следователь произвел повторные обыски, обнаружил и изъял ценные вещественные доказательства — часть похищенных предметов, как-то: носовые платки, туфли, нитки и т. д. Это дало возможность через два дня окончить расследование по делу, уже длившееся 4 месяца⁶.

Нельзя установить заранее, через какой промежуток времени следует повторить обыск. Известны случаи, когда такие обыски успешно были произведены на следующие сутки после первого обыска, но практика показывает, что повторный обыск может дать хороший результат и спустя более продолжительное время, в частности, через 2—3 недели. В каждом деле этот вопрос решается по-своему, исходя из конкретных обстоятельств и характера разыскиваемого, его количества, связей заподозренного и т. д.

Целесообразность проведения повторных обысков известна иногда и самому преступнику. В таких случаях похищенные ценности, как правило, появляются только после вынесения приговора или даже после отбытия срока наказания, когда расследование не ведется и опасаться обыска уже нечего. Нередко наблюдается, что семья осужденного, не имея никаких дополнительных доходов, после суда вдруг стала жить материально лучше чем раньше. Такие сигналы поступают также в органы расследования, однако на них не всегда реагируют, поскольку дело находится в архиве суда, опись имущества уже проведена и преступник осужден. При этом не учитывается, что во многих случаях ущерб не возмещен.

Многие дела о хищениях общественного имущества в потребительской кооперации Латвийской ССР расследованы недоброкачественно, причины недостатков не установлены, не расследовано, куда исчезли ценности. Нередко суды переквалифицировали действия подсудимых с Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за

⁶ Народный суд Елгавского района — дело № 1—73/52.

хищение государственного и общественного имущества» на ст. 111 УК РСФСР. Как правило, в таких делах имеются протоколы о несостоятельности или опись имущества, далеко не покрывающего причиненный ущерб. Спрашивается, куда же делись похищенные ценности?— Имеются все основания полагать, что недостача образовалась действиями виновного и ценности находятся в сфере его материальной жизни. Будучи осужденным по ст. 111 УК РСФСР, например, к 1 году лишения свободы, виновный полагает, что после отбытия наказания в его распоряжении останутся припрятанные ценности, которыми органы правосудия уже не будут интересоваться. Обыкновенно преступник, надеясь на такой исход дела, обдуманно готовится к совершению преступления.

В целях усиления борьбы с расхитителями общественного добра, обеспечения возмещения ущерба потребительской кооперации следовало бы приказом Генерального Прокурора вменить в обязанность всех прокуроров в порядке общего надзора осуществлять контроль за семьями осужденных по делам о хищениях общественной собственности, не возместившими нанесенного убытка, и, в случаях поступления сигналов о появившихся в распоряжении этих лиц значительных ценностей, выяснять их источники на предмет предъявления гражданского иска.

Производство обыска должно быть также одним из первоначальных следственных действий при хищениях со взломом, так как в таких случаях не исключена возможность симуляции кражи, и материальные ценности могли быть похищены материально-ответственным лицом. Кроме того материально-ответственное лицо могло воспользоваться случаем кражи и за счет этого само кое-что похитить. На практике такие случаи имеют место.

Так, например, в ночь на 5 марта 1955 года неизвестные лица взломали магазин № 11 Лиепупес-Дунтесского потребительского общества. Кража была обнаружена утром самой заведующей магазином Р. Воспользовавшись этим, Р. похитила выручку, подготовленную к отправке в банк, в сумме 5.608 рублей, не найденных ворами. Следователь не нашел нужным обыскать Р. и деньги не были им обнаружены. Впоследствии Р. сама возвратила похищенные деньги и призналась в преступлении⁷.

Необходимо подчеркнуть, что каждое следственное действие, в том числе и обыск, может быть осуществлено только в рамках раскрываемого преступления, т. е. по возбужденному уголовному делу. Производство обысков, допросы свидетелей и т. д.

⁷ Верховный суд ЛССР — Определение № 1242 от 25.V-55 г.

до возбуждения дела являются грубейшим нарушением социалистической законности.

Поэтому нельзя признать правильными действия работников милиции Прикульского района, производивших обыск у ряда лиц по материалам Прикульского потребительского общества о недостаче ценностей на сумму 1.251 руб. 20 коп. у заведующего киоском Р. без возбуждения уголовного дела. Об обнаруженной недостаче в милицию было сообщено немедленно, и тут же, 14 и 15 октября 1952 года последовал обыск, давший положительные результаты. Материалы о недостаче поступили в милицию 15 октября. Между тем уже 14 октября были взяты объяснения от ряда лиц, указавших, что Р. спрятала водку. Следовательно, было основание для возбуждения дела. Однако дело было возбуждено только 17 октября 1952 года.

Одной из основных задач следователя по делам о хищениях общественного имущества в системе кооперативной торговли является отыскание виновных и наложение ареста на их имущество в целях обеспечения возмещения ущерба кооперативному предприятию. Арест на имущество налагается в размере причиненного убытка и независимо от того, был ли предъявлен потребительской кооперацией гражданский иск или нет. Если заинтересованная кооперативная организация направила в прокуратуру заявление о гражданском иске, то следователь должен рассмотреть заявление и сообщить этой организации о том, признана ли она или не признана гражданским истцом. В случае, если стоимость имущества виновного не достигает суммы ущерба, то на основании ст. 2 Постановления ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1937 года и Инструкции НКЮ СССР и Прокуратуры СССР от 28 февраля 1939 года № 49/1-А-21 под опись подпадает кроме личного имущества обвиняемого все имущество, которым он владеет совместно с другими лицами. Если обвиняемый принадлежит к составу крестьянского двора, то описывается и общее имущество этого крестьянского двора. Имущество других лиц в этих случаях описывается только тогда, если оно приобретено было в результате преступления и если между моментом совершения хищения кооперативного имущества и моментом возбуждения уголовного дела прошло не более двух лет.

Это значит, что следователь обязан выяснить происхождение имущества, которым обвиняемый владеет совместно с другими лицами, производя допросы и отыскивая надлежащие документы. Арест имущества должен последовать тут же вслед за

⁸ Народный суд Прикульского района — дело № 78-52.

обыском, так как в противном случае имущество может быть ликвидировано, спрятано и т. п.

Запоздалое наложение ареста на имущество, как правило, не дает хороших результатов. Мало имущества обнаружил следователь прокуратуры Лимбажского района, производивший расследование по делу К., допустившего по складу недостачу на 7.349 руб. 67 коп. Дело было возбуждено 12 октября 1951 года. В тот же день К. был арестован. Следователь принял дело к производству 16 октября, а арест на имущество К. был им наложен почти два месяца спустя — 7 декабря 1951 года. Хотя потребкооперация уже при возбуждении уголовного дела поставила вопрос о гражданском иске, следователь рассмотрел этот вопрос только 28 декабря 1951 года. Следователь допустил по делу и другие нарушения требований криминалистики, в связи с чем дело было возвращено на доследование⁹.

Пример положительной работы следователя. 6 июля 1954 года было возбуждено уголовное преследование в отношении заведующей буфетом Айзпутского потребительского общества О., у которой при ревизии была обнаружена недостача в размере 2.220 рублей. Следователь, получив дело 6 июля 1954 года, в тот же день описал имущество О. — всего на 1.800 рублей, т. е. почти в объеме нанесенного ущерба. Оперативность следователя дала хорошие результаты¹⁰.

На основании изложенного можно сделать вывод, что при расследовании уголовных дел, возбужденных по материалам ревизии в потребительской кооперации по признакам, предусмотренным ст. ст. 2 и 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», первоначальными следственными действиями могут быть:

- 1) допрос материально-ответственного лица,
- 2) производство обысков,
- 3) допрос лиц, у которых обнаружено искомое и
- 4) наложение ареста на имущество.

Аналогичными могут быть первоначальные следственные действия в случаях возбуждения уголовных дел по заявлениям потребительской кооперации в случаях обнаружения хищения еще до окончания ревизии.

При кражах со взломом следователь обязан немедленно выехать на место преступления и произвести осмотр этого места.

По большинству уголовных дел осмотр места преступления является основным, важнейшим источником получения доказа-

⁹ Народный суд Лимбажского района — дело № 1-36/52.

¹⁰ Народный суд Айзпутского района — дело № 1-40/54.

тельств. На месте преступления остается наибольшее количество следов совершенного преступления и преступника. Огромное значение осмотра места преступления известно не только следственным работникам, но и подавляющему большинству граждан. Граждане, оказавшиеся очевидцами преступления или первые обнаружившие место преступления, как правило, спешат сообщить об этом органам следствия или органам власти и тут же сами принимают меры к охране места преступления. Следователь, получив сообщение о совершенной краже со взломом, например, магазина или склада, должен немедленно дать указание милиции, а в сельской местности, если ближе расположен сельсовет — представителям последнего о необходимости обеспечить полную сохранность обстановки места совершения преступления до прибытия следователя. Если следователь может раньше указанных лиц прибыть на место, то охрану он организует сам, пригласив для этого сотрудников милиции.

Из материалов проанализированных уголовных дел рассматриваемой в настоящей работе категории видно, что следователи органов прокуратуры редко производят осмотр места преступления. Одной из причин такого состояния расследования является отсутствие у следователя средств передвижения, столь необходимых в сельской местности. Важно не только вообще произвести осмотр места совершения преступления, но и сделать это своевременно, т. е. немедленно после того, как оно стало известным.

Выезжая на осмотр места преступления, следователь обязан иметь при себе следственный чемодан и заранее подготовленную папку с различными бланками, для документации следственных действий. Количество бланков, имеющих в следственном чемодане, как правило, оказывается недостаточным при производстве следственных действий на месте совершения преступления.

Прибыв на место преступления, следователь ориентируется в обстановке путем беглого осмотра места и опроса присутствующих. Основные сведения записываются в блокнот с отметкой фамилий и адресов лиц, в дальнейшем могущих быть допрошенными в качестве свидетелей. Получив сведения о возможном месте нахождения преступника, необходимо немедленно организовать его задержание.

Перед началом осмотра места преступления важно уяснить, не произошли ли изменения в обстановке после совершения преступления и если они произошли, то в чем они заключаются. К сожалению, на практике это требование не всегда выполняется.

При подборе понятых следует обратить внимание на то, чтобы они лично не были заинтересованы в исходе дела.

Осмотр места преступления должен быть произведен с учетом всех требований, предъявляемых советской криминалистикой, с полным использованием следственного чемодана. Многочисленные примеры из практики доказывают, что доброкачественно проведенный осмотр места преступления приводит к быстрому раскрытию преступления и разоблачению преступника. И наоборот, в результате поверхностного, плохого осмотра места преступления расследование затягивается и иногда производство по делу прекращается, ввиду необнаружения преступника.

Подкрепим эти положения примерами.

10 марта 1954 года прокурор Елгавского района А. получил сообщение о том, что в ночь на 10 марта взломан магазин № 10 Елгавского потребсоюза, расположенный в Ценском сельсовете, и совершено хищение товаров. Ввиду отсутствия следователя, прокурор сам немедленно выехал на место преступления и уже в 10 часов утра приступил к осмотру. Осмотр длился до 17 часов. Сперва подробно была осмотрена территория вокруг магазина. Со свежих следов ног человека были сняты гипсовые слепки. Затем подвергался осмотру сам магазин. Особенно тщательно было осмотрено место взлома — дверь магазина как снаружи, так и с внутренней стороны. В протоколе подробно было отражено состояние засовов, замков, наличие следов отжима, их характер и место расположения. Прокурор зарисовал дверь и общий вид магазина. Со следов на двери были отжаты слепки на пластелине. Систематическому, подробному осмотру было подвергнуто само помещение магазина. В протоколе подробно было описано, где что находилось и в каком состоянии. Изъяты были две пустые бутылки из-под водки со следами пальцев. Были сфотографированы: вид магазина снаружи, дверь и панорамным способом помещение магазина. Результаты осмотра изложены убористым почерком на 14 страницах протокола. Читающий протокол мог себе со всей полнотой уяснить обстановку места преступления. Расположение и характер взлома указывали на совершение взлома изнутри. Товары были несообразно разбросаны. В совокупности эти признаки свидетельствовали о симуляции кражи.

Прокурор, правильно оценив обстановку, произвел сейчас же после осмотра обыск на квартире заведующего магазином И. При обыске было обнаружено 164 пустых бутылки из-под вина и 7 полных, деньги в сумме 890 рублей, записная книжка с различными адресами. Больше ничего, кроме домашней утвари, обнаружено не было. По свежим следам, идущим от магазина, была направлена служебно-розыскная собака, которая привела к некоему Р., где был спрятан чемодан с шоколадом, кон-

фетами, мануфактурой и т. п. Чемодан был изъят и описан. Оттуда собака привела к квартире заведующего магазином И. В результате этих действий И. был вынужден признаться в симуляции кражи вместе со своим братом. По делу был проведен ряд экспертиз, подтвердивших совершение хищения И. и его братом. Ревизия установила недостачу в размере 30.256 рублей 70 коп.. Оба виновные были осуждены к длительному сроку наказания¹¹. Таковы результаты хорошо проведенного следствия.

В 1951 году заведующей магазином № 3 Акненского потребительского общества работала некая Г. В короткий срок она разбазарила вместе с мужем немало кооперативного добра. В целях сокрытия недостачи супруги Г. решили симулировать кражу и договорились с недалеко от магазина проживающим А. о том, чтобы он совершил «кражу». В одну из темных ночей с 11 на 12 сентября 1951 года муж Г. ушел к знакомым, а А. явился к самой Г., проживающей рядом с магазином, в том же доме. Из её квартиры вела дверь в магазин. Вместе они вошли в магазин. Г. дала большой платок А. в который тот наложил различных товаров в качестве «вознаграждения», взял 1000 рублей деньгами, унес всё это и спрятал в риге в печке. Возвратившись в магазин, А. разбросал там беспорядочно товары, выбил окно в кухне изнутри, создавая впечатление, что «воры» мол проникли в кухню и оттуда в магазин. После этого А. прибежал к себе домой с криком «на помощь, грабят магазин», схватил ружье, выбежал на улицу и выстрелил. Далее А. побежал к Г. с тем, чтобы её «освободить» от привязи, согласно ранее достигнутой договоренности. Дело в том, что А. должен был её до «хищения» привязать к кровати, однако в момент «хищения», когда Г. просила А. привязать её к кровати, он ответил, что не стоит себя утруждать, так как он же сам должен будет её потом отвязать.

После всего совершившегося А. остался охранять магазин, а Г. пошла в сельсовет сообщить по телефону в милицию.

12 сентября 1951 года на место прибыл следователь, которому Г. заявила, что ночью были вооруженные бандиты, выбили окно в кухню, привязали её к кровати, ограбили магазин и скрылись. Было их не менее двух. Следователь поверхностно осмотрел место преступления. В протоколе указано, что следов ног и рук не обнаружено, хотя там должны были быть следы, идущие к дому А. и к амбару. Следователь не обратил внимания на стекла окна и не установил, с какой стороны был направлен удар. Не была использована также служебная розыскная собака. Никаких следов не было обнаружено. Была составлена схе-

¹¹ Народный суд Елгавского района — дело № 72/54.

ма «проникновения бандитов» с указанием в ней места «потерпевшей» у кровати. Расследование велось в дальнейшем в направлении розыска бандитов, и в конце концов производство по делу было прекращено.

Недостача по магазину была определена в сумме 14.038 руб. 09 коп. Этим делом продолжал интересоваться сыщик Алуксненского РОМ МВД. Путем подробного допроса А. и Г. он установил расхождение в их показаниях по ряду моментов в ночь происшествия. В конце концов А. во всем признался. В риге были найдены уцелевшие вещи. Г. тоже призналась¹². Преступники были бы значительно раньше разоблачены, если бы осмотр места преступления был проведен правильно.

Приведем еще несколько характерных примеров.

15 июня 1952 года буфетчица П. Цесисского потребительского общества заявила в милицию о краже товаров путем взлома буфета, расположенного в помещении гардероба стадиона «Динамо», в ночь на 15 июня 1952 года. В протоколе осмотра места преступления от 15 июня 1952 года сказано: «3 окно от дверей взломано, т. е. выбито стекло и оторвана деревянная решетка в помещении, против которого под скамейкой стояло пиво в ящиках. Неизвестные преступники оторвали деревянную решетку от окна, проникли в гардероб, откуда похитили по словам заявителя 37 бутылок пива полных и 3 шт. бутылок пустых»¹³. Больше в протоколе по существу ничего не сказано. Ничего не сказано также и о том, были ли обнаружены или отсутствовали какие-либо следы преступления. Осмотр места преступления был проведен с грубейшими нарушениями правил осмотра. Естественно, что там были следы. Преступление, возможно, осталось бы и не раскрытым, если бы через несколько дней группа учащихся ремесленной школы, совершивших кражу, добровольно не явилась в милицию и не заявила о краже. Пустые бутылки, конечно, они не похитили. Виновные понесли уголовное наказание.

Равным образом налицо факт недоброкачественного осмотра места преступления по делу гражданки Ш.

29 февраля 1952 года был произведен осмотр Вайнодского киоска Приекульского потребительского общества, из которого, по заявлению заведующей Ш., путем взлома киоска были похищены различные товары. Осматривавший место преступления не обнаружил никаких следов рук и ног, а также следов взлома, за исключением того, что «дужка замка перепилена напильником». В протоколе не указано, какие признаки давали

¹² Народный суд Алуксненского района, дело № 1-4/52.

¹³ Народный суд 1 уч. Цесисского района — дело № 1-7/52.

основание полагать о применении напильника. Следователь не обратил внимания на то, что отсутствовали металлические опилки, а это подлежало обязательному отражению в протоколе, так как это обстоятельство подсказало бы следователю, что здесь возможна симуляция. Долго разыскивались преступники. Обыск у мужа Ш., проживавшего на другой квартире, произвели только через неделю. У него нашли различные напильники, но экспертиза напильников не дала категорического вывода. За это время следователь еще раз осмотрел место преступления и записал, что металлических опилок у киоска не было. По делу так и не был установлен виновный. Недостача составляла 5.305 руб. 28 коп. Хищение не было по делу доказано, тем не менее 14 апреля Ш. была предана суду по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ст. 109 УК РСФСР. Правильно поступил суд, оправдав Ш. в обвинении по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года¹⁴.

Бывают случаи, когда следователь, производивший осмотр места преступления, не изымает обнаруженные следы в силу своей неопытности или незнания техники изъятия следов. Так, 5 марта 1952 года следователь, производивший осмотр места преступления по делу С. о хищении со взломом магазина № 2 Бенеского потребительского общества, отметил в протоколе, что следы сапог для изъятия непригодны, ввиду нахождения их в глубоком снегу¹⁵.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что следователи иногда пренебрегают имеющимися в их распоряжении научно-техническими средствами, применение которых на месте преступления обязательно. Редко используется такой важный метод фиксации следов преступления как судебная фотография. Произведенные на месте преступления фотосъемки дают не только хороший иллюстративный материал, но и помогают следователю в дальнейшем процессе предварительного расследования, в том числе при составлении версий совершения преступления, при допросах свидетелей для уточнения отдельных моментов происшедшего; снимки могут быть направлены даже для производства экспертиз. Трудно описать широчайшие возможности, которые открывает судебная фотография перед следователем в деле расследования преступлений.

Если, как правило, осмотр места совершения преступления

¹⁴ Народный суд Прикульского района — дело № 26-52.

¹⁵ Народный суд Ауцеского района — дело № 13-52.

путем взлома производится, то по другим делам о хищении кооперативного имущества следователи место преступления не осматривают. Из проанализированных автором свыше 200 дел о хищениях в кооперативной торговле в Латвийской ССР, возбужденных на основании материалов ревизий, когда хищение было совершено без взлома или без симуляции кражи со взломом, не найдено ни одного дела, по которому был бы произведен осмотр места преступления. Очевидно, следователи считают, что здесь или нет места преступления или осмотр места преступления лишен смысла. Возникает вопрос: есть ли в таких случаях место преступления и нужно ли производить его осмотр.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, сперва необходимо определить сущность понятия места преступления.

Осмотру места преступления, как одному из важнейших следственных действий, уделяется много внимания в криминалистической литературе. Однако редко ставится вопрос о сущности места преступления. Подавляющее большинство авторов говорит о задачах и целях осмотра места преступления, считая, что понятие места преступления является для каждого ясным. Однако, следственная практика свидетельствует о том, что этот вопрос далеко не ясен. В данном случае отсутствие определенности в теории криминалистики приводит к браку в работе следователей. Поэтому вполне уместно и весьма необходимо поставить вопрос об уточнении определения места преступления или места происшествия.

Проф. И. Н. Якимов отмечает, что местом происшествия называется «определенная территория или помещение, в пределах которых произошло само событие преступления (например, место, где произошло хищение со взломом) или обнаружены его последствия (найлены брошенные орудия преступления, следы ног и т. п.)»¹⁶.

Следовательно, по мнению проф. И. Н. Якимова в понятие места происшествия входят: во-первых, территория или помещение и во-вторых — совершенное на этой территории или в этом помещении преступление или наличие на этой территории или в этом помещении последствий преступления. Под последствиями проф. И. Н. Якимов понимает, например, брошенные орудия преступления, следы ног и т. п. Отсюда напрашивается вопрос: любое ли место совершения преступления или любое место обнаружения орудий или следов преступления является местом происшествия? Выходит, что место, где совершено

¹⁶ Криминалистика, под ред. А. И. Винберга и И. С. Митричева, М., 1950 г., стр. 98.

убийство, есть место происшествия; место, где обнаружено орудие убийства, например, топор в пруду или на квартире убийцы есть тоже место происшествия; место обнаружения следов крови на месте обнаружения трупа, но не на месте совершения преступления, тоже является местом происшествия; таким является также квартира убийцы, где обнаружены следы крови, например, на чемодане, в котором преступник переносил жертву и т. д. Как видно, проф. И. Н. Якимов понимал место происшествия в очень широком смысле.

Иначе толкуется место происшествия канд. юрид. наук А. И. Манцетовой. Она пишет: «Место происшествия, в узком смысле этого слова, представляет территорию, на которой было совершено действие или имело место событие, вызвавшее те или иные последствия. Под местом происшествия в широком смысле слова понимается как само место, на котором произошло событие, вызвавшее те или иные последствия, так равно и место обнаружения материальных последствий совершившегося события»¹⁷.

Непонятно, чем была вызвана необходимость в криминалистике делить место происшествия на два вида: место происшествия в узком смысле и место происшествия в широком смысле слова. Такое осложнение понятия места происшествия не может принести пользы для практических работников, и неизвестен такой случай, чтобы следователь произвел сначала осмотр места происшествия в узком смысле и потом в широком смысле слова или наоборот — сперва осмотр места происшествия в широком смысле, а потом в узком смысле этого слова.

Определяя место происшествия, автор не считает обязательным это место связывать с совершенным преступлением. Этим самым обезличивается место происшествия как криминалистическое явление, и выходит, что любое место любого события есть место происшествия.

Кроме того, А. И. Манцетова считает местом происшествия и то место события, которое вызвало те или иные последствия; например, место утери ручки заведующим магазином, вызвавшей впоследствии симуляцию кражи со взломом магазина этим заведующим, будет также место происшествия. Или: двое поссорились в ресторане и по пути домой один нанес другому тяжелые ранения. Поскольку ссора вызвала увечье, выходит, что ресторан являлся местом происшествия.

Далее А. И. Манцетова называет местом происшествия также и то место, где обнаружены материальные последствия

¹⁷ А. И. Манцетова, Методы фиксации результатов осмотра места происшествия, М., 1949 г., стр. 14—15.

совершившегося события. Само понятие *материальных* последствий весьма неопределенно.

Если проф. И. Н. Якимов и канд. юрид. наук А. И. Манцвотова место происшествия отводят к территории или помещению, то в Юридическом словаре (выпуск 1953 года, стр. 418) этому дается значительно более широкое понятие. Там место происшествия определяется как участок, на котором сохранились следы происшедшего события.

Мы считаем, что такое широкое определение места происшествия ничем себя не оправдывает и запутывает данное понятие.

При расследовании дел в большинстве случаев осматривается место совершения преступления. Обнаружение же следов или орудий преступления вне места совершения преступления фиксируется, как правило, в протоколе осмотра обнаружения следа или орудия или вносится в протокол обыска. Ведь, если исходить из перечисленных понятий места происшествия, то, например, при обнаружении во время обыска орудия совершения преступления следует прекращать обыск и начать осмотр места происшествия. Таких случаев, однако, практика не знает, и авторы указанных понятий места происшествия не предлагают этого делать.

Наиболее правильное понятие места преступления усматриваем в определении понятия осмотра места преступления, данным М. Е. Евгеньевым. Он пишет: «Комплекс действий, с помощью которых следователь розыскивает различного рода следы на месте совершения или обнаружения преступления, с помощью которых он изучает обстановку на месте преступления, составляет осмотр места преступления»¹⁸.

Следовательно, здесь идет речь о месте совершения или обнаружения преступления. Если «место совершения преступления» не вызывает никаких сомнений и оно дает точное понятие, то место «обнаружения преступления» неясно.

По тов. Евгеньеву получается, что, например, кабинет бухгалтера, обнаружившего явно фиктивную фактуру (т. е. преступление) в отчетах директора магазина, составляет место преступления. С указанной формулировкой в этой части согласиться нельзя.

Расходятся мнения авторов в вопросе, имеющем огромное значение для практики — в каких случаях производить осмотр. Существующее расхождение во мнениях, отсутствие правильного указания для следователей приводят к тому, что во многих случаях место преступления вообще не осматривается.

¹⁸ М. Е. Евгеньев, *Методика и техника расследования преступлений*, 1949 г., стр. 6.

В Настольной книге следователя П. И. Тарасов-Родионов пишет: «Осмотр места происшествия обязателен во всех случаях обнаружения преступлений, оставляющих материальные следы»¹⁹. Почему материальные следы? Может ли быть речь о нематериальных, душевных следах? Такое подчеркивание автором материальности следов неуместо и может ввести в заблуждение, так как криминалистика рассматривает следы только материального характера.

В дальнейшем П. И. Тарасов-Родионов уточняет: «Осмотр места происшествия обязателен по делам о преступлениях, оставляющих следы, например, убийствах, крупных хищениях, особенно хищениях со взломом»²⁰.

Примерно так же высказывался основатель буржуазной криминалистики Ганс Гросс: «Осмотр местности преступления производится по преимуществу по делам выдающимся»²¹.

В Учебнике по криминалистике для юридических школ Б. М. Шавер пишет: «Во всех случаях, когда в результате совершения преступления или покушения на него остались или могли остаться какие-нибудь следы деятельности преступника или действия жертвы преступления, а также в случаях, когда на месте происшествия происходят или могут произойти изменения в обстановке и предметах, находящихся там, производство осмотра является совершенно обязательным. Осмотр обязателен тогда, когда ознакомление с местом происшествия необходимо для уяснения обстановки и условий, в которых совершено преступление. Дела, при расследовании которых не требуется производства осмотра места происшествия, чрезвычайно ограничены. Это дела, возникающие в связи с совершением преступных действий, которые не сопровождаются оставлением следов, характеризующих данное преступление или личность преступника»²².

Из сказанного следует, что по мнению П. И. Тарасова-Родионова и Б. М. Шавер производство осмотра места происшествия якобы не обязательно по всем делам, а только по делам о преступлениях, оставляющих следы. Эти авторы придерживаются такого взгляда, что совершаются также преступления, не оставляющие следов, и, следовательно, там нет и места преступления. Здесь имеются в виду, очевидно, отдельные

¹⁹ Настольная книга следователя, М., 1949 г., стр. 330.

²⁰ «Советский уголовный процесс» под ред. проф. Д. С. Карева, М., 1953 г., стр. 158.

²¹ Г. Гросс, «Руководство для судебных следователей, как система криминалистики, С.-Петербург, 1908 г., стр. 156.

²² Учебник по криминалистике для юридических школ, Госюриздат, М., 1940 г., стр. 82.

виды контрреволюционной агитации, дела о растратах, взятках и др.

В силу такого неточного толкования места происшествия распространился взгляд, что следы ног преступника, например, на месте совершения убийства, следы взлома, следы покрышек по делам автомобильных катастроф — являются материальными следами и, следовательно, налицо место преступления, а следы ног человека, например, на месте дачи взятки или на месте нарушения техники безопасности, якобы не имеют отношения к месту происшествия. Такой подход к данному вопросу явно неправилен.

Естественным и совершенно бесспорным является то, что любое преступление совершается в каком-то месте, т. е. всегда имеется место преступления.

Естественно и также бесспорно то, что в результате любого преступного действия на месте его совершения остаются следы, хотя бы, как минимум, следы ног преступника, средств передвижения или средств совершения преступления. Не обращать внимания на эти следы нельзя: они, как известно, играют исключительно большую роль в деле разоблачения преступника, что также является бесспорным. Однако, обнаружить следы в отдельных случаях не всегда представляется возможным, вследствие отсутствия в настоящее время надлежащих методов обнаружения и изъятия следов.

Так, например, если еще пару лет назад потожировые следы пальцев обнаруживались только на гладких поверхностях предметов, то в настоящее время, как известно, такие следы фиксируются и на шероховатых поверхностях. С разработкой методов фотографирования в инфракрасных лучах стало возможным фиксировать место преступления, покрытое туманом и т. д.

Применение в криминалистике новейших достижений естественных и технических наук всё больше вооружает следователя в борьбе с преступностью, расширяет его возможности по обнаружению и изъятию следов на месте преступления, являющихся исходными данными в деле разоблачения преступника.

Нет единого мнения также относительно терминологии. В теории и на практике употребляются термины «место происшествия» и «место преступления».

Если мы обратимся к задачам, подлежащим разрешению как на месте происшествия, так и на месте преступления, то мнение различных авторов в этих вопросах, в основном, единое. Следовательно, термины «места преступления» и «места происшествия» понимаются в одинаковом смысле.

Мы считаем, что термин «место происшествия» весьма ши-

рок по своему содержанию. Происшествие может быть и не преступного характера. Это понятие применяют и другие науки. Поэтому в советской криминалистике он должен быть заменен специфическим термином «место преступления». Практически это поможет следственным органам правильно применять осмотр места преступления в отличие от других видов осмотров, как-то: осмотра следов, предметов, помещений, документов и т. д., имеющих отношение к расследуемому событию, но не связанных с местом преступления.

В силу изложенного мы полагали бы возможным определить место преступления как территорию, помещение или пространство, где произошло преступное действие.

В этом определении подчеркнуто, что местом совершения преступления может быть любое пространство, а не только помещение или территория. Совершение преступления возможно как в воздушном пространстве, так и в воде. Нет уголовно-наказуемого деяния без места его совершения.

Данное определение места преступления учитывает практику. Предварительными действиями следователь, как правило, пытается установить место преступления. Возможно, что в процессе дальнейшего расследования выяснится, что осмотренное место не является местом совершения преступления, но производить осмотр необходимо. Поэтому ясно, что осмотр места преступления производится на предположительных началах. В большинстве случаев место совершения преступления выявляется только в результате осмотра.

Данное определение способствует более точному пониманию места преступления и, следовательно, производству осмотра места преступления, строго ограничивая такой осмотр от других видов осмотра и следственных действий, как-то: осмотра обнаруженных вещественных доказательств, следов, обыска и др.

Задачи осмотра места преступления заключаются в том, чтобы:

- 1) получить ясное представление об обстановке и всех обстоятельствах совершения преступления;
- 2) обнаружить, закрепить и сохранить вещественные доказательства и следы преступления;
- 3) на основе этого представить себе картину и способы совершения преступления и наметить все возможные его версии;
- 4) установить личность преступника, а в ряде случаев и мотивы совершения преступления»²³.

Из сказанного следует, что для успешного расследования

²³ Настольная книга следователя, М., 1949 г., стр. 330.

осмотр места преступления необходимо, по возможности, производить по всем делам. Этого требуют интересы раскрытия преступлений.

Рекомендовать же следователям в обязательном порядке производить осмотр места преступления при крупных хищениях, а в случаях мелкого хищения осмотра не производить — будет неправильно. За мелким хищением может скрываться крупное хищение или даже другое преступление. Дела, кажущиеся на первый взгляд простыми и ясными, в процессе расследования приобретают иногда сложный характер. Грубейшей ошибкой является предвзятое мнение следователя об одной определенной версии при расследовании дел. Преступления подлежат всестороннему расследованию. Хорошо проведенный осмотр места преступления в большинстве случаев дает ключ к раскрытию преступления. Следователь должен обладать высоким мастерством, чтобы, осуществляя осмотр места преступления, отыскать ответы на возникающие перед осмотром вопросы.

По большинству дел осмотр места преступления является одним из первоначальных следственных действий. Он является обязательным во всех случаях, когда следователю точно известно место преступления или когда он его предполагает. Если же в начале место преступления неизвестно следователю, например, по делам о растратах, об убийствах при отсутствии трупа, взяточничестве и др., то это не означает, что следователь в дальнейшем не должен проводить осмотр места преступления. Осмотр нужно осуществить немедленно по получении данных о месте преступления, если только к этому моменту не добыты данные, в силу которых осмотр места преступления отпадает.

Выше отмечалось, что по делам о хищениях в кооперативной торговле, возбужденным по материалам ревизии, выявившей растрату или недостачу материальных ценностей, следователи вообще не осматривают места совершения преступления. Такую практику нельзя признать правильной. Объясняется она тем, что до сих пор не было уточнено понятие места преступления и осмотру не придавалось должного значения, ввиду отсутствия разработки надлежащей методики его проведения.

Установление места совершения преступления иногда представляет известные трудности. Например, при расследовании дел, возбужденных по материалам систематического разбазаривания материальных ценностей. Где здесь место совершения преступления? Таковым следует здесь считать место незаконного изъятия материальных ценностей, т. е. магазин, склад, ларек и др. В этих случаях возможно несколько мест преступления. В таких местах могут остаться следы незаконно реализованных товаров, как-то: ярлыки, тара, часть предметов и

т. д. Большинство следователей производит в таких случаях обыск вместо осмотра места преступления. Обыск направлен на отыскание и изъятие предметов (ст. 175 УПК РСФСР), в то время как путем осмотра следователь выясняет ряд обстоятельств, проливающих свет на механизм совершения преступления. Поэтому, в зависимости от целей, нужно избрать то или другое следственное действие.

Место преступления по делам о растратах, недостачах во многих случаях выясняется только в конце расследования, когда уже добыто достаточно доказательств и преступление по существу уже раскрыто, в связи с чем может отпасть необходимость в производстве осмотра этого места преступления. Однако совершенно ясно, что ни одно дело нельзя считать расследованным с достаточной полнотой, если не будет установлено место совершения преступления.

Путем осмотра торгового помещения следователь может уяснить себе обстановку, в которой совершалось преступление, и вместе с тем получить возможность в совокупности с другими данными правильно построить версии. В результате осмотра места преступления следователь сможет определить круг свидетелей. Например: в качестве свидетелей могут быть лица, проживающие по соседству с местом преступления и имевшие возможность наблюдать, скажем, за магазином. Местонахождение телефона, толщина стен, характер дверей и помещения в целом могут иметь значение при допросе следователем продавцов, уборщиц и др. относительно действий материально-ответственного лица. Допрос свидетелей может быть произведен немедленно после осмотра места преступления.

Путем осмотра можно зафиксировать состояние помещения магазина, склада и др. влажность стен, отсутствие или наличие окон и вентиляционного устройства, расположение товаров, местонахождение весов, состояние пола, наличие негодной тары и порченных товаров и т. п., то-есть зафиксировать такие обстоятельства, на которые нередко ссылаются виновные для оправдания своих действий. Поэтому для того, чтобы следователю быть во всеоружии, нужно производить тщательный осмотр места преступления.

Несмотря на общепризнанную необходимость использования при осмотре места преступления, обыске и других следственных действиях научно-технических средств, минимум которых имеется в следственном чемодане, еще встречаются многие следователи, которые плохо или вовсе не используют эти средства. В нашу задачу не входит рассмотрение значения применения следственного чемодана в работе следователя при

расследовании дел, но считаем полезным отметить ряд характерных ошибок, допускаемых следователем при осмотре места преступления по делам о хищении общественного имущества в системе потребительских обществ Латвийской ССР вследствие неиспользования или неумелого применения научно-технических средств.

8 августа 1952 года по случаю кражи в магазине № 3 Анненского потребительского общества был произведен осмотр места преступления. С окон магазина преступники оторвали ставни и вынули стекла из окна²⁴. Следовательно, снаружи у магазина должны были быть следы ног и на стеклах — следы пальцев. Следователь не только не осмотрел улицу, двор, но и не зафиксировал в протоколе осмотра состояние окон. Осмотру было подвергнуто только внутреннее состояние магазина и обнаружены три бутылки со следами пальцев. При изъятии этих следов следователь допустил грубейшую ошибку, опылив следы пальцев порошком. Многие следователи забывают, что опыление следов пальцев допускается только в случаях невозможности изъятия самого предмета со следами или при отыскании невидимых следов пальцев (например, на бумаге). Во всех же остальных случаях следы не опыляются. Нужно учесть что в результате опыления ряд участков следа забивается, т. е. уничтожаются детали папилярных узоров, необходимые для индивидуальной идентификации. Как правило, на месте преступления остаются небольшие фрагменты пальцевых узоров преступника, т. е. следы, содержащие небольшое количество деталей. Поэтому нужно добиваться, чтобы эти детали были представлены на экспертизу в таком виде, в каком они найдены, а не уничтожены путем опыления.

Правильно поступил следователь, производивший 22 ноября 1954 года осмотр магазина № 2 Межотненского потребительского общества в связи с хищением имущества со взломом окна. На выбитых стеклах следователь обнаружил (при боковом освещении) следы пальцев. Стекла со следами были изъяты и следы были направлены на экспертизу в таком виде, в каком их нашел следователь, т. е. необработанными. Дактилоскопическая экспертиза установила, что следы оставлены гр-ном К., который затем признался в хищении²⁵.

В первом приведенном примере следователь поступил неправильно. На экспертизу нужно было направить все три бутылки со следами пальцев, не производя опыления. В результате ошибки, допущенной следователем, эксперт не мог обна-

²⁴ Народный суд Алуксненского района — дело № 1-45/52.

²⁵ Народный суд Бауского района — дело № 1-6/54.

ружить достаточного количества признаков для вывода. Во время осмотра следователь должен был применить и такой эффективный способ фиксации как фотография. Однако место преступления — магазин, место взлома, обстановка внутри магазина, место обнаружения бутылок, следы пальцев и т. д. сфотографированы не были. Нельзя недооценивать значения фотоснимков для расследования преступлений. В результате неудовлетворительно произведенного осмотра места преступления, неправильно примененных способов изъятия следов преступники не были обнаружены.

С. Н. Трегубов еще в 1915 году отмечал: «Удачные снимки передают ужас преступления красноречивее, чем самая талантливая речь обвинителя»²⁶. Фотоснимки не только иллюстрируют содержание протокола осмотра, но и дополняют его. То, что в момент осмотра казалось незначительным и в протокол не вошло, но на фотоснимке запечатлено, в дальнейшем процессе расследования может приобрести решающее значение для раскрытия преступления. Фотоснимок в таких случаях незаменим. Для воспроизведения обстановки места преступления в памяти, при построении версий следователя фотоснимки места преступлений могут оказать ему большую помощь. С успехом могут быть использованы фотоснимки при допросах. Они помогут допрашиваемому вспомнить отдельные события. То, что он не сможет описать словами, он сможет иногда показать следователю на фотоснимке.

Некоторые следователи, хотя и понимают роль судебной фотографии, но не применяют ее из-за неумения фотографировать. Необходимо отметить, что следователь должен уметь использовать не только черно-белую фотографию, но и цветную фотографию, при помощи которой можно зафиксировать место преступления, следы, труп, похищенные предметы и др. в их естественных цветах. Незаменима цветная фотография, например, для фиксации цвета дыма и огня во время пожара магазина, склада, базы и т. п. Цвет и сила дыма и огня дают возможность определить очаг пожара. Цветные снимки с места преступления, показывающие часть оставшихся после хищения товаро-материальных ценностей, оказывают большую помощь при розыске остальной части похищенных ценностей.

Кроме средств, сосредоточенных в следственном чемодане, при осмотре места преступления могут понадобиться и другие. Так, в процессе динамической стадии осмотра может понадо-

²⁶ С. Н. Трегубов, Основы уголовной техники, Петроград, 1915, стр. 24.

биться: молоток для простукивания стен в целях определения их характера; спиртометр для отличия воды от водки в сосудах с поврежденной укупоркой, магнит для отыскивания металлических опилок и т. д.

2 марта 1952 года следователь произвел осмотр киоска Приекульского потребительского общества в связи с заявлением заведующей киоском Ш. о краже со взломом. Киоск был ею якобы заперт висячим замком. Дужка замка оказалась перепиленной. Каких либо царапин на дверях следователь не обнаружил. Тем не менее следователь не применил магнит, чтобы отыскать металлические опилки на земле, которые должны были быть, если в действительности замок был перепилен на месте преступления. Только при повторном осмотре места преступления следователь устранил этот недостаток и применил магнит. Однако опилок не оказалось. Следователь во втором случае поступил правильно²⁷.

Плохо был проведен осмотр места преступления по делу М., совершившего кражу путем взлома двери буфета Гулбенского потребительского общества. Осматривая место преступления, следователь обнаружил около буфета лом и пустую бутылку. Не проверив наличие следов рук на бутылке, следователь возвратил бутылку в буфет. Не была им сделана и попытка обнаружить следы рук на ломе и на других предметах. Следы ног также не были найдены. Место преступления не было ни сфотографировано, ни зарисовано, ни подробно описано. Преступник был задержан при проверке личности и тут же признался в совершении кражи. Обвинение было построено исключительно на признании М²⁸. Такое дело нельзя считать расследованным правильно.

Приведем еще пример. 30 декабря 1953 года в милицию гор. Кулдиги поступило сообщение заведующего складом тары Кулдигского райпотребсоюза Ф. о хищении товаро-материальных ценностей в ночь на 30 декабря, причем замок двери якобы был ворами выпилен. Осмотр места преступления произвел уполномоченный милиции. Осматривающий не обнаружил никаких следов человека. Следы выпиливания не были ни зафиксированы, ни изъяты. Около дверей было обнаружено три шурупа от замка, но находились ли они внутри или снаружи склада — не было зафиксировано. Поскольку замок был выпилен из деревянной части двери, на месте должны были быть опилки. Однако на это весьма важное в данном случае обстоятельство

²⁷ Народный суд Приекульского района — дело № 26-52.

²⁸ Народный суд Гулбенского района — дело № 163-52.

уполномоченный милиции не обратил внимания. Если опилки отсутствовали, нужно было это отразить в протоколе осмотра. Склад и окружающая обстановка вообще не осматривались. При осмотре места преступления не применялось ни фотографии, ни других технических средств. В результате такого плохо проведенного осмотра места преступления преступник оставался долгое время не разоблаченным. Несмотря на составление протокола осмотра места преступления, производства допроса лиц, уголовное дело не возбуждалось. Только несколько месяцев спустя — 8 марта 1954 года было возбуждено уголовное дело против самого заведующего складом Ф., признавшегося в симуляции кражи. Оказалось, что Ф. сам выпилил замок, причем, конечно, дверь была в открытом положении и открывалась во внутрь склада. Следственным экспериментом было установлено, что выпилить замок в закрытом положении двери вообще невозможно²⁹.

В данном случае преступление было бы значительно быстрее раскрыто, если бы прокуратура сама производила расследование и осмотр преступления был бы произведен в соответствии с требованиями советской криминалистики.

Необходимо заострить внимание следователей ещё на одном вопросе, касающемся изъятия следов при помощи гипсового раствора. В целом техника изъятия объемных следов известна, проста и останавливаться на ней здесь нет надобности. Грубейшая ошибка допускается следователями, в большинстве случаев, при очистке готового, затвердевшего слепка от веществ почвы. В соответствии с рекомендациями, встречающимися в нашей литературе, изъятый слепок нужно промыть водой³⁰. С таким указанием никак нельзя согласиться. Как показывают проведенные опыты, вода воздействует разрушительно на поверхность слепка, смывая мелкую структуру поверхности, т. е. мелкие признаки, детали. Это наблюдается в особенности в тех случаях, когда песок, земля и т. д. удаляются рукой и т. п., хотя бы и с небольшим нажимом, так как при этом неминуемо вызывается трение (примерно, как наждачной бумагой) на поверхности слепка. В результате такой промывки часть индивидуальных признаков всегда уничтожается, что не особенно будет заметным при наличии большого количества признаков, например, на слепке следа всей нижней части обуви. Однако такая промывка может оказаться губительной, когда изъятый слепок по своим размерам является небольшим и с

²⁹ Народный суд Кулдигского района, дело № 1-34/54.

³⁰ А. Колесниченко, Г. Матусовский, Работа следователя над следами ног, «Социалистическая законность», 1956, № 1, стр. 58.

небольшим количеством признаков (например, слепок следа промежуточной части обуви). В таком случае следователь, применяя неправильный способ очистки слепка, может превратить его в предмет, непригодный для производства идентификации. Рекомендую действовать следующим образом. Изъятый гипсовый слепок помещается в сухое, теплое место. Через пару часов приставший грунт высыхает и частично сам отпадает. Остальную же часть необходимо удалить мягкой кистью или щеточкой. Хорошо удаляется песок с помощью настольного вентилятора. Вырывать или каким-то другим способом силой удалять из слепка травинки, волоски и т. п. не рекомендуется, так как это может привести к значительным разрушениям поверхности слепка.

Приведенные примеры наглядно показывают, к каким именно результатам приводит хорошо или плохо проведенный осмотр места преступления. Из последнего примера — по делу Ф. — мы видим, что дело было возбуждено только тогда, когда сам Ф. признался в симуляции кражи. Следовательно, если бы Ф. молчал, он, наверное, до сих пор оставался бы работать в прежней должности безнаказанным.

Слабо используются следователями средства следственного чемодана для составления планов. Если обычно составляются на месте преступления ориентирующие и обзорные планы, то развернутые планы помещения составляются весьма редко. Между тем неоспоримо, что подробный, развернутый план, например, магазина, в случаях симуляции хищения путем взлома окна, может оказать неоценимую помощь следователю при определении механизма совершения преступления, при разработке версий, при допросах, опознаниях, проведении следственного эксперимента. В процессе расследования могут возникнуть вопросы о расстоянии одного объекта от другого, о высоте потолка, о размерах окна, полок и т. п., не получившие отражения в протоколе осмотра места преступления. Несмотря на важное значение планов места преступления, их составление еще слабо разработано в советской криминалистике. Если, как уже указано, следователи в основном правильно составляют обзорные и ориентирующие планы, то развернутые планы составляют редко и, в большинстве случаев, неудовлетворительно.

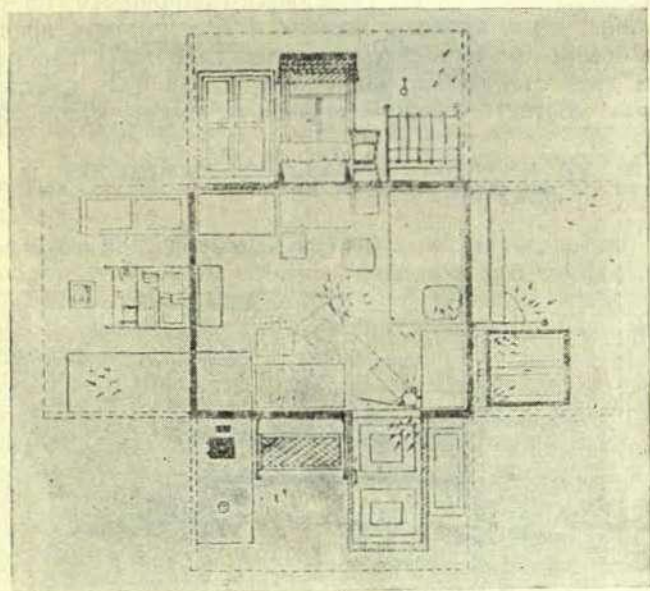
Рассмотрим, в чем заключается сущность развернутого плана и его составление.

П. И. Тарасов-Родионов о развернутом плане говорит: «В случае необходимости изобразить на плане соотношение предметов и следов, оказавшихся на стенах осматриваемого помещения, составляется развернутый план помещения, с изобра-

жением всех стен и находящихся на них предметов и следов... Если следы или предметы находятся на потолке, вычерчивается и план потолка»³¹.

Из этого следует, что развернутый план вычерчивается тогда, когда нужно изобразить на плане «соотношение предметов и следов». Такое объяснение не может нас удовлетворить, так как автор не поясняет, о каком соотношении идет

Фотограмма № 1. Репродукция³².

речь, то ли о соотношении площадей предметов, то ли о соотношении расстояний, то ли о соотношении форм, цвета и т. д. Если автор предполагал все соотношения, то изобразить их в одном плане немислимо. В плане, данном П. И. Тарасовым-Родионовым в качестве образца (см. фотограмму № 1), не видно, какое соотношение он отражает. Если сравнить высоту книг на полке с высотой шкафа, находящегося у дверей, выходит, что шкаф в пять раз больше книги, т. е. около 110 см

³¹ Настольная книга следователя. М., 1949 г., стр. 356.

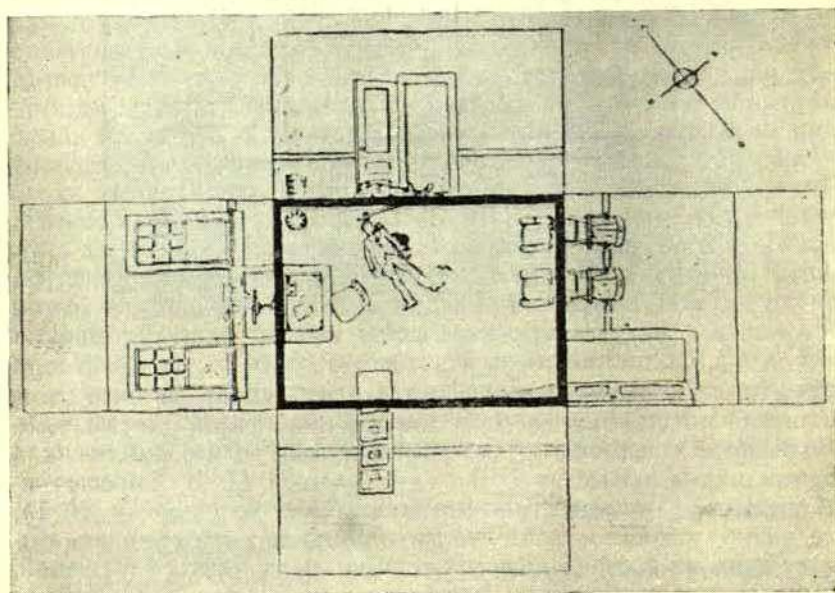
³² Там же.

при средней высоте книги в 22 см, а дверь примерно в 7 раз больше книги, т. е. около 160 см, что никак не может соответствовать действительности. Размер трупов больше размеров шкафов. Ненормально велики по сравнению с другими объектами изображены также брызги крови.

Далее П. И. Тарасов-Родионов считает, что развернутый план составляется при необходимости изображения на плане предметов и следов, «оказавшихся на стенах осматриваемого помещения». Мы согласны с этим указанием автора, но почему эти слова расходятся с его примерным планом? На развернутом плане, составленном П. И. Тарасовым-Родионовым, на стенах изображены: стул, кровать, шкафы и т. д., то-есть предметы, которые обычно не находятся на стенах. Кровать изображена даже на двух стенах. Спрашивается, какая цель преследовалась таким соответствующим действительности изображением объектов.

Такого же неверного взгляда придерживается и В. И. Попов³³, (см. фотограмму № 2).

Фотограмма № 2. Репродукция³⁴.

³³ В. И. Попов — Осмотр места преступления, М., 1948 г., стр. 15.

³⁴ Там же.

Между тем эти два приведенных образца плана являются почти единственными в криминалистической литературе и они используются работниками прокуратуры и судов в качестве образцов.

Непонятно, с какой целью изображаются упомянутыми авторами на стенах предметы, находящиеся на полу. Об этом они ничего не говорят. Авторы не указывают также, какие предметы и на какой из стен нужно рисовать. П. И. Тарасов-Родионов изображает, например, предметы, стоящие в углу, на обоих близлежащих стенах, В. И. Попов же — только на одной стене. Корзина для бумаг, как это видно на плане В. И. Попова, стоит не вплотную к стене, а на известном расстоянии от неё. Спрашивается, какое расстояние допустимо или необходимо, чтобы предмет мог быть внесен на стену? А каким образом можно было бы зафиксировать в развернутом плане такие следы, как, например, брызги крови на стене, но за шкафом, стоящим у этой стены? — Очевидно, никак, если следовать рекомендациям упомянутых авторов, так как следы оказались бы заслоненными шкафом.

Далее мы видим, что В. И. Попов рисует человека, изображая голову, руки, ноги и т. д. Насколько это правдиво, неизвестно. П. И. Тарасов-Родионов изображает труп в виде комплекса геометрических фигур, далеко не отражающих действительного человека.

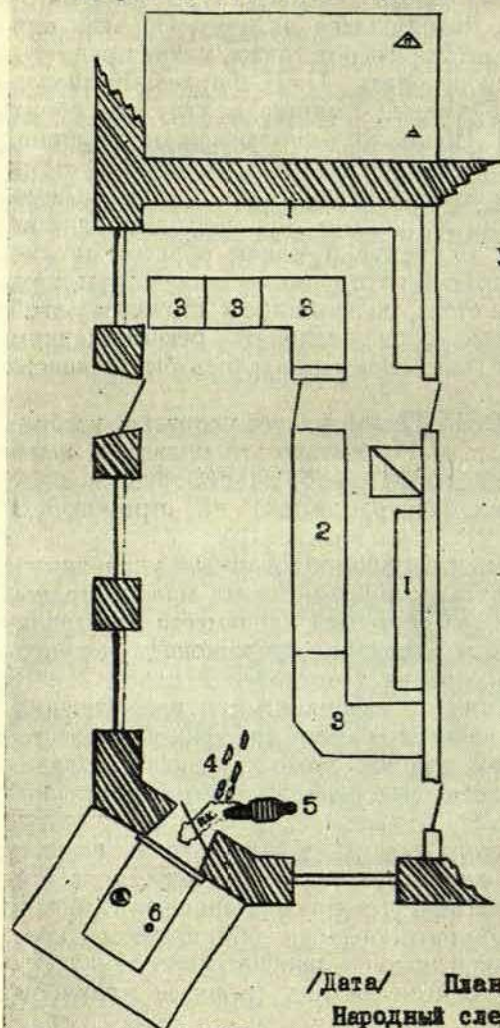
Всё это говорит о том, что рекомендованные указанными авторами образцы развернутых планов неточны, малопригодны.

Как уже было сказано, развернутый план места преступления имеет большое значение и служит приложением к протоколу осмотра места преступления. Составление плана — это один из способов фиксации обстановки места преступления. Развернутый план составляется только для фиксации обстановки в помещении, причем, как уже само название подсказывает, стены и потолок помещения разворачиваются в стороны и в одну плоскость с полом.

Составление развернутого плана обязательно в случаях обнаружения следов или вещественных доказательств на стенах или потолке. Мы полагаем, что разворачиванию подлежит только та стена или тот потолок, где обнаружены следы. Естественно, что на стенах и потолке изображается только то, что действительно находится на них (образец плана см. стр. 280).

Как поступить при составлении развернутого плана, если следы обнаружены под предметами, находящимися на стенах, например, как изобразить пулю, которая рикошетируя упала за картину? — В таких случаях необходимо отдельно составить

РАЗВЕРНУТЫЙ ПЛАН
 места преступления - магазина № ...
 потребительского общества
 по ул. дом № гор.

Условные обозначения:

- 1 - полка
- 2 - прилавок
- 3 - стекл. витрина
- 4 - кровян. следы
- 5 - труп сторожа Н.
- 6 - пробойна от пули

/Дата/ План составил:
 Народный следователь прокуратуры
 Р-на Л С С Р
 брига 3-го класса:
 Поняты: 1.
 2.

Масштаб - 1:100

план участка обнаружения пули, фиксируя в перспективной проекции предмет и за ним обнаруженную пулю, а на развернутом плане места преступления данное место на стене отмечать стрелкой.

Так как при уяснении причин и путей возникновения следов всегда нужно оперировать по возможности точными данными, целесообразно составлять развернутый план в масштабе. Естественно, что при наличии масштабного плана отпадает необходимость фиксировать в протоколе осмотра места преступления данные, отображенные масштабом, а также характер взаиморасположения предметов. Однако со всей подробностью в протоколе осмотра следует описать точное расположение трупа, измерив расстояние между руками, ногами, между отдельными частями трупа и близлежащими предметами, так как изобразить труп в его действительном виде и расположении в масштабном плане нельзя. У следователей, пытающихся нарисовать на плане труп, получается это, как правило, очень плохо, карикатурно, конечно, далеко не в масштабе, и пользы от такого рисования мало. Поэтому необходимо на масштабном плане труп отметить условным обозначением для трупа, рекомендованным А. И. Винбергом и А. И. Антоновым. Для наглядности, не претендующей на точность, можно дополнительно составить еще схематический план с примерной позой трупа.

Развернутый план рекомендуется составлять в масштабе не меньше чем 1 : 50. Измерению подлежит всё, что будет изображено на плане, в том числе и толщина стен, ширина пролетов окон, место расположения электророзеток и т. д. Конечно, это кропотливая работа, но такой план может сыграть решающую роль по делу, когда, например, подсудимый на суде заявит, что окно было настолько узко, что он вообще не мог проникнуть в магазин через окно. Так как ранее, на предварительном следствии, обвиняемый об этом не заявлял, то и следователь при допросах не обращал внимания на это обстоятельство. Предположим, что ко времени рассмотрения дела в суде окно магазина было полностью переделано, расширено. У суда, таким образом, останется только одна возможность — проверить заявление подсудимого по масштабному развернутому плану. При отсутствии же такого плана дело может быть возвращено на следствие или даже прекращено.

Кроме применения условного обозначения для трупа следует использовать при составлении плана другие условные обозначения для трудно передаваемых на плане предметов, как-то: телефонных аппаратов, настольной электrolампы, батареи

центрального отопления и т. д., рекомендованные А. И. Антоновым и А. И. Винбергом (см. фотографию № 3).

Составлять планы можно не только при осмотре места преступления, но и при производстве других следственных действий: осмотрах условий хранения товаров, следственных экспериментах, обысках и др.

Фотограмма № 3. Репродукция³⁵

	СТЕНА КИРПИЧНАЯ		КОЛПАК		ГИБИВА
	СТЕНА ДЕРЕВЯННАЯ		ПОМОЩКА		ПЯТНА КРОВИ
	ДЕРЕВЯННАЯ ПЕРЕБОРКА		ЭЛЕКТРО- ЛАМПА		ПЯТНА
	ЛАМПА В РАМУ		НАСТОЛЬНАЯ ЭЛЕКТРО-ЛАМПА		СЛЕДЫ ПАДЕНИЯ ДЕВ. РУК
	ЛАМПА В РАМУ		ШТЕПСЕЛЬНАЯ РОЗЕТКА		ВДАВЛЕННЫЕ СЛЕДЫ НОГ
	ОДНОУВЕРЧА- ТАЯ ДВЕРЬ		ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ		ПОВРАЩАЮЩИЕ СЛЕДЫ НОГ
	ДВУХУВЕР- ЧАТАЯ ДВЕРЬ		ЗВОНКОВАЯ КНОПКА		МЯГКИЕ ВДЫМА
	ПЕЧКА		ТЕЛЕФОННЫЙ АППАРАТ		ОБЪЕМНОСТЬ
	ПЛИТА		Т.РУП		ОТКОЖЕ В ШТЕПЕЛЬ ИЛИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
	БАТАРЕЯ ЦЕНТРАЛЬ- НОГО ОТОПЛЕНИЯ		ХОЛОДНОЕ ОРУДИЕ		СЛЕДЫ ТРАНСПОРТНОГО ГРЕДЕТЬ/ОД АВАРИИ
	УБОРНАЯ		ВНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУДИЕ		СЛЕДЫ ТРАНСПОРТНОГО ГРЕДЕТЬ/ОД АВАРИИ
	ВАННАЯ		ПУЛЯ		

ПРИМЕЧАНИЕ:
ПРИ ОТСУТСТВИИ УСТАНОВЛЕННОГО
УСЛОВНОГО ЗНАКА СЧИТАЕТСЯ СЫМ ТИПОМ

Для более успешного осмотра места преступления рекомендуется привлекать различных специалистов. Редко встречается дело, по которому не участвовал бы судебно-медицинский эксперт или врач при осмотре трупа на месте преступления. Но редко проводится осмотр места преступления с участием специалистов других наук. Объясняется это, очевидно, тем, что в сельских местностях и малых городах, обслуживаемых потребительской кооперацией, не всегда имеются надлежащие специалисты. Кроме того, следователи еще недооценивают значение участия специалистов в осмотре места преступления.

³⁵ А. И. Винберг, Осмотр места происшествия, обыск, выемка. ВЮА, 1950 г., стр. 103.

Большую помощь может оказать следователю, например, специалист в области слесарного дела при осмотре взломанного замка. Специалист сможет указать на отсутствие на месте взлома тех или иных деталей замка, в силу чего должна быть подвергнута проверке версия о симмуляции хищения. Специалист-каменщик выскажет свое мнение о времени, в течение которого возможен был пролом стены. Специалист столярного дела укажет следователю на возможность или на невозможность выпиливания замка при закрытом положении дверей и какая пила могла быть при этом использована. Эксперт-криминалист может оказать содействие следователю при обнаружении и изъятии следов, при определении полета пули и места нахождения стрелявшего в момент выстрела, а также при применении сложного фотографирования, метрической съемке, масштабной съемке латентных следов пальцев и др. Целесообразно использовать при осмотре места преступления знания и других специалистов: товароведов, химиков, представителей пожарной инспекции и т. д.

Следует еще раз подчеркнуть, что успешное расследование преступлений возможно только при хорошей осведомленности следователя о соответствующей отрасли науки, техники или производства.

Для того, чтобы быстро, всесторонне и правильно определить и осуществить первоначальные следственные действия по делам, возбужденным по признакам Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», относящимся к кооперативной торговле, ведущему расследование необходимо хорошо знать структуру кооперативной торговли в целом и порядок деятельности соответствующего торгового предприятия в частности, а также методику расследования этих дел. Если до возбуждения уголовного дела следователь не успел ознакомиться с работой потребительской кооперации, то одним из его первых шагов после получения дела для расследования должно быть изучение деятельности организации, порядка движения и оформления товаров, обязанностей заведующего, продавцов и т. д.

Если следователь считает, что по поступившим материалам ревизии требуется еще уточнить ряд моментов и для этого допросить ревизора, то этот допрос, как правило, нужно произвести среди первоначальных следственных действий, так как построение версий на неясных для следователя материалах недопустимо.

Итак, следует считать, что первоначальными следственными действиями по рассматриваемой категории дел могут быть:

1. Обыск.
 2. Осмотр места преступления.
 3. Наложение ареста на имущество.
 4. Допрос материально-ответственного лица.
 5. Допрос ревизора.
 6. Допрос очевидцев.
-

SATURA RĀDITĀJS

I

Lpp.

VALSTS UN TIESĪBU TEORIJA UN VĒSTURE

Doc. <i>E. Udris</i> . P. I. <i>Stučka</i> — revolucionars, valsts darbinieks, zinātnieks	5
Jur. zin. kand. <i>V. Millers</i> — Latvijas pirmā Padomju konstitūcija	23
Jur. zin. kand. <i>E. Stumbiņa</i> — Daži jautājumi par padomju tiesas organizāciju un darbību Latvijā 1917.—1919. gados	43
Docents, jur. zin. kand. <i>V. Kalniņš</i> — Agrāro valstisko veidojumu un sākotnējo tiesību rašanās Latvijas teritorijā	67
Docents, jur. zin. kand. <i>G. Kļava</i> — Mūsdienu amerikāņu reakcionāro tiesību koncepciju antizīnātniskais raksturs	93

II

VALSTS TIESĪBAS

Jur. zin. kand. <i>E. Jostsons</i> — Par Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija kompetenci	117
--	-----

III

KRIMINALTIESĪBAS UN PROCESS

Jur. zin. kand. <i>M. Blūma</i> — Amatpersonu atbildība par noziedzīgu nolaidību pēc padomju kriminaltiesībām	129
Docents, jur. zin. kand. <i>A. Liede</i> — Audzināšanas problēma krimināllietu iztiesāšanā	213

IV

KRIMINALISTIKA

<i>I. Indulēns</i> — Sākotnējās izmeklēšanas darbības sabiedriskā īpašuma izlaušanās lietās kooperatīvajā tirdzniecībā	245
--	-----

285

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Доцент <i>Э. М. Удрис</i> , П. И. Стучка — революционер, государственный деятель, ученый	5
Канд. юрид. наук <i>В. О. Миллер</i> — Первая Советская конституция Латвии	23
Канд. юрид. наук <i>Э. Я. Стумбина</i> — Некоторые вопросы организации и деятельности советского суда в Латвии в 1917—1919 годах.	43
Доцент, канд. юрид. наук <i>В. Е. Калныньш</i> — Возникновение ранних государственных и правовых форм на территории Латвии (на латышском языке)	67
Доцент, канд. юрид. наук <i>Г. Я. Клява</i> — Антинаучный характер современных американских реакционных концепций права	93

II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Канд. юрид. наук <i>Э. А. Иостсон</i> — О компетенции Президиума Верховного Совета Латвийской ССР (на латышском языке)	117
--	-----

III

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Канд. юрид. наук <i>М. И. Блум</i> — Ответственность за преступную халатность должностных лиц по советскому уголовному праву	129
Доцент, канд. юрид. наук <i>А. А. Лиуде</i> — Проблема осуществления воспитательных целей судебного производства по уголовным делам	213

IV

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>И. Г. Индулен</i> — Первоначальные следственные действия по делам о хищениях общественного имущества в кооперативной торговле	245
--	-----

Редактор доцент А. Лиене
Техн. редактор К. Зариньш

Сдано в набор 2 января 1957 г. Подписано
к печати 19 марта 1957 г. Формат бумаги
59×88¹/₂. 18 печ.-уч. изд. листов. Тираж
550 экз. ЯТ 08480. Бесплатно.

Отпечатано в типографии № 2 «Советская
Латвия» Главного управления издательств,
полиграфической промышленности и книж-
ной торговли, г. Рига, ул. Дzirnavu, 57.
Заказ 30.